

Религиозная организация —
духовная образовательная организация высшего образования
**«МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»**

На правах рукописи

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословия

**ОПЫТ ПАСТЫРСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ
БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО
ГОСПИТАЛЯ)**

Автор:

/иерей Илья Александрович Тягин/

Научный руководитель:

/проф. Первушин Михаил Викторович/

г.Сергиев Посад, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	21
1.1. Историко-богословское обоснование социального движения христианина в Церкви.....	21
1.2. Деятельность Московского военного госпиталя и в период Крымской войны и послевоенный период.....	64
1.3. Социальное служение в годы Русско-турецкой войны на примере Московского военного госпиталя.....	84
ГЛАВА 2. ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ И ПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	116
2.1. Московский военный госпиталь в годы Русско-японской войны и его милосердное служение.....	116
2.2. Пастырское и социальное служение в деятельности Московского военного госпиталя с 1914 по 1917 год.....	145
2.3. Политические перевороты 1917 г. и их отражение на пастырской и социальной деятельности в Московском военном госпитале.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	190
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	195
СПИСОК ТЕРМИНОВ.....	197
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	199
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	204
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	227

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена истории пастырского и социального служения больным и раненым в Российской империи на примере деятельности Московского военного госпиталя, ныне Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко (далее по тексту – Госпиталь). За 316 лет в стенах Первенца отечественной государственной медицины, основанного в 1706 году в Москве по именному указу Петра I как лечебное и медицинское учебное заведение¹, пролечено более 5 миллионов болящих, раненых, страждущих. В каждую историческую эпоху с первых лет работы Госпиталь переживал и разделял все испытания, выпадавшие на долю государства Российского, предоставляя помощь тем, кто болен или пострадал. И во все времена духовным стержнем коллектива был госпитальный священник. Безусловно, служение в военном лечебном учреждении с богатой историей и сложившимися традициями накладывает особую ответственность на православного священника. Он выступал в роли духовного наставника для воинов, помогая им укрепить свою внутреннюю силу, достойно преодолеть трудности и вернуться к боевой готовности, а медицинский персонал вдохновлял своими словами, служа примером стойкости и смирения; приносил столь необходимое слово утешения родным и близким воинов, оказывая посильную социальную помощь.

Начало XXI века для России – это период исторического выбора и нового этапа развития. И сегодня в старейшее российское военное лечебное заведение со всех концов России, а также из разных «горячих точек» планеты поступают самые

¹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4356. Л. 2–4 об.; Оп. 1. Ч. 2. Д. 1849. Л. 2–2 об.

тяжелые пациенты. Позади сложные годы борьбы с коронавирусной инфекцией, ставшие проверкой госпитального коллектива на прочность; а с 2022 года – новый этап работы Госпиталя, когда в качестве всеармейского военно-медицинского центра он спасает жизни пострадавшим защитникам Отечества, поступающим из зоны проведения специальной военной операции. И, как и сто лет назад, госпитальный пастырь духовно окормляет пациентов и сотрудников Госпиталя.

Плоды социальной деятельности священников Госпиталя за два десятилетия XXI века – сотни тяжелых раненых и больных защитников Отечества, приблизившихся к Господу и принявших Святое Крещение, укрепившихся духом, получивших улучшение состояния духовного и физического здоровья. В 2022 году при госпитальном храме Святых первоверховных апостолов Петра и Павла – первом стационарном военном храме России – была создана Петропавловская дружина, объединившая усилия нескольких сотен добровольных помощников Госпиталя, расширившая свою деятельность на его филиалы. Волонтеры являются помощниками госпитального священника и младшего медицинского персонала.

Актуальность исследования определяется следующими факторами.

Во-первых, в современных реалиях потребность в пастырском окормлении российских военных лечебных учреждений (в прифронтовой полосе и в глубоком тылу) как никогда высока.

Во-вторых, новые реалии требуют и новых решений, но в советский период многовековая традиция служения госпитальных священников была нарушена. Для того чтобы понять, как формировались основополагающие принципы госпитального социального служения, творчески развивать традиции церковного служения в Российской Армии, чутко отвечая на запросы современности, будет закономерным обратиться к опыту социальной деятельности Русской Православной Церкви в военно-лечебных учреждениях в периоды ведения широкомасштабных кровопролитных войн с середины XIX века до закрытия госпитальных храмов в 1920 году.

В-третьих, история Московского военного госпиталя, всегда стоявшего в авангарде передовых научных знаний, содержит и бесценный опыт формирования

и развития социального движения как в периоды крупных военных конфликтов, так и в периоды мирной жизни. Изучение и переосмысление такого обширного опыта деятельности госпитального духовенства и его помощников-мирян особенно актуально сегодня, когда в зону боевых действий специальной военной операции и в военные лечебные учреждения фронта и тыла массово направляются священнослужители и сестры милосердия для душепопечения воинов. Фиксация и анализ динамики развития социального служения священников и сестер милосердия в Московском военном госпитале на протяжении рассматриваемого периода помогут сегодня успешно внедрять в практику лучшие традиции прошлого, адаптируя их к современным реалиям.

Степень изученности темы

Как показывают исследования, источников, касающихся истории домовых и, в частности, больничных храмов, сохранилось меньше, чем связанных с историей приходских, соборных и монастырских храмов, и работа по их выявлению сложнее: домовые и больничные храмы воспринимались не как самостоятельное учреждение, а как его часть². В частности, об этом пишет в своей работе архимандрит Алексей (Вылажанин)³. Еще в большей степени это относится к истории храмов военных госпиталей: освещение темы военно-госпитального социального церковного служения ограничивалось крайне немногочисленными источниками, после 1917 года целенаправленно уничтожавшимися⁴, поэтому нельзя говорить о высокой степени изученности поднимаемой в работе темы..

После выхода в свет фундаментальных исследований Я. А. Чистовича «Очерки из истории Русских медицинских учреждений XVIII столетия» (1870)⁵ и «История первых медицинских школ в России» (1883)⁶, значительная часть

² Архимандрит Алексей (Вылажанин). История храмов Московского военного госпиталя (Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко). Сергиев Посад, 2015. С. 5.

³ Архимандрит Алексей (Вылажанин) – благочинный церковью Петропавловского округа г. Москвы, настоятель храма Святых апостолов Петра и Павла в Лефортове.

⁴ Капков К. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. М.: Информационный центр «Летопись», 2009. С. 5.

⁵ Чистович Я. А. Очерки из истории Русских медицинских учреждений XVIII столетия. С-Пб., 1870. 416 с.

⁶ Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб: Тип. Якова Трея, 1883. 1040 с.

которых посвящена истории Московского госпиталя, и до 200-летнего юбилея Госпиталя в 1907 году исследований о нем не появлялось.

В начале XX века история Госпиталя изучалась заведующим психиатрическим отделением Московского госпиталя А. Н. Алелековым⁷. В 1907 году увидела свет его книга «История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг.»⁸ Этот труд, содержащий более семисот страниц, стал одним из образцовых произведений в области истории медицины, включая дисциплину военной медицины. Большое внимание А. Н. Алелеков уделил истории постройки храмов Госпиталя, служения госпитальных священников. При написании своего труда А. Н. Алелеков использовал большое количество редких архивных материалов, многие из которых в наше время безвозвратно утрачены. Важным достоинством труда также является публикация фотографического и иного изобразительного материала, позволяющего увидеть здания и коллектив Госпиталя, в том числе храмы и госпитальное духовенство начала XX века.

Как подчеркивают исследователи истории военного священства, тема церковного социального служения в государственных военных лечебных учреждениях царской армии в годы советской власти, после октября 1917 года, в силу идеологических причин практически не разрабатывалась и не освещалась. Атеистическая идеология советского государства была направлена на искоренение исторической памяти, в том числе и памяти о госпитальных священниках и сестрах милосердия. Архивные документы и печатные издания по этой тематике уничтожались или переводились в разряд «спецхрана», недоступного для массового исследования. Научные редакторы – ветераны издательства «Воениздат» – опираясь на свидетельства людей, работавших в издательстве с 1960-х по 1980-е годы, указывают⁹, что там могли уволить даже за упоминание

⁷ Алелеков Александр Николаевич – доктор медицины, заведующий неврологическим и психиатрическим отделениями Госпиталя.

⁸ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М.: Тип. Штаба Воен. окр., 1907. 719 с.

⁹ Свидетельствует ветеран издательства «Воениздат» полковник медицинской службы Г. П. Журавлев, трудившийся в нем в 1960-е – 1980-е годы в должности научного редактора.

«Великий русский хирург Николай Иванович Пирогов и его сестры милосердия в осажденном Севастополе». Нужно было писать «... и его *медицинские сестры*», хотя это название специальности среднего медицинского персонала появилось лишь во второй половине 1920-х годов.

В медицинском музее Госпиталя хранятся документы делопроизводства Госпиталя за 1900–1917 годы, носящие следы цензуры: из подшивок документов произведены выборочные изъятия, а также уничтожены целые тиражи изданий советского времени, содержащих нежелательные на тот или иной исторический момент факты.

По вышеуказанным причинам в годы советской власти храмы Госпиталя, как и храмы Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, других военных лечебных учреждений, никогда не являлись предметом специальных исследований и отрывочные сведения о них появлялись на страницах научных и научно-популярных изданий, как правило, в связи с изучением истории этих заведений¹⁰. Закономерно, что немало работ, посвященных развитию архитектуры г. Москвы в период XVIII – начала XX веков, содержат научное описание и искусствоведческий анализ исторического комплекса зданий Госпиталя в целом и архитектуры его храмов. Госпитальный архитектурный ансамбль включен в список памятников архитектуры, подлежащих охране как памятники государственного значения (Постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327)¹¹. В медицинском музее Госпиталя хранится отчет о работах по перепланировке госпитального домового храма Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, произведенной в связи с капитальным ремонтом в 1959 году «нервного», или «церковного», корпуса госпиталя, во время которого помещение четверика храма было разделено на первый и второй этажи перекрытиями, в стенах с росписями

¹⁰ См.: Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 / Под ред. А. М. Крупчицкого. Москва: Полиграфкнига, 1943. 232 с.; *Крупчицкий А. М.* Первенец русской медицины. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. 172 с.; *Пашутин В. В.* Исторический очерк / Юбилейный Сборник ВМА. Спб., 1962. С. 6–8.; Главный военный госпиталь / под ред. Н. Л. Крылова. М.: Воениздат, 1985. 238 с.

¹¹ См.: Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII в. (от Земляного до Камер-Коллежского вала). М., 1998; *Кириллов В. В.* Архитектура Москвы на путях европеизации. От обновлений последней четверти XVII века к петровским преобразованиям. М., 2000.

начала XIX века прорублены дверные проемы, сделан вход в корпус через алтарь. Во время ремонта смелые архитекторы из «Военпроекта» тайно «законсервировали» росписи храма и в отчетные чертежи 1959 года подшили поэтажные планы «церковного» корпуса (1849 год) с храмом в уповании на то, что пройдет атеистическое время и госпитальный храм будет восстановлен¹².

В 1943 году в связи с 235-летним юбилеем Госпиталя была издана «Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя»¹³. В данной книге содержится статья А. Р. Злобина¹⁴ «Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942», где автор своими воспоминаниями отчасти восполняет пробел, образовавшийся в истории Госпиталя после выхода труда А. Н. Алелекова¹⁵. Впервые за годы советской власти А. Р. Злобин приводит свидетельства о храмах Госпиталя, работе госпитального священника и штатных сестер милосердия.

В 1958 году издается книга «Первенец русской медицины» А. М. Крупчицкого, написанная к отмечавшемуся в 1957 году 250-летнему юбилею госпиталя¹⁶. Разделы этой книги (некоторые из них написаны под редакцией и с помощью материалов из личной картотеки С. А. Себеки¹⁷), описывают историю Госпиталя в общей связи с развитием российской военной медицины. Наряду с исторической информацией о развитии Госпиталя автор приводит в книге краткие биографии членов госпитального коллектива, говоря

¹² Военный Госпиталь им. Н. Н. Бурденко: Отчет о реставрационных и исследовательских работах, проведенных в 1957–1959 гг. по зданию № 2 и ограде на Госпитальной улице с планом корпуса 1899 г. // Академия строительства и архитектуры СССР. Центральные научно-реставрационные мастерские. 1959. 7 с.

¹³ Автор – Александр Матвеевич Крупчицкий. Генерал-майор медицинской службы, начальник Госпиталя (1941–1950). Возглавил Госпиталь в первые дни Великой Отечественной войны, руководил его деятельностью в военный период и годы послевоенной деятельности по восстановлению здоровья возвратившихся с фронтов защитников Отечества.

¹⁴ Генерал-майор медицинской службы Злобин Александр Родионович – заведующий патологоанатомической службой Госпиталя; состоял на службе с 1902 по 1947 год. Первый генерал-патологоанатом в Вооруженных силах СССР.

¹⁵ Злобин А. Р. Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь. М., 1943. С. 23–46.

¹⁶ Крупчицкий А. М. Первенец русской медицины. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. 172 с.

¹⁷ Генерал-майор медицинской службы Себека Сергей Александрович – выдающийся теоретик и историк военной медицины.

много добрых слов как о корифеях военной медицины, чьи труды принесли Госпиталю заслуженную славу, так и о рядовых сотрудниках, без самоотверженного труда которых Госпиталь не смог бы существовать.

Историография социального служения в Главном госпитале страны получила дальнейшее развитие в книге «Главный военный госпиталь» под редакцией Н. Л. Крылова¹⁸, изданной к 275-летию Госпиталя¹⁹. Авторскому коллективу книги удалось создать исторический труд, ставший результатом длительного изучения доступных архивных и литературных источников, в подготовке издания принимали участие ведущие специалисты Госпиталя.

В постперестроечные годы с большей части документов и печатных изданий было снято цензурное бремя и в печати стали появляться статьи исследователей истории российских военных госпиталей.

Полезно было бы упомянуть в библиографическом обзоре, как пример честного и объективного отношения к истории, фундаментальный многотомный труд М. П. Бойчака²⁰, посвященный истории Главного военного клинического госпиталя Министерства обороны Украины; издан в 2005–2009 годах, до известных событий, полностью перекроивших и извративших историю соседнего с Россией государства. М. П. Бойчак освещает и историю храмов госпиталя²¹.

На основе ставших открытыми архивных материалов в конце 1990-х годов был написан ряд книг и статей, посвященных «обновленной» и весьма расширенной истории Московского военного госпиталя (М. В. Поддубный, А. В. Абашин, М. Б. Овчинникова, С. В. Пономарев и др.). Каждый из указанных авторов внес вклад в изучение истории милосердного служения старейшего лечебного учреждения России.

¹⁸ Генерал-майор медицинской службы Крылов Николай Леонидович – начальник Госпиталя (1973–1983). Выдающийся хирург и организатор военной медицины, трудился в Госпитале до 2017 года.

¹⁹ Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М.: Воениздат, 1985. 238 с.

²⁰ Генерал-майор медицинской службы Бойчак Михаил Петрович – начальник Главного военного клинического госпиталя Министерства обороны Украины (1996–2012). Выдающийся клиницист, организатор и историк военной медицины.

²¹

Бойчак М. П. История Киевского военного госпиталя. Диагностические и вспомогательные подразделения. Госпитальные храмы. Подготовка кадров. Кн. V. Киев, 2009. 557 с.

В 2005 году был издан труд «Очерки истории отечественной общей и военной психиатрии» Г. П. Колупаева²², признанного «патриарха» военной психиатрии, трудившегося в Главном военном госпитале с 1951 по 2006 год. Книга, написанная на основе обширного фактического материала, показывает зарождение и развитие 300-летних традиций милосердного социального служения душевнобольным пациентам-воинам в Госпитале.

Трехтомный труд «Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко», изданный в 2006 году, в канун празднования 300-летия Указа об основании Госпиталя, открыл широкому кругу читателей не освещавшиеся ранее страницы госпитальной истории, в том числе историю начала работы в нем сестер милосердия²³.

Одна из важных ипостасей социального служения священника – подготовка и проводы человека в последний земной путь. В продолжение трех столетий ведения российской армией военных действий раненые воины, умершие в Москве (в том числе неизлеченные в Госпитале) от ран и болезней, находили последнее упокоевание на московском Семёновском военном кладбище, ставшем к началу XX века одним из самых больших в мире военных некрополей²⁴. Шефствовал над некрополем и являлся ответственным за захоронение воинов Госпиталь и госпитальный священник. При изучении госпитальными исследователями истории Семёновского военного некрополя в Центральном историческом архиве г. Москвы были обнаружены ранее неизвестные документы из архива госпитального делопроизводства XIX века. Данные документы находились в закрытых фондах.

Исследовательская работа по восстановлению «сознательно забытой» части истории Главного военного клинического госпиталя имени Н. Н. Бурденко, посвященной деятельности госпитальных священников и сестер милосердия,

²² Полковник медицинской службы Григорий Петрович Колупаев – начальник психиатрического отделения Госпиталя (1961–1985), инициатор создания психиатрического центра Госпиталя, в котором трудился до смерти в 2006 году. Выдающийся клиницист и организатор военной медицины.

²³ Ардашев В. Н., Григорьева Е. В., Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // В кн.: Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. М., 2006. Т. I. С. 282–298.

²⁴ Медведев Г. А., Смирнова А. Г. Московское Семёновское кладбище – некрополь воинской славы России // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. I. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 255–268.

началась в 1990-е годы по инициативе командования Госпиталя. Несмотря на трудности, обусловленные разрозненностью архивных материалов, историография церковного социального служения с каждым годом пополнялась благодаря вновь найденным архивным документам, стараниям сотрудников медицинского музея Госпиталя, потомков трудившихся в Госпитале медицинских и хозяйственных чинов²⁵.

В 1998 году увидела свет небольшая книга «Традиции милосердия: путь через столетия (страницы истории Главного военного клинического госпиталя)», написанная сотрудниками Госпиталя А. Г. Васюкевичем и М. Б. Овчинниковой и ставшая первым опытом обобщения обнаруженного богатейшего архивного материала и хронологической фиксацией современной социальной госпитальной деятельности госпитального духовенства²⁶. В 2003 году увидело свет второе издание книги, дополненное материалами по продолжению восстановления историографии и современной социальной деятельности госпитального священника и прихожан храмов Госпиталя²⁷.

Позднее данная тема была развита в трудах под названием «Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству». Первая книга первого тома этой публикации: «Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX столетия»²⁸ была издана в 2010 году, а вторая книга – «Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX столетия»²⁹ – издана в 2011 году. В работе впервые были представлена периодизация различных этапов пастырского служения, храмового строительства и женского милосердного сестринского движения в Госпитале.

²⁵ Дела из РГВИА, ЦГА г. Москвы, РГВА, ЦГАМО, ЦАМО (см. список источников).

²⁶ Традиции милосердия: путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко / сост. Васюкевич А. Г., Овчинникова М. Б. 1-е изд. М., 1998. 16 с.

²⁷ Традиции милосердия: путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко / сост. Васюкевич А. Г., Овчинникова М. Б. 2-е изд. М., 2003. 22 с.

²⁸ Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины России. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. 279 с.

²⁹ Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. 743 с.

Даже поверхностное ознакомление с трудами, посвященными истории социального служения в Госпитале, открывает для читателя самоотверженную деятельность на благо Отечества военных священников и сестер милосердия.

В 2001 году в Свято-Димитриевском училище сестер милосердия опубликована монография А.В.Постернака (ныне священник Андрей Постернак) «Очерки по истории общин сестер милосердия», а 2019 году под редакцией отца Андрея вышел труд «Общины сестер милосердия в Российской империи в 1844-1917 гг.: Энциклопедический справочник». В данном справочнике опубликована информация об общинах сестер милосердия, существовавших в Российской империи в середине XIX — начале XX века, которое стало первым полным описанием истории среднего медицинского персонала того времени.

Научная новизна исследования

Новизна диссертационной работы, основанной на исследовании социального движения сестер милосердия и священства как компонента христианского служения, впервые раскрывает эволюцию социальной деятельности Русской Православной Церкви на примере Московского военного госпиталя, что имеет немалое значение как для историков, так и для теологов. Вместе с тем наглядное описание в работе процесса воплощения идей социального служения в жизнь, дает возможность по-новому высветить роль медицинских учреждений в церковной социальной деятельности, а также продемонстрировать, как социальное служение может быть интегрировано в деятельность госпиталей, что создаст теоретическую основу для будущих исследований по социальной деятельности как важного элемента христианского вероучения и практики.

Цель диссертационной работы – исследование становления и развития пастырского и социального служений больным и раненым в Российской империи на примере деятельности Московского военного госпиталя середины XIX – начале XX веков.

Объект исследования: социальное служение сестер милосердия и пастырей Русской Церкви в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Предмет исследования: опыт социального служения больным и раненым в Московском военном госпитале (ныне Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н.Бурденко).

Задачи исследования:

1. Изучить влияние христианского вероучения на формирование социального движения, способствующего активному участию христиан в помощи больным и раненым, а также роль Церкви в созидании пастырского и милосердного служения среди мирян.
2. Выявить изменения в социальном служении Российской империи и конкретно Московского военного госпиталя, исследуя реализацию опыта, полученного в период Крымской и Русско-турецкой войн.
3. Проанализировать динамику развития пастырского и социального служения в военной медицине на примере Московского военного госпиталя в условиях Русско-японской и Первой мировой войн, выявляя ключевые инициативы и вызовы, стоящие перед духовенством и медицинским персоналом.
4. Исследовать взаимодействие между церковью и государством в области пастырского и социального служения в обозначенные исторические периоды.
5. Показать влияние политических изменений 1917 года на деятельность Московского военного госпиталя в церковной деятельности и на отношение к духовенству и его роли в милосердной помощи.

Методы исследования

Диссертационная работа основана на принципах историзма, научной объективности, детерминизма. Согласно первому из этих принципов, события и процессы изучаются в их развитии в связи с историческим контекстом эпохи. Принцип научной объективности подразумевает независимость исследователя от идеологической направленности и непредвзятость преподнесения содержания используемых источников. Согласно принципу детерминизма, действительность рассматривается как сплетение причинно-следственных связей, события и факты представляются не как случайное стечение обстоятельств, а обусловлены разного

рода конкретными предпосылками — экономическими, социальными, политическими и др. Все это в комплексе помогает составить целостную картину рассматриваемого исторического периода.

При проведении исследования автор использует как общенаучные методы исследования (описательный, статистический, анализа, синтеза, индукцию, дедукцию), так и специальные методы: теологический метод, историко-сравнительный метод, метод актуализации, историко-биографический и микроисторический методы. В основе построения работы лежит проблемно-хронологический принцип, что позволяет представить исследуемую проблему в ее целостности и динамическом развитии.

Источниковая база исследования

Данное научное исследование основано на изучении различных источников, включая архивные документы, опубликованные и неопубликованные, печатные и рукописные материалы. Архивные документы, относящиеся к истории Госпиталя и госпитальных храмов, а также к сопряженной с ними общественной среде, находятся в таких архивах, как РГАДА, РГИА, РГВИА, РГВА, ЦГА г. Москвы, ГАРФ, ЦАМО МО РФ.

Впервые публикуются документы: Российского государственного военного архива (РГВА) — Ф.19032; Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) — Ф. 179, Ф. 297 (Личный фонд Б. В. Адамовича), Ф. 396, Ф. 546, Ф. 879, Ф. 1606, Ф. 1714, Ф. 9190; Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА г. Москвы) — Ф. 203, Ф. 1639 (см. Приложение), Ф. 2303; Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО) Ф. 66.

Изучение архивных документов, печатных трудов, воспоминаний начальников подразделений, рядовых сотрудников, относящихся к истории Госпиталя, позволяют «изнутри» увидеть жизнь лечебного учреждения. Обнаруженные архивные документы помогают составить достаточно точное представление о деятельности храмов Госпиталя, служении военных священников, являвшихся «духовным стержнем» коллектива.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование историко-богословских основ социального служения предоставляет глубокое понимание мотивации и целей христианского социального движения, что позволяет установить связь между вероучением и практическими действиями духовенства и мирян, обеспечивая теоретическую базу для дальнейшего анализа.

2. Связь с событиями времени позволяет провести параллели между войнами и требованиями к Церкви как социальному институту, который проповедует милосердие, подчеркивая влияние внешних факторов на милосердную деятельность христианина.

3. Исследование деятельности Московского военного госпиталя в Крымской войне помогает продемонстрировать, как идея социального служения воплощалась в жизнь.

4. Изучение социального служения в контексте Русско-турецкой войны помогает подчеркнуть развитие пастырского служения и адаптацию его к обстоятельствам войны, что позволяет значительно лучше осознать реакции Церкви на кризисные ситуации и потребности общества.

5. С началом Первой мировой войны усиливается пастырское служение и милосердное служение мирян, что показывает адаптацию церковной деятельности в условиях масштабных социальных и политических изменений.

6. Анализ влияния революционных событий 1917 года на пастырское и социальное служения позволяет понять, как внешние социально-политические факторы изменяют жизнь Церкви, а также ее взаимодействие с государством в контексте социальной ответственности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в создании обширной и глубокой теоретической базы, которую можно использовать для дальнейших исследований в области пастырского и социального служения, учитывая исторический контекст и изменения в обществе. Работа может служить источником знаний для богословов, историков, социологов и других

исследователей, интересующихся взаимодействием церкви и общества в разные исторические эпохи.

Диссертационная работа является развитием научной историографии темы социального служения российского военного священства. От примеров работы в Госпитале автор поднимается к обобщению роли социальной деятельности духовенства и мирян в военных лечебных учреждениях. Описание на примере Госпиталя духовного подвига военных священников, как православных, так и инославных, помогает глубже понять особую роль военного духовенства в святом деле защиты Отечества.

Результаты диссертационной работы послужат основой для дальнейших исследований с целью более глубокого изучения деятельности военно-госпитального духовенства в Российской империи в XIX веке.

Результатом *практического применения* основных положений диссертационной работы является пастырская и социальная деятельность в Главном военном клиническом госпитале имени академика Н. Н. Бурденко (Московском военном госпитале): духовное окормление пациентов и сотрудников госпиталя в спокойные периоды жизни государства, служение в Госпитале во время пандемии коронавирусной инфекции, духовная и социальная помощь воинам, получившим тяжкие увечья в результате участия в специальной военной операции, в том числе возвратившимся из плена.

Опираясь на исторические традиции, в настоящее время разрабатывается методическое пособие по организации волонтерской службы оказания помощи в военных госпиталях, организовано обучение для волонтеров (оказание помощи больным и раненым), проводятся мастер-классы.

Пастырская деятельность сегодня.

Каждый день в Госпитале пребывают священник или священники для оказания пастырской опеки пациентам. Священник совершает Таинства Церкви, беседует с пациентами. Еженедельно совершается молебен в хирургическом корпусе. Священники-добровольцы являются клириками Московской городской епархии и осуществляют свою пастырскую деятельность при поддержке

Синодального отдела по благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви.

В госпитальном храме святых Первоверховных апостолов Петра и Павла еженедельно совершается вечернее богослужение и Божественная литургия.

Организованы реставрационно-восстановительные работы в госпитальном храме Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, и в память о госпитальном домовом храме в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в главном корпусе госпиталя (1880 г.) воздвигается храм-часовня в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» при хирургических корпусах Госпиталя.

Социальная деятельность.

1. В сентябре 2022 года при госпитальном храме святых Первоверховных апостолов Петра и Павла и при поддержке руководства ГВКГ им. Н. Н. Бурденко образовано волонтерское движение «Петропавловская дружина». На август 2024 года количество волонтеров составляет 860 человек, среди которых многие имеют медицинское образование.

Работа «Петропавловской дружины» определена по направлениям:

- гуманитарная миссия;
- помощники младшего персонала, или уход за пациентами (под присмотром персонала осуществляется помощь пациенту, а именно гигиена тела, смена белья, смена подгузников, бытовая помощь маломобильным пациентам, прогулка с пациентом, сопровождение к врачу);
- группа парикмахеров и подологов;
- швейная группа (волонтеры шьют адаптивную одежду, накладки на костыли и кресла для инвалидов, подушки и органайзеры для кровати);
- группа волонтеров, которые складывают под присмотром персонала операционные салфетки;
- группа волонтеров, которая организует досуг для пациентов: концерты, встречи с интересными людьми, экскурсии и паломнические поездки с разрешения руководства госпиталя, мастер-классы;

- группа волонтеров, которая помогает в приобретении для пациентов билетов домой и обеспечивает сопровождение их на вокзал или в аэропорт, а также оказывает помощь родственникам пациентов (в размещении, в перемещении по городу, а также показывают достопримечательности города).

Каждый волонтер имеет связь со священником и по просьбе пациента приглашает его.

При вступлении в «Петропавловскую дружину» проводятся собеседования с руководителями дружины, а также с руководством госпиталя. Также проводятся вступительные встречи, где организуется инструктаж и передача опыта. Для волонтеров организуются время от времени мастер-классы для повышения опыта.

2. В Госпитале также помогают в уходе за пациентами представители сестричества «Милосердие» от Синодального отдела по благотворительности и социальному служению РПЦ.

3. В Госпитале помогают в гуманитарной помощи и в уходе за пациентами волонтеры Фонда помощи инвалидам и ветеранам боевых действий «Своих не бросаем».

Данная деятельность стала возможна благодаря, прежде всего, осмыслению накопленного в Госпитале исторического опыта по оказанию милосердной и социальной поддержки, а также интеграции его в условия современных вызовов.

Достоверность и апробация результатов исследования

Диссертационное исследование основано на большом числе источников, охватывающих фонды восьми российских архивов, а также печатных изданий и документов. Защищенная автором исследования³⁰ в 2017 году в Санкт-Петербургской духовной академии (кафедра церковной истории) магистерская диссертация «Духовное служение в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. на примере Московского военного госпиталя»³¹, написанная на основе вновь выявленных исторических документов, показала насущную необходимость

³⁰ Иерей Илия Александрович Тягин – служащий священник ГВКГ имени академика Н. Н. Бурденко, клирик храма Святых апостолов Петра и Павла в Лефортове.

³¹ Иерей Илия Тягин. Духовное служение в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. на примере Московского военного госпиталя. М.: Эко-Пресс, 2017. 185 с.

проведения дальнейших исследований по многоплановым аспектам социального госпитального служения в различные периоды жизни Госпиталя. Это положение отражено также в третьем издании книги «Традиции милосердия: путь через столетия (страницы истории Главного военного клинического госпиталя)»³², увидевшем свет в 2021 году, где авторы подвели итоги очередного этапа социального служения священника и сестер милосердия в Госпитале, подробно описали процесс восстановления и строительства госпитальных храмов.

В настоящее время готовится 4-е издание этой книги, в котором будет отражена деятельность священника, служение раненым и болящим пациентам организованной им Петропавловской Дружины милосердия и прихода Госпиталя.

Результатом активной и целенаправленной научной деятельности за последние годы стали статьи: *Свящ. Илия Тягин, Трипольский В. Б., Овчинникова М. Б.* История церковного служения и храмового строительства в Московском военном госпитале // Церковь и время. 2022. № 2 (99). С.137–170. (публикация ВАК); *Костюченко О. М., Тягин И. А., Овчинникова М. Б.* История духовного служения в Московском военном госпитале // Клиническая медицина. 2022. Т.100 / № 6. С. 318–325. (публикация ВАК); *Иерей Илия Тягин.* Правовые отношения Русской Православной Церкви и военной медицины на примере Московского военного госпиталя // Труды Перервинской духовной семинарии. 2023 г., № 25. С. 15–32. (публикация ОЦП).

Кроме того, автор выступил с основными положениями и выводами своей работы на защите научных докладов на всероссийских и международных научных форумах, конференциях и круглых столах, проводимых в Сретенской духовной академии, Московской духовной академии, Главном военном клиническом госпитале имени Н. Н. Бурденко, НИЯУ «МИФИ», РАНХиГС, НИУ ВШЭ, РУДН, Музее истории Лефортово (филиал Музея Москвы), РОДООВО «Екатеринодарская духовная семинария Екатеринодарской и Кубанской Епархии Русской Православной Церкви»; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный

³² *Иерей Илия Тягин, Овчинникова М. Б.* Традиции милосердия. Путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко. М: Эко-Пресс., 2021. 96 с.

университет», Музейно-выставочном центре «Россия – моя история», г. Санкт-Петербург.

Структура диссертационной работы

Диссертационная работа состоит из двух глав, введения и заключения.

В первой главе дается историко-богословское обоснование социального движения христианина в Церкви, условия формирования и развития социального движения в период Крымской и Русско-турецкой войн, а также рассматриваются формы и методы пастырского и социального служения при военных лечебных учреждениях в обозначенные периоды, предпосылки возникновения сестринского движения в России и результаты деятельности сестер милосердия.

Вторая глава посвящена институту социального служения в начале XX века. В ней рассматривается развитие движения сестер милосердия в периоды Русско-японской и Первой мировой войн, опыт пастырского окормления воинов в эти периоды. Также анализируется влияние политических переворотов в государстве в начале XX века на отношение к духовенству и деятельность Московского военного госпиталя.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1.1. Историко-богословское обоснование социального движения христианина в Церкви

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим; а ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37-39). Данная заповедь является основанием жизни христианина. Священное Писание подчеркивает важность помощи тем, кто нуждается в ней. В Евангелии от Матфея сказано: «И отвечая, царь скажет им: истинно говорю вам, так как вы сделали это одному из сих малых братьев Моих, то сделали Мне» (Мф. 25:40). Эти слова Христа подчеркивают, что каждый акт милосердия, простая забота о ближнем становятся служением самому Богу.

Милосердие в этом контексте представлено как путь к спасению – не только для тех, кому оказывается помощь, но и для самих помощников. В православной традиции учение о помощи страждущим тесно связано с понятием *кинония* (в греч. *κοινωνία*), что означает общность и взаимную ответственность. Святитель Иоанн Златоуст пишет в своих произведениях, указывая, что родители проявляют милосердие к своим детям, а дети – к родителям. Милосердие наблюдается не только у людей, но и у всех живых существ. Брат помогает брату, родственник – родственнику, ближний – ближнему, человек – человеку. «Мы прирожденно стремимся к милосердию, и именно поэтому сопереживаем обиженным, страдаем, видя страдания других, и плачем, глядя на плачущих».³³ Таким образом, милосердие в человеке заложено Богом. Мы прирожденно

³³ Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста/ сост. Т. Н. Терещенко. Изд.2-е Москва: Дарь, 2008. 176 с.

стремимся к милосердию, и каждый христианин особо внимает данному пути спасения, осознавая взаимосвязанность всех членов Церкви, где каждый стремится облегчить страдания другого и помочь друг другу. Бог весьма желает, чтобы мы исполняли дела милосердия, потому и повелел природе сильнее побуждать нас к ним, показывая тем, что Ему весьма любезно милосердие.³⁴

Святитель Василий Великий в своих произведениях подчеркивал: милосердие – это проявление любви. «Кто любит ближнего, тот исполняет свою любовь к Богу, потому что Бог его милосердие переносит на самого Себя».³⁵ Святитель отмечает также, что милосердная помощь человеку неразрывно связано с духовным состоянием человека. Настоящее милосердие предполагает глубокое понимание страданий других и готовность поддержать их в трудные времена. Святитель Николай Сербский (Велимирович) рассуждал, что если бы к нему какой-либо человек обратился с вопросом о спасении своей души, то он бы без раздумывания ответил: «...возьми на себя бремя заботы о ближнем! Ибо всякая душа, не знающая заботы ни о ком, кроме самой себя, или уже погибла, или находится на грани гибели. Там, где еще не поздно, нужно спасти свою душу заботой о ближнем»³⁶. Страдания одного человека отражаются на всех нас, и именно через помощь страждущим мы можем творить добро и наполнять свои сердца любовью. Каждая забота о человеке, каждая попытка помочь, является неотъемлемой частью христианской жизни.

Взаимосвязь между верой и добрыми делами в христианстве неразрывна, и именно она служит основой для социального движения в Церкви. «Вера без дел мертва» (Иак. 2:26), и именно в служении, в заботе о ближних мы находим истинное призвание христианина. Священное Писание и учения Святых отцов призывают нас к действию, к служению ближнему, и в этом служении приобретает не только смысл жизни, но и путь к совершенству. «Радуйтесь с

³⁴ Там же.

³⁵ Симфония по творения святителя Василия Великого. М.: Даръ, 2008. 221 с.

³⁶ Ты нужен Богу: Слова и наставления святителя Николая Сербского/ сост. С. А.Луганская, М. И. Крапивин; пер. с сербск. С. А. Луганской. М.: Эксмо, ПСТГУ, 2013. 464 с.

радующимися и плачете с плачущими», – призывает нас апостол Павел (Рим. 12:15).

Вера во Христа побуждает нас быть милосердными, через это качество человек прокладывает себе дорогу в Царство Божие. Помощь страждущим – это не только обязанность, но и великая радость, открывающая двери к духовному обновлению и преображению.

История российской военной медицины и каждого военного лечебного учреждения неотделима от истории Отечества. Это в полной мере относится к первенцу государственной медицины в России – Главному военному клиническому госпиталю имени академика Н. Н. Бурденко. Работники Госпиталя всегда разделяли трудности и испытания, выпадавшие на долю государства: в годину войн и вооруженных конфликтов, политических переворотов и кризисов, стихийных бедствий и эпидемий спешили на помощь защитникам Отечества. И всегда в госпитальных палатах, переполненных пациентами, рядом с военными медиками находились целители душ – священнослужители.

Исследование духовно-религиозной составляющей в жизни Госпиталя позволит взглянуть на известные исторические события с новой перспективы и проанализировать их, что, в свою очередь, даст более объективное представление о его деятельности, направленной на помощь раненым и больным воинам в разные периоды истории. Прежде чем начать рассмотрение разнообразных аспектов милосердного служения священников Русской Православной Церкви, духовных пастырей – представителей иных религиозных конфессий, а также мирян в Госпитале в исследуемый временной отрезок, необходимо совершить краткий экскурс в историю Отечества и проследить процесс формирования и закономерности исторического развития основных принципов госпитального служения раненым и болящим воинам, чтобы найти источники силы, стойкости, верности долгу всех участников.

Необходимость краткого исторического обзора милосердной деятельности в военно-лечебных учреждениях объясняется, кроме того, большим количеством недостоверной информации, относящейся к различным временным

промежуткам, присутствующей, к сожалению, даже в учебных изданиях по указанной теме.

Чтобы точнее сформулировать понятие «милосердное служение» в Госпитале священнослужителей, врачей, сестер милосердия и всего персонала, необходимо напомнить об основном предназначении Госпиталя как военного лечебного учреждения. Это – постоянная боеготовность, концентрация всех ресурсов (моральных и материальных) на выполнении задач, поставленных Военным ведомством и Главным военно-медицинским управлением в тот или иной исторический момент жизни государства. Конечно. Анализ долгой, насыщенной событиями летописи жизни Госпиталя свидетельствует: главным качеством персонала и в военное, и в мирное время являлось чуткое отношение к пациентам и внутри коллектива, а любые очередные трудности лишь закаляли характеры, обостряли чувство товарищества и взаимопомощи ³⁷.

«Милосердие – сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому; жалостливость, мягкосердность»³⁸. Во все времена у людей возникало стремление помочь страждущему. Возлагая на врачей большие надежды в исцелении, общество с самых древних времен видело в докторах не просто «устранителей дефектов тела», но творцов милосердия. «Презрение к деньгам, совесть, скромность, ... отвращение к пороку...» – таков истинный служитель медицины, – пишется в древнегреческом сочинении «О благоприличном поведении», вошедшем в «Гиппократов сборник» (III в. до н. э.)³⁹.

³⁷ См.: Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею 1707–1907 гг. М.: тип. Штаба Воен. окр., 1907. 719 с.; Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя. М., 1943. 232 с.; Крупчицкий А. М. Первенец русской медицины. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. 172 с.; Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. 238 с.; Родоначальник Российской медицины Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. М., 2006. Т. I. 324 с.; Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2010. 280 с.; Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. 744 с.

³⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2015.

³⁹ Протоиерей Сергей Волков, Овчинникова М. Б. Традиции милосердия и духовного служения в Московском военном госпитале // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины России. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 209.

Заложенные в христианстве идеи милосердия, благотворительности, бескорыстного попечения о немощных, убогих и сирых отразились и на характере медицинской помощи. В среде священнослужителей, монашествующих было немало высокообразованных людей своего времени, и Церковь являлась сосредоточением письменных знаний, народной мудрости и богатого опыта лечения различных заболеваний. При монастырях создавались лазареты, сады лекарственных трав, аптеки.

В Византии при монастырях стали возникать первые *ксендохии* – приюты для увечных и больных путников, прообразы будущих монастырских больниц. Первая большая христианская больница была построена в Кесарии в 370 году выдающимся деятелем Православной Церкви святителем Василием Великим. Она походила на маленький город и имела столько зданий, сколько типов болезней тогда различали. Была там и колония для прокаженных – прообраз будущих европейских лепрозориев. На территории Западной Армении, в Севастии, уже в IV веке славилась больница для бедных, иноземцев, калек и немощных. Позднее начинают создаваться больницы-богадельни при западноевропейских монастырях: в VI веке – в Лионе, в 651 году – в Париже, в 794 году – в Лондоне, около 1000 года – в Сен-Бернаре. А при монастырях стали складываться медицинские школы, подготовка в которых, по мнению ряда историков, первоначально ограничивалась обучением методам оказания первой помощи при ранениях и навыкам по уходу за болящими.

Из Византии пришла идея создания *госпиталей* (в Константинополе и Кесарии, IV век, при императоре Константине). Само слово «госпиталь» (от лат. *hospes* – гостеприимный, *hospitalis* – гостеприимство), до IX века чаще всего использовалось в значении места, где путешественникам и неимущим оказывали гостеприимство. На латинском Западе первые госпитали при епископских кафедральных соборах появились на рубеже V–VI веков в Галлии, число их быстро росло. Начиная с VII века госпитали стали устраивать и при монастырях, а с конца XI века – в городах, нередко на пожертвования частных лиц. Госпиталь возник как институт призрения бедных, и первоначально в нем медицинская помощь не оказывалась. Позднее городской госпиталь, как и монастырский, стал сочетать в

себе функции больницы и приюта для всех нуждающихся. Больные, инвалиды, немощные старики, вдовы и сироты, бедняки и странники получали в нем необходимый простейший уход. Главное внимание при этом уделялось духовному здоровью пациентов, что получило свое архитектурное решение: в каждом таком учреждении организовывалось место для совершения регулярных богослужений. Пациенты, поступая в средневековый госпиталь, давали обеты послушания начальству и воздержания⁴⁰.

В России идея служения ближнему всегда оставалась одной и важнейших, особое сострадание и заботу россияне проявляли к самым немощным, инвалидам, бездомным. При дворе Великих князей начиная с Великого Киевского князя Владимира, крестителя Руси, для них были готовы столы с едой и питьем. А для тех, кто не мог сам добраться до княжеского двора, отправлялись телеги, груженные различной снедью. О милосердии «паче всякой меры» говорится в житии святого благоверного князя Александра Невского. Нищие и инвалиды считались «церковными людьми», для них в монастырях устраивались первые богадельни; преподобный Сергей Радонежский завещал насельникам монастыря всегда помнить о страннолюбии⁴¹.

Судьба России такова, что внешний и внутренний враг не позволял народу российскому длительное время мирно жить, укреплять страну. Каждое столетие российской истории включает по несколько тяжелых военных кампаний⁴², принесших смерть и разрушения, оставивших после себя огромное число раненых, повлиявших на психо-физическое состояние всех участников событий.

⁴⁰ *Протоиерей Сергей Волков, Овчинникова М. Б.* Традиции милосердия и духовного служения в Московском военном госпитале // *Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины России. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв.* М., 2010. С. 210.

⁴¹ *Овчинникова М. Б.* Боярин Федор Ртищев – отец русской благотворительности. 2016. С. 3.

⁴² Согласно хронологии войн, размещенной на сайте «Военная история России», за период с IX по начало XXI века наша страна приняла участие в более чем 70-ти войнах и других локальных вооруженных конфликтах. Русский генерал Куропаткин в своем меморандуме царю в 1900 году писал, «что за предыдущие 200 лет Россия была в состоянии войны 128 лет и имела 72 года мира». См.: *Лиманский. И.* Николай Второй. Доклад военного министра генерала А. Н. Куропаткина. 1900 г./ URL: http://samlib.ru/l/limanskij_i/x1.shtml.

И. А. Ильин приводит следующие данные: «Соловьев насчитывает с 1240 г. по 1462 г. (за 222 года) двести войн и нашествий. С четырнадцатого века по двадцатый (за 525 лет) Сухотин насчитывает 329 лет войны. Россия провела две трети своей жизни». См.: *Ильин И. А.* О России. М. Детская литература, 2022. С. / URL: https://thelib.ru/books/ilin_ivan_aleksandrovich/o_rossii_tri_rechi-read-2.html.

Залечивать — и долг медиков, врачевать души — святая обязанность священника. Не случайно уже Владимир Мономах (1053–1125) в своем Уставе 1113 года определил милосердную помощь раненым и ставшим инвалидами воинам прямой обязанностью Русской Православной Церкви, в дальнейшем это положение было возведено в ранг государственных законов. Легкораненые воины лечились при войске, а тяжелораненых устраивали на уход и попечение в богадельни и больничные покои, которые, как свидетельствуют писцовые книги XVI–XVIII веков, были устроены едва ли не при всех монастырях⁴³. А в 1610 году, во время нашествия поляков, в Троице-Сергиевой лавре был организован первый в России временный госпиталь⁴⁴.

Уже в XVI веке в связи с неуклонным возрастанием числа раненых и больных воинов, пострадавших в результате постоянных военных действий и нуждавшихся в медицинской помощи, вопросы лечения ратных людей становятся задачей не частной церковной, но государственной: после воцарения на русском престоле Михаила Федоровича Романова началось восстановление государственности, в том числе в деле оказания медицинской помощи. В 1620 году для руководства медициной был создан Аптекарский приказ, основными задачами которого стали: охрана здоровья царя и забота о нем и его приближенных, сохранение здоровья и лечение русских воинов от болезней и ранений, подготовка лекарей для войск. Анисим (Онисим) Михайлов (Радишевский) 26 сентября (6 октября) 1620 года завершил начатое по царскому повелению составление первого воинского устава России «Книга воинская о всякой стрельбе и огненных хитростях»⁴⁵. В настоящее время имеется два списка этого труда, хранящихся в Санкт-Петербурге⁴⁶.

⁴³ *Мирский М. Б.* Медицина допетровской Руси // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 21.

⁴⁴ См.: *Мирский М. Б.* Медицина допетровской Руси // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 22.; *Будко А. А., Журавлев Д. А.* Военная медицина России к началу XVIII века // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 48.

⁴⁵ В книге впервые определялись основные принципы работы российских лекарей по оказанию помощи пострадавшим воинам на поле битвы.

⁴⁶ Российская национальная библиотека. Отд. рукописей. Ф. IX.3; Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Русская секция. Коллекция 238. Оп. 1. Ед. хр. 526.

Госпитальная система лечения раненых и больных начала складываться в России в XVII – начале XVIII веков. Во время царствования Алексея Михайловича (Тишайшего) происходило неуклонное увеличение войска, появление новых видов оружия, что влекло утяжеление ран и увечий воинов. После битвы под Чигирином в 1678 году на Рязанском подворье был создан государственный военно-временный госпиталь, где лечились более 700 раненых воинов⁴⁷. После врачебного освидетельствования признанные неспособными к дальнейшему несению службы, получив небольшую сумму «на лечбу ран», увольнялись и отпускались к местам их жительства.

Одной из первых попыток на государственном уровне упорядочить общественное призрение широких слоев российского населения был указ царя Федора Алексеевича от 1682 года, обязавший монастыри и церкви призирать «убогих и нищих» и оказывать им необходимую медицинскую помощь. Этим же указом царь Федор Алексеевич постановил учредить в Москве постоянный государственный «шпиталь» на Гранатном дворе у Никитских ворот и богадельню при Знаменском монастыре, и лишь преждевременная смерть не позволила ему реализовать свое решение⁴⁸.

Молодой царь Петр I, посвятивший всю свою разностороннюю деятельность идее служения государству и озабоченный бесправным положением социально незащищенных подданных, окончательно придает делу социального призрения, в том числе воинов и военных инвалидов, *государственный характер*. Он восстанавливает в 1701 году закрытый в 1677 году орган центрального государственного управления по церковным вопросам – Монастырский приказ – и передает в его ведение все церковные и монастырские

⁴⁷ См.: *Мирский М. Б.* Медицина допетровской Руси // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Становление военной медицины России. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 22.; *Будко А. А., Журавлев Д. А.* Военная медицина России к началу XVIII века // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 49.

⁴⁸ См.: *Иерей Илья Тягин, Овчинникова М. Б.* Традиции милосердия. Путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко. М: Эко-Пресс., 2021. 96 с.; *Сергий Волков, прот., Овчинникова М. Б.* Традиции милосердия и духовного служения в Московском военном госпитале // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины России. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 211.

владения, а в 1702 году повелевает обратить все остающиеся церковные и, в частности, монастырские доходы в пользу училищ, а также раненых, больных и отставных воинов. Тем самым впервые в российской истории был разработан и применен на практике *государственный* механизм материальной помощи престарелым и увечным, в том числе воинским чинам, а указами от 1712 года – незаконнорожденным детям и нуждающимся.

Принимая во внимание прочные традиции милосердного делания, которыми испокон веков славилась Русская Православная Церковь, Петр I повелевает в указе от 1706 года построить первый в России государственный Госпиталь именно на средства духовного ведомства: «А на строение, и на покупку лекарств, и на всякие к тому делу принадлежащая вещи, и на дачю дохтуру и лекарем и учеником жалованные денги держать в расходов из зборов Монастырского приказа»⁴⁹. Госпиталь был быстро возведен и, взяв хороший старт и динамично развиваясь, более полувека успешно состоял на содержании именно этого ведомства.

Подчеркивая социальную направленность политики императора Петра I, отметим, что Госпиталь функционирует сразу же и как больница для гражданского контингента: в нем получали бесплатное лечение «всякого рода и звания убогие люди». Для начала XVIII века это было крайне важным, поскольку первая строго гражданская государственная больница в Москве – Павловская (теперь известна как московская 4-я Градская больница) – будет открыта только в 1763 году с вместимостью всего 50 коек, а Екатерининскую больницу откроют в 1776 году⁵⁰.

Таким образом, основание Госпиталя свидетельствует о глубоком понимании Петром I роли духовного ведомства в *обновленном союзе* Православной Церкви и государства, где Православная Церковь с ее многовековым опытом выступает как необходимая и органичная составляющая государственного устройства⁵¹.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4356. Л. 2–4 об.; Оп. 1. Ч. 2. Д. 1849. Л. 2–2 об.

⁵⁰ *Иерей Илья Тягин, Овчинникова М. Б.* Традиции милосердия. Путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко. М: Эко-Пресс., 2021. 96 с.

⁵¹ *Мельникова Л. В.* Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 71.

Несмотря на изменение церковного управления, ставшего частью государственного аппарата, православие в XVIII веке по-прежнему являлось духовной опорой власти и основой осознанного бытия для русского народа. В настоящем исследовании множество исторических фактов из жизни Госпиталя станут неопровержимыми доказательствами верности этого утверждения.

Первоначально Госпиталь был небольшим и небогатым. Все приходилось начинать с нуля; приходилось решать лечебные, учебные и хозяйственные вопросы одновременно. Поставленные Петром I цели были достигнуты: персонал Госпиталя успешно лечил поступающих раненых и больных, а госпитальная школа эффективно подготавливала первых российских медиков – хирургов и аптекарей. Высказанное Николаем Бидлоо мнение о том, что первый «гошпиталь» станет известен и принесет пользу не только в России, но и в других странах мира, стали предсказанием⁵².

Проявляя не показное, а истинное сострадание к несчастным, лишенным разума, которые содержались зачастую в самых печальных условиях (в Европе буйнопомешанных сажали на цепь), в 1723 году Петр I издает указ, повелевая душевнобольных, наряду с другими заболевшими, направлять в Госпиталь не просто для содержания и усмирения, как это было ранее в монастырях, а для лечения⁵³. С этого дня и на протяжении веков Госпиталь оказывал лечебную помощь душевнобольным пациентам.

До правления императора Петра I в российской армии не существовало постоянного военного духовенства; священники, с благословения архиереев, иногда добровольно прибывали в воинские части для поддержки воинов. Назначение духовных наставников в военные части, преимущественно на флоте, происходило по случаю, но уже в начале XVIII века это стало регулярной практикой. Полковых священников из епархий назначали на штатные должности в соответствии с местоположением полка, их деятельность контролировалась правящими архиереями соответствующих епархий. Правом назначать военное

⁵² РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 15. Л. 144–146 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6385. Л. 4.

духовенство в армию и на флот обладал, как государственно-церковная структура, Святейший синод⁵⁴. Так Церковь и армия объединились во благо и под эгидой государства. «Воинский устав» 1716 года императора Петра I законодательно выделил основные принципы духовного служения в армии в разделах: «О молитве», «О страхе Божии», «О службе Божии и о священниках». По Уставу при каждом полку должен был находиться священник. Наряду с проведением богослужений и треб священник обязан был влиять личным примером на военную паству. Вера во Всемогущего Господа пронизывала текст военной присяги, начинавшейся словами «Я, (имя рек) обещаюсь Всемогущим Богом...» и заканчивавшейся так: «В чем да поможет мне Господь Всемогущий». По указу государя 1717 года в российском флоте было предписано иметь 39 священников на кораблях и других военных судах, а по указу 1719 года на каждом корабле военно-морского флота должен был состоять иеромонах для духовного окормления. Обязанности и права морского духовенства определялись Морским уставом 1720 года⁵⁵. В нем (Статья 114) милосердие отразилось в определении поведения российских войск, которое запрещает военнослужащим обижать беспомощных на территории противника – священнослужителей, детей, стариков; щадить от разрушения храмы, больницы и школы⁵⁶.

Московский военный госпиталь называли «уголком милосердия» на берегу Яузы⁵⁷ и символом, ярко освещавшим эту обитель, была золоченая статуя «Милосердие», находившаяся согласно замыслу Николая Бидлоо на крыше здания Госпиталя.

Закономерно, что создание Госпиталя послужило началом организации рядом с ним множества «милосердных» учреждений. В дальнем углу территории Госпиталя, в месте, где река Синичка (с 1957 года забрана в трубу под ул. Новая

⁵⁴ Капков В. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 34.

⁵⁵ Там же. С.35.

⁵⁶ Устав воинский о должности генералов, фелт маршалов и всего генералитета и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах и поведениях, что каждому чину чинить должно. 30 марта 1716 г. // Законодательство Петра I. Отв. Редакторы А. А. Преображенский и Т. Е. Новицкая. М, 1997.

⁵⁷ Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в первой половине XVIII века: начало славного пути. // Медицинский вестник ГВКГ им. Н. Н. Бурденко. 2021. № 3(5). С. 4–13.

Дорога) впадала в Язу, в 1803 году была учреждена первая бесплатная больница для малоимущих. В 1806 году больница, именованная в честь умершей императрицы Марии Феодоровны «Мариинской», была переведена в новое специально построенное здание на Божедомке (ныне ул. Достоевского). Тогда же основан первый в России вдовый дом для призрения вдов защитников Отечества, погибших на полях сражений. В 1820 году вдовы переехали в здание на Кудринскую площадь (в настоящее время здесь находится Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования (РМАПО)). Инициатором этого благого начинания стала вдова императора Павла I Мария Феодоровна. На Госпитальной улице, напротив Госпиталя, расположены радующие глаз затейливой архитектурой здания Вдовьих домов, построенных на средства Императорского Человеколюбивого общества в конце XIX – начале XX веков. Символично, что в одном из них (бывшем доме бесплатных квартир имени Р. Р. Мак-Гилля) сегодня организован центр социального обслуживания района «Лефортово» Юго-Восточного административного округа г. Москвы⁵⁸.

Вдовьи дома прочными нитями связаны с расположенным по соседству с Госпиталем «памятником человеколюбия и бескорыстия» – зданиями общины сестер милосердия «Утоли моя печали», организованной в 1866 году известной московской благотворительницей княгиней Н. Б. Шаховской и выделенной из Никольской общины доктора Ф. П. Гааза, ныне в них расположены лечебные отделения Московской городской больницы № 29 имени Н. Э. Баумана.

С первых дней маленький госпитальный коллектив стал накапливать бесценный опыт служения болящим. Благодаря архивным документам известно, кто стал его первыми членами⁵⁹. С докторами и учениками первого в России медицинского учреждения – госпитальной школы для подготовки врачей «из природных россиян» в штат Госпиталя, состоявший из нескольких врачей, аптекаря, хозяйственного персонала (комиссара (приказчик госпитального двора), мастеровых и рабочих) были включены, как уже отмечалось выше, священник с

⁵⁸ Овчинникова М. Б. Мемориал памяти Отечественной войны 1812 года в Лефортово. М.: Эко-Пресс, 2013. С. 46.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4356. Л. 2–4 об.; Оп. 1. Ч. 2. Д. 1849. Л. 2–2 об.

дьячком. Все эти люди стали первыми «населниками» своеобразной «военно-медицинской обители»⁶⁰. Они вступали в определенные отношения друг с другом, с ранеными и больными воинами, пациентами – гражданскими лицами, вышестоящим руководством. В основу этих отношений была положена глубокая вера в Бога и искренняя любовь к страдающему человеку, благодаря чему уже в первые годы в стенах Госпиталя был заложен союз духовного и физического исцеления и, превратившись постепенно в традицию, прочной основой достойного бытия Госпиталя.

В XVIII веке здесь трудились врачи многих национальностей, выходцы из разных стран. Постепенно из них сформировался отряд единомышленников, радеющих за общее дело, все свои силы и знания отдающих новой Родине и ее воинству. Все они стремились понять русский народ и разделяли его ценности и традиции с искренней любовью, становясь в духовном смысле русскими и до конца своих дней добровольно сопереживая второй Родине и принимая на себя ее трудности и лишения. Безусловно, таковой стала уникальная личность первого главного доктора Госпиталя, такого же вчерашнего иностранца, голландца Николая Бидлоо – глубоко верующего человека, искусного клинициста и хирурга, лучшего анатома в России, архитектора, художника. Он задавал ту высокую планку, на которую равнялись остальные. Не будучи православным, он планирует и создает Госпиталь с прекрасным домовым храмом – первым воинским стационарным храмом в России – для своего коллектива и пациентов. Он решительно защищал своих учеников, которых оскорбляли и подвергали клевете зарубежные врачи, часто имевшие низкую квалификацию и получавшие высокие гонорары за работу в России, видя в умных и талантливых выпускниках госпитальной школы – первых русских врачах – будущих опасных конкурентов⁶¹.

⁶⁰ См.: Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в первой половине XVIII века: начало славного пути. // Медицинский вестник ГВКГ им. Н. Н. Бурденко. 2021. № 3 (5). С. 4–13; Крюков Е. В., Костюченко О. М., Овчинникова М. Б., Бобылев В. А. Московская госпитальная школа – родоначальница военно-медицинского образования в России // Военно-медицинский журнал. 2016. № 6. С. 71–77; Горелова Л. Е. Первая госпитальная школа России. В кн.: Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Кложева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2010. С. 133–140.

⁶¹ Оборин Н. А. Н. Л. Бидлоо и его «Наставление...» // Бидлоо Н. Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре. М.: Медицина, 1979. Сс. 398, 370.

Бидлоо объяснял это своему другу и покровителю Госпиталя императору Петру I: «Хотят убо оных моих посланных вместо слуг до смерти себе иметь»⁶².

Врожденное милосердие подвигало Николая Бидлоо на смелые поступки: он сразу же вступился за гражданских пациентов, когда медицинские чиновники решили «сэкономить» и отменить в госпиталях бесплатное лечение женщин, детей и инвалидов. В одном из рапортов Бидлоо указывает, что налицо нарушение указа Петра I об основании Госпиталя, согласно которому в нем имели право лечиться бесплатно все. Через год запрет снимают.

Всею душой преданный своему Госпиталю и своему училищу, Николай Бидлоо видел в них свою гордость и свою славу⁶³. Этот настрой самоотверженного служения до последних сил передавался и всем членам тогда еще небольшого коллектива, и далее – «по наследству» – все поколения госпитальных сотрудников. Те, кто не обладал этими качествами, надолго в Госпитале не задерживались, чему есть множество примеров. Так, весь маленький сплоченный коллектив Госпиталя (медики, смотрители по уходу, сторожа, огородники, истопники, хлебопеки, квасовары и др.), единодушно восстал против первого комиссара Госпиталя Федора Всеволоцкого из-за его недостойного поведения, воровства, пренебрежения интересами пациентов⁶⁴. Благодаря стараниям Бидлоо нечестного, а значит, и немилосердного комиссара сняли с должности, чему посвящено архивное дело «О нерадении и противностях комиссара Федора Всеволоцкого»⁶⁵.

На Введенском (Немецком) кладбище находится могила Федора Петровича Гааза (Фридриха Йозефа Гааза) – опытного клинициста, главного врача московских тюрем, организатора Полицейской больницы для бедных и беспризорных, защищавшего самых обездоленных, униженных и бесправных⁶⁶. Глубоко

⁶² Там же. С. 370.

⁶³ Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб.: Тип. Якова Трея, 1883. 662 с.

⁶⁴ См.: Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историею медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 150–154.; Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в первой половине XVIII века: начало славного пути. // Медицинский вестник ГВКГ им. Н. Н. Бурденко. 2021. № 3(5). С. 9.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 237. Монастырский приказ. Оп. 1. Д. 6214. Л. 1–2.

⁶⁶ Призыв к женщинам доктора Ф. П. Гааза. Изд. 2-е, полностью соответств. оригиналу 1897 г. дополн.2-й частью: Овчинникова М. Б. Спешите делать добро! Эко-Пресс. 2013.

верующий христианин, он отдал своим подопечным и ум, и силы, и все состояние; еще при жизни этот защитник и врачеватель «разумелся святым во всех слоях московского населения». В 2018 году доктор Фридрих Йозеф Гааз причислен Католической Церковью к лику блаженных⁶⁷.

Как известно, мирные передышки между войнами, в которые приходилось участвовать Российской империи были очень короткими, но эти периоды – и в XVIII, и в XIX, и в начале XX века становились всегда очень насыщенными. Это было время интенсивной научной и клинической деятельности, когда ведущими специалистами Госпиталя анализировались и обобщались результаты лечения сотен тысяч раненых, поступавших с полей битв; кроме того, проводилось обучение будущих медиков в первой стационарной лечебной школе в России – госпитальной школе, а затем в первой военно-фельдшерской школе (1816), шла подготовка сестер милосердия на специальных курсах РОКК в Госпитале⁶⁸. Периоды межвоенного времени позволяли уделять особое внимание медицинской помощи «мирному контингенту» – ветеранам, гражданским лицам. Результаты этого лечения были впечатляющие, ибо основывались на обширном военно-медицинском опыте госпитальных специалистов; уже в первые десятилетия деятельности Госпиталя смертность в нем была на 10–15% ниже, чем в Европе.

Отметим, что с момента создания военного духовенства в России было установлено, что неявка на богослужение для солдат влекла за собой физические наказания, в то время как офицерам назначался штраф в денежной форме⁶⁹.

⁶⁷ Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз. Биографический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. 170 с.

⁶⁸ См.: Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею 1707–1907 гг. М.: тип. Штаба Воен. окр., 1907. 719 с.; Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя. М., 1943. 232 с.; Крупчицкий А. М. Первенец русской медицины. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. 172 с.; Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. 238 с.; Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. М., 2006. Т. I. 324 с.; Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2010. 280 с.; Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. 744 с.

⁶⁹ Капков В. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 69.

В 1735 году главным доктором Госпиталя стал директор госпитальной школы, бывший лейб-медик императора Петра I, первый президент Российской академии наук Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост. Под его руководством Госпиталь отстроили после опустошительного пожара 1737 года⁷⁰. О статуе «Милосердие» также не было забыто, новую статую установили на куполе здания⁷¹. Перед входом были установлены еще две статуи – «Вера» и «Любовь».

В «Генеральном регламенте о гофшпиталях», принятом в 1735 году императрицей Анной Иоанновной, повелевалось в каждом госпитале иметь храм и одного священника для отправления службы Божией. Госпитальному священнику предписывалось «утешать, исповедовать и причащать больных и в прочем во всем исправлять их»⁷². Высокие нравственные качества, по Уставу, обязаны были иметь не только командование, но все сотрудники Госпиталя⁷³.

Генералиссимус Александр Васильевич Суворов, который, служил в Госпитале в 1749 году, проявлял особую заботу о здоровье каждого своего подчиненного, начиная от генералов и заканчивая солдатами, полагая, что ничто не является более порочным и вредным для достижения победы, чем высокий уровень заболеваемости и смертности среди военнослужащих. Он поощрял офицеров и низшее командное звено за их усилия в поддержании здоровья, а при упущениях в этом деле строго взыскивал с виновных⁷⁴.

⁷⁰ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 218. (Доношение Правления Московского госпиталя в Коллегию Синодальную Экономического Правления от 4 июня того же года: «церковь и церковную утварь и больных и при них имеющиеся постели и матрацы и посуду оловянную, которая была куплена ради больных... с великою нуждою едва могли вытаскать»).

⁷¹ Там же. С. 226–227.

⁷² Там же. С. 176.

⁷³ Там же. С. 179.

⁷⁴ Он имел обыкновение посылать в полки, в которых отмечалась повышенная заболеваемость, для выяснения ее причин специальную комиссию во главе с «искусным штаб-лекарем». Для создания наилучших условий ее работы командир такого полка временно заменялся другим. По результатам работы комиссий издавались приказы. После указания в них причин повышенной заболеваемости среди солдат строжайше предписывалось командирам «употребив все меры к сохранению солдатского здоровья ... виновных наказывать». «Кто не бережет людей – офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет». На учениях и занятиях А. В. Суворов требовал обучать солдат «без изнурения ... так, чтобы упражнение всем забавою служило», и вместе с тем без праздности. «Праздность – корень всему злу», – поучал полководец. Генералиссимус лично (!) следил за чистотой и порядком в казармах и лагерях, навещал в госпиталях раненых и больных, зачастую пробовал в ротах «солдатское варево». См.: Суворов А. В. Наука побеждать. М., 1980. С. 8.

В 1755 году Госпиталь стал именоваться Генеральным сухопутным московским госпиталем и был передан в ведение Военной коллегии, но с постоянным поступлением средств от монастырской казны, во первых, в виде ежегодного взноса суммы в 4 487 рублей, которая была определена еще императором Петром I; во-вторых, в виде доходов от Вологодских, Костромских и Симбирских монастырских владений⁷⁵. По проекту выдающегося архитектора Д. В. Ухтомского каменный двухэтажный корпус Госпиталя капитально перестроили, увеличив в два раза площадь его помещений по всей длине здания, коечный фонд после расширения составил до 1 000 коек⁷⁶. В таком виде корпус существует и в настоящее время. Именно в этом здании по предложению руководителя отечественной медициной архиатра⁷⁷ П. З. Кондоиди, внесшего бесценный вклад в дело совершенствования медицинской помощи в России как воинам, так и гражданскому населению, по милосердному решению императрицы Елизаветы Петровны в 1756 году была организована психиатрическая палата, «особливый покой»⁷⁸. Так в продолжение и этого начинания императора Петра I в Госпитале впервые были организованы специальные помещения для лечения душевнобольных.

Для истории российского милосердия будет интересен и тот факт, что в 1757 году генерал-кригс-комиссар Я. П. Шаховской предложил перевести Госпиталь на новое место и учредить при нем дом призрения для воинских чинов и воспитательный дом для детей-сирот, что было незамедлительно утверждено Сенатом и императрицей Елизаветой Петровной, а составление проекта поручили князю Д. В. Ухтомскому. На излучине Москвы-реки, недалеко от Симонова монастыря, на высоком берегу должен был вознестись монументальный ансамбль из четырех отдельных корпусов в форме равноконечного креста протяжением

⁷⁵ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 351–353.

⁷⁶ Под крышей «церковного корпуса» при проведении ремонтно-реставрационных работ обнаружен купол храма до расширения.

⁷⁷ Архиатр – звание должностного лица, возглавлявшего медицинское дело в России в XVIII веке.

⁷⁸ Охрименко Н. Н. Развитие психиатрии, невропатологии, рентгенологии, радиологии и патологоанатомической работы // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 214–237.

более 500 метров, с церковью посередине⁷⁹. В зданиях свободно могли бы разместиться 1 024 пациента Госпиталя, 784 призреваемых инвалида и 768 «осиротелых и незаконнорожденных детей кроме их матерей и кормилиц»⁸⁰. Лишь недостаток государственных финансовых средств помешал воплощению большого «милосердного проекта», связанного в этот исторический период с Госпиталем.

В контексте истории развития медико-социальной помощи в России очень важно и то, что с первых дней работы Госпиталь лечил женщин и оказывал помощь в родовспоможении, вскоре получив заслуженный авторитет и в этой области медицины⁸¹.

С 1758 по 1761 годы в Госпитале на должности главного лекаря служил Чубенский Николай Фомич, назначенный впоследствии штаб-лекарем и лекарем Троице-Сергиевой лавры.

При изучении традиций милосердия в Госпитале мы обязаны вспомнить имя Константина Ивановича Щепина. Талантливый клиницист и хирург, первый русский профессор хирургии и анатомии, в 1762 году он возглавил Медико-хирургическую школу при Госпитале и заслужил от потомков такие слова: «Это был такой ученый человек и такой учитель, какого не видывали еще госпитальные школы»⁸². Их автор, известный историк медицины Я. А. Чистович, имел в виду не только медицинские и педагогические таланты Щепина, но и его выдающиеся человеческие качества: честность, смелость, милосердное отношение к людям⁸³. Так, в 1764 году Константин Иванович ходатайствовал перед медицинской коллегией об отмене унижительных телесных наказаний (в то время они применялись во всех учебных заведениях Европы и чуть не внедрились в России):

⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Д. 3085. Л. 91, 142 об.

⁸⁰ Проект «госпитальных и инвалидных домов», это оригинальнейшее произведение выдающегося русского архитектора, остался нереализованным из-за своей дороговизны: в 1759 г. он был сдан Сенатом в архив. Именно о нем писал в свое время И. Э. Грабарь: «Эта постройка была бы не только лучшим созданием Ухтомского, но и самой драгоценной жемчужиной московской архитектуры 18 века. Смольный монастырь Растрелли получил бы в этой блестящей архитектурной фантазии достойного соперника в Москве». См.: *Грабарь И.* Школа и «команда» архитектора кн. Д.В. Ухтомского // *Архитектура*. 1923. № 3-5. С. 8.

⁸¹ Назначенный в 1757 году в госпиталь «для утверждения повивальных бабок и обучения учениц» выпускник Страсбургского университета доктор Иоганн Фридрих Эразмус в период своей работы в госпитале подготовил и издал первый в России учебник акушерства «Наставление, как каждому человеку вообще в рассуждении диеты, а особливо женщинам в беременности, в родах и после родов себя содержать надлежит...» (М., 1762).

⁸² РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Кн. 296. Д. 334.

⁸³ *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. СПб, 1883. С. 111.

«Ученики Московского госпиталя наказываются за шалости иной стулом с цепью, другой лозами, а иной палками, – писал он 30 апреля 1764 года, – одинаково с прочими подлаго состояния людьми: нельзя ли отменить таковые наказания и приказать учредить карцер, для содержания их там за вины на хлебе и воде, но давать им туда книгу, чтоб не теряли времени втуне, а на лекции выпускать и из карцера, а потом опять туда запирать»⁸⁴. Коллегия на эту просьбу ответила отказом, вскоре последовал перевод К. И. Щепина в Петербург, а в 1766 году – увольнение со службы и запрещение заниматься медицинской практикой.

С 1765 года по 1776 год священником госпитального храма был протоиерей Иоанн Никитин⁸⁵. Трудно сегодня представить себе всю глубину духовного подвига, который лег на этого священнослужителя в страшный момент, когда на Москву обрушилась эпидемия чумы (1770–1772 гг.). Госпиталь первым принял сражение с этим тяжким бедствием. Главный доктор Госпиталя А. Ф. Шафонский и его помощник К. О. Ягельский быстро и точно распознали заболевание и приняли энергичные меры по локализации эпидемии. Весь медицинский персонал принял активное участие в борьбе с эпидемией и понес тяжкие потери. Большое число подлекарей, лекарских учеников и «волонтеров» было направлено во временные чумные больницы, организованные при Угрешском, Даниловском, Симоновом и Покровском монастырях, значительная их часть погибла, оказывая помощь чумным больным⁸⁶. Для улучшения организации медицинской помощи и борьбы с

⁸⁴ Там же. С. 116.

⁸⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 279а. Л. 1а, 117.

⁸⁶ Лекарь Московского госпиталя Яхонтов Григорий Егорович погиб в Москве. Спасали жизни заболевших и умерли в опасной больнице Симонова монастыря госпитальные подлекари Алексей Горник, Семен Косагов, в больнице Данилова монастыря – Чепелов (из отставных); лекарские ученики Госпитальной школы Герасим Протасов, Иван Витвинский, Иван Величкин, Иван Онуфриевский, Иван Адамов, Карл Готтлибсен, госпитальные школьники – помощники лекарских учеников Лаврентий Егупов, Александр Атюшев, Иван Яковлев, Иван Петров, Василий Журов, Никита Стригин трудились и умерли в больнице Симонова монастыря. В Угрешском монастыре погибли, мужественно сражаясь с «моровой язвой», лекарские ученики Госпитальной школы, Степан Цветков, Алексей Назаров, Алексей Смирнов, госпитальный ученик Иван Данилевский трудился в Симоновом монастыре, умер подлекарем на заставе в Севске. Остались в живых: волонтеры за подлекарей Иван Цаммерман, Андрей Рихтер, Вениамин Кнол (работали при опасных больницах Лефортовского дома и Покровского монастыря), госпитальные лекарские ученики Егор Сулима, Иван Прохорович, Василий Трохимовский, Андрей Шафрановский, Федор Шаден, Николай Мордовский, Алексей Тетюшкин, Иван Кистенмахер, Иван Федоровский (трудился в Угрешском монастыре); Иван Микель, Георгий Клейн (трудился в Симоновом монастыре). См.: *Шафонский А. Ф.* Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. М.: При Императорском университете, 1775. С. 631–633.; *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историею медицины в России к 200-летнему его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 488–489.

эпидемией чумы в Москве была учреждена особая «Комиссия для предохранения и врачевания от моровой заразительной язвы», в которую были включены руководитель Госпиталя А. Ф. Шафонский и доктора К. О. Ягельский, Д. С. Самойлович, Г. М. Орреус. По результатам работы Комиссии были изданы указ Правительствующего Сената «О мерах к прекращению эпидемий и устройству кладбищ» от 17 ноября 1771 года и распоряжение о захоронениях⁸⁷. Госпитальный священник протоиерей Иоанн Никитин, согласно распоряжению, отпевал умерших больных чумой на Преображенском чумном кладбище, а не в госпитальном храме. Он благополучно пережил чумную эпидемию⁸⁸. На воинском участке Семёновского кладбища погибших от чумы не хоронили, он стал единственным в Москве официальным нечумным городским некрополем.

Стараниями главного доктора Госпиталя А. Ф. Шафонского и членов Комиссии был подготовлен и в 1775 году издан фундаментальный труд «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г.»⁸⁹. В 1776 году А. Ф. Шафонский был назначен штатт-физиком и управляющим медицинской конторой в Москве.

С каждым десятилетием объем лечения в Госпитале увеличивался: в период с 1770 по 1780-е годы ежегодно в нем выздоравливали от 2 до 6 тысяч пациентов, причем смертность среди них оставалась на низком уровне – не превышала 6%. Для сравнения: во всей Европе в то время не было госпиталя, в котором смертность была бы ниже 8%. Низкой смертности, безусловно, способствовало постоянное духовное попечение православных пастрыей, чья нагрузка и ответственность все

⁸⁷ Во всех городах были запрещены погребения при церквях и потребовали, чтобы «для погребения умерших от заразительной болезни» были «отведены особые кладбища за городом на выгонных местах, ... и построить на оных на первый случай хотя небольшие деревянные церкви». Москва была разделена на 9 частей, к каждой части относилось отдельное чумное кладбище за Камер-Коллежским Валом: Введенское (Немецкое), Ваганьковское, Даниловское, Преображенское и др. Погибшие от чумы православные госпитальные сотрудники и ученики Госпитальной школы захоранивались на чумном Преображенском кладбище, а иноверцы – на Введенском (Немецком), напротив Госпиталя. См.: *Шафонский А. Ф.* Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. М.: При Императорском университете, 1775. С. 59–60.

⁸⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 279а. Л. 1а, 117. (Книга брачных обысков госпитального храма за 1765-1780 годы; в последний раз о нем упомянуто в записи от 23 мая 1776 года).

⁸⁹ *Шафонский А. Ф.* Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. М.: При Императорском университете, 1775. 652 с. (В настоящее время экземпляр этого издания, ставшего библиографической редкостью, является украшением экспозиции медицинского музея Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко.)

возрастали с увеличением численности пациентов.

В 1788 году императрица Екатерина II в послании Санкт-Петербургскому митрополиту Гавриилу отметила необходимость назначения в полки и на флот священников «искусных». В 1790 году, побуждаемая заботой о состоянии воинов в военных госпиталях, императрица утвердила новые правила для ряда должностных лиц. Так, смотритель госпиталя (помощник заведующего хозяйством), наряду с решением обширных хозяйственных задач обязан был осуществлять контроль за местонахождением госпитального священника, не имевшего права покинуть территорию Госпиталя без разрешения, чтобы ни один пациент не умер без покаяния и причащения Святых Животворящих Христовых Таин⁹⁰. Согласно обнаруженным в архивах метрическим книгам, с 1779 по 1792 годы в госпитале служил протоиерей Иоанн Алсуфьев. Затем в том же источнике в двух записях от июля 1776 года фиксируется священник Стефан Петров⁹¹, очевидно, временно служивший в госпитальных храмах. Во всяком случае, в записи от июля того же 1776 года отмечен уже другой священник госпитальных храмов – иерей Иоанн Алексеев⁹². Его имя мы встречаем и в записях от 1779⁹³ и от 1788 года⁹⁴. На основании анализа записей метрических книг можно сделать вывод, что служил он в госпитальном храме по 1792 год⁹⁵.

Согласно метрическим книгам, с 1793 по 1807 годы штатным священником Госпиталя был протоиерей Иоанн Иоаннов⁹⁶. Не жалея своих сил, он окормлял более 1 000 раненых и болящих пациентов, сотрудников и студентов госпитального медико-хирургического училища.

⁹⁰ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 501.

⁹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 279а. Л. 118, 119.

⁹² Там же. Л. 120.

⁹³ Там же. Д. 280. Л. 2.

⁹⁴ Там же. Д. 280. Л. 3об.

⁹⁵ Волков С., прот., Овчинникова М. Б. Традиции милосердия и духовного служения в Московском военном госпитале // Первый госпиталь и военная медицина в России: 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины России. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 218. Исследователи обратили внимание на хорошо сохранившуюся коллекцию метрических книг госпитальных храмов в ЦГА г. Москвы, информацию из которых мы используем в настоящей работе.

⁹⁶ Волков С., прот., Овчинникова М. Б. Традиции милосердия и духовного служения в Московском военном госпитале // Первый госпиталь и военная медицина в России: 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины России. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 218.

В 1797 году в Москву на коронацию прибывает великий князь Павел Петрович. С особой заботой относился Павел I к православному духовенству, выражая Высочайшее желание, чтобы русское священство имело более «соответственны важности сана своего образ и состояние», ревнуя о его просвещении, улучшении материального содержания и быта, правах и наградах – духовные лица отныне получали государственные награды; для них был вновь учрежден наградной наперсный Крест.

В XVIII веке обер-священник был ответственен лишь за походные церкви при полках. Однако император Павел I приказал назначать только военных священников в штат госпиталей и крепостей, где вводились постоянные церкви⁹⁷. Заметим, что из указа Павла I было неясно, переходят ли эти церкви в управление обер-священника со всем своим имуществом или нет, поэтому впоследствии между Священным синодом и обер-священником, на стороне которого практически всегда выступало Военное министерство, периодически возникали тяжбы.

Подобно своему великому прадеду императору Петру I Павел Петрович самое пристальное внимание уделял состоянию российских военных госпиталей. Картина оказалась весьма плачевной⁹⁸. Обычным явлением были теснота, грязь и внутригоспитальные инфекции. Процветали казнокрадство, взяточничество. Необходимо отметить, в России госпитальное дело в тот исторический период находилось все-таки в лучшем состоянии. Павел I лично утвердил планы новых каменных корпусов Госпиталя. В 1797–1802 годах по проекту талантливого архитектора, ученика М. Ф. Казакова И. В. Еготова был возведен комплекс двухэтажных каменных зданий, сохранившийся до наших дней, справедливо

⁹⁷ Капков В. Г. Памятная книга военного и морского духовенства XIX – начала XX вв. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. С. 105.

⁹⁸ В качестве характерного примера можно привести описание состояния врачебного дела в Гродненском госпитале: «В госпитале было 5000 больных, лежавших на голом полу и разделенных один от другого поленьями дров, причем на одного врача приходилось до 500 больных» См.: Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 533.

являющийся сегодня украшением столицы^{99 100}. Автором барельефов, скульптур и лепки на фасаде стал известный скульптор Г. Т. Замараев¹⁰¹. В возвышенности архитектурных форм, в узорах барельефов и росписей заметно присутствует гимн российскому воинству, а также звучит идея о несокрушимости русского боевого духа. Рядом с медицинскими зданиями был организован великолепный госпитальный парк. Также были капитально отремонтированы «церковный» корпус XVIII века и находящаяся в нем госпитальная домовая церковь Обновления храма Воскресения Христова, служившая духовному исцелению больных и раненых, на что было выделено тридцать тысяч рублей¹⁰².

Благодаря императору Павлу I «медицинская коллегия зашевелилась, ... оживилось госпитальное и больничное строительство» в России¹⁰³. Тогда же, когда по всей империи организовывались постоянные госпитали, проводился законотворческий процесс по совершенствованию работы медицинских учреждений для армии. В 1805 году произошла централизация управления медицинской службой: у Военного министерства была создана Медицинская экспедиция, которая позднее стала Медицинским департаментом (1812), а ныне называется Главным военно-медицинским управлением Минобороны Российской Федерации.

Работа Госпиталя в начале XIX века неуклонно совершенствовалась, в него поступало все больше пациентов (до 7 тысяч в год) и персонал старался применить

⁹⁹ Реконструкция Лефортовского госпиталя считается одной из самых масштабных работ зодчего, в определенном смысле подытожившая достижения русского зодчества всего XVIII столетия. См.: *Клименко С. В., Клименко Ю. Г.* Архитектор госпиталя Иван Егоров // *Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины России. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. М., 2010. С. 219–226.*

¹⁰⁰ См.: *Седов А. П.* Егоров. М.: Гос. Изд-во лит. по стр-ву и архитектуре, 1956. 89 с.; *Клименко С. В., Клименко Ю. Г.* Архитектор госпиталя Иван Егоров // В кн.: *Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. М., 2006. Т. I. С. 107–116.*

¹⁰¹ См.: *Свинын П.* О скульпторе Замараеве // *Журн. Отечественные записки. 1823. Часть 13, № 34, 35, февраль-март. С. 445–447; Лях Ф. Ф.* Скульптор Г. Т. Замараев // *Журн. Искусство. 1959, № 12. С. 63–67; Грибко Л. П., Грибко А. В.* Музы скульптора Замараева. М.: Век-2, 2008. 112 с.

¹⁰² *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 534.

¹⁰³ «Впечатление, произведенное состоянием Московского военного госпиталя на императора Павла I, сыграло положительную роль не только в жизни этого госпиталя, получившего новое прекрасное здание, но и в организации всего госпитального дела в России. В 1802 году появилось несколько крупных военных госпиталей: в Риге – на 1 000 мест, в Ревеле, Выборге и Фридрихсгаме – на 500 мест в каждом, в Роченсальме – на 250 и в Георгиевске – на 100 мест». См.: *Крупчицкий А. М.* Первенец русской медицины. М., 1958. 172 с.

самые совершенные способы лечения для улучшения их состояния¹⁰⁴. За духовное лечение пациентов, сотрудников, студентов Московской медико-хирургической академии, клиниками которой являлся Госпиталь, отвечал госпитальный священник. С 1807 по 1818 годы, согласно метрическим книгам, госпитальным священником был протоиерей Матфей (Матвей) Кузьмин¹⁰⁵. Отметим, что в Уставе воинской службы уделялось большое внимание дисциплине личного состава при посещении церковных служб: полагалось приходить на службу вовремя и не покидать храм до окончания богослужения, для этих целей у дверей дежурили «унтер-офицеры с алебардами»¹⁰⁶.

Общеизвестен факт, что после окончания боевых действий Отечественной войны 1812 года, когда прекращается эвакуация раненых воинов с фронта, еще в течение нескольких лет в госпиталях идет поток военнотружеников, участников той или иной военной кампании: открываются старые раны, обостряются болезни, которые не было возможности лечить во время активных боевых действий. А государственное финансирование по окончании войн для госпиталей военным ведомством сразу немилосердно урезалось. Много трудов потребовалось Госпиталю для ликвидации последствий войны в условиях переполненности ранеными и больными (их было более 2 тысяч человек на 1 500 штатных коек). Остро ощущалась нехватка лекарств, материального обеспечения¹⁰⁷.

И здесь на помощь вновь пришла Церковь, постоянно оказывавшая социальную помощь болящим воинам. Ниже приводится текст уникального документа, в 2010 году обнаруженного исследователями и переданного в медицинский музей ГВКГ им. академика Н. Н. Бурденко. Документ этот засвидетельствовал поступление социальной помощи воинам от старообрядцев

¹⁰⁴ Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX – начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 51–110.

¹⁰⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 281.

¹⁰⁶ Капков В. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 70.

¹⁰⁷ См.: Невский Н. М. Госпиталь в XIX столетии // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 26–27.; Абашиш В. Г. Госпиталь в период Отечественной войны 1812 года // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 164.

Рогожского согласия г. Москвы. В ЦГИА г. Москвы хранится обращение московского генерал-губернатора графа Ф. В. Ростопчина к главному доктору Госпиталя, выдающемуся медику, организатору и педагогу профессору Х. И. Лодеру, руководившему работой Касимовской группировки госпиталей в 1812 году¹⁰⁸. А в истории Госпиталя фигурировал уже давно известный документ – доклад главного доктора Х. И. Лодера московскому генерал-губернатору Ф. В. Ростопчину, представляющий подробный отчет, на какие нужды он планирует истратить 8 тысяч рублей, полученные Госпиталем в дар¹⁰⁹. Все эти меры должны были помочь улучшению лечебного дела и бытовых условий раненых и болящих в госпитале, пойти на пользу развития обширного госпитального хозяйства¹¹⁰. Думается, будет излишним подчеркивать, насколько необходимой была для Московского госпиталя эта весьма крупная сумма в сложный послевоенный период восстановления.

31 марта 1816 года было утверждено новое «Положение для военных госпиталей и полковых лазаретов», из которого следовало, что «в Москве – быть госпиталю 4 класса», т. е. на 1 000–1 200 коек для болящих нижних чинов и на 20 – для офицеров¹¹¹. Согласно положению, впервые в Госпитале были выделены места для пациентов-офицеров, которых переместили из общих палат в главном корпусе Госпиталя на другой его конец, в двухэтажный дом, где была организована первая бесплатная больница для бедных, еще до Отечественной войны 1812 года

¹⁰⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 6. Д. 8939. Л. 6. («Июня 24 дня 1814 г. Милостивый государь мой Крестьян Иванович! Препровождая при сем к вашему превосходительству восемь тысяч рублей пожертвованные Рогожским старообрядческим обществом в пользу раненых и увечных воинов наших, я прошу вас, милостивый государь мой, оную сумму употребить по здешнему военному госпиталю на те надобности, которые вы признаете нужнейшими, и о том не оставить меня уведомлением вашим, как равно и в получении денег. С истинным почтением пребываю Вашего Превосходительства Покорный слуга Граф Ф. Ростопчин».)

¹⁰⁹ На эту сумму Х. И. Лодер предлагал улучшить вентиляцию в палатах, заказать особый прибор для окуривания воздуха в палатах; заказать простые устройства для тех, кто не может пользоваться уборной; заказать полторы тысячи оловянных ложек одинакового размера для приема больными лекарств, т. к. лекарства давались деревянными ложками разной величины; поставить в каждой палате часы, чтобы лекарства принимали в назначенное время. См.: *Невский Н. М.* Госпиталь в XIX столетии // В кн.: *Главный военный госпиталь* / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 28.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 580.

¹¹¹ *Максимов И. Б., Овчинникова М. Б.* Московский госпиталь в XIX – начале XX века. Исторический обзор // *Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству*. В 3 кн. Кн. 2: *Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв.* Сб. в 2 т. Том I: *Становление военной медицины России* / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 60.

ее пациенты были переведены в специально отстроенное для больницы здание на ул. Божedomка¹¹².

До середины XIX века военно-госпитальное духовенство, в том числе Госпиталя, фактически находились в двойном подчинении: с одной стороны – руководству Госпиталя (и состояло в его штате), с другой стороны – епархиальному начальству через благочинного, из-за чего порой возникали довольно существенные разногласия¹¹³. Архивные документы позволяют говорить, что по крайней мере в первой четверти XIX века вопрос о зачислении священнослужителей на вакансии в Петропавловский домовый госпитальный храм решался Московской духовной консисторией¹¹⁴. Сохранились и архивные дела этого периода, свидетельствующие о двойном подчинении (смотрителю госпиталя и благочинному) священника госпитальной церкви, а также о его контактах с духовенством Петропавловского храма в Лефортове¹¹⁵.

¹¹² Овчинникова М. Б. Мемориал памяти Отечественной войны 1812 года в Лефортово. М.: Эко-Пресс, 2013. С. 49.

¹¹³ Так, в 1816 году возникла проблема приведения к присяге госпитального доктора Генике, и Госпитальная кантора настаивала, чтобы это мероприятие происходило в их помещении, что, в свою очередь, не устраивало госпитального священника Матвея Кузьмина, настаивавшего, чтобы доктор для присяги явился в госпитальный храм. Конфликт дошел до того, что Госпитальная кантора 6 января пожаловалась на госпитального священника в Консисторию: «Сия кантора сего генваря 5 числа неоднократно требовала госпитального священника Матвея Козмина для приведения на верность службы Его Императорскаго Величества доктора медицины 8-го класса Генике к присяге, так как сие происходило з давняго времени, что таковые принимали оную в Гошпитальной Канторе, но оной по таковым за ним посылкам и даже по письменному от Канторы требованию для учинения оной в Кантору не явился, а приказал сказать, что ему Кантора не указ, а чтобы прописанной доктор явился в госпитальную церковь, но как вышеупомянутый доктор по требованию Канторы для принятия присяги явился после имеющейся у него болезни еще в слабом положении, вследствие чего оной Консистории Кантора сим сообщая, просит: наистрожайше приказать священнику Козмину, дабы он требованию Канторы исполнял без замедления, и когда потребован будет в Кантору, то чтоб явился немедленно, не делая столь грубых отзывов, от которых Кантора надеется, что священник Козмин, оною Консисториею воздержан будет». Консистория поддержала пожелание Госпитальной канторы, проявлением чего явилась проставленная на документе резолюция, повелевавшая приводить к присяге без замедления. См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 752. Д. 3940. Л. 1.

¹¹⁴ Указ Московской Духовной консистории о зачислении диакона церкви Воскресения Христова с. Белой Колпи Волоколамской округи Гавриила Васильева на место диакона госпитальной церкви Петра и Павла от 8 февраля 1810 г. См.: Там же. Оп. 209. Д. 26. Л. 45.

¹¹⁵ Летом 1821 года предполагалось сделать поправку в госпитальной церкви – расписать стены и вычистить иконостас. Поскольку этот ремонт был сопряжен с временной невозможностью совершать богослужения в храме, руководство Госпиталя обратилось к митрополиту Московскому и Коломенскому Серафиму (Глаголевскому) с просьбой разрешить совершать богослужения в ближайшей приходской церкви Петра и Павла в Лефортове. Показательно, что документ был подписан исправляющим должность смотрителя госпиталя Поповым (напомним, что священник госпитальной церкви по Регламенту 1790 года был подотчетен именно смотрителю госпиталя). Митрополит Московский уважил просьбу, о чем послал 17 июня 1821 года указ к благочинному Ивановскому сорока протоиерею церкви Никиты мученика на Старой Басманной Ивану Савельеву и предписал ему оповестить о принятом решении как духовенство Петропавловской церкви, так и священника госпитального храма («о дозволении госпитальной церкви священнику когда будет нужно совершать в Петропавловской в Лефортове церкви Божественную Литургию, и о объявлении о том оно и Петропавловской церкви священнику с причтом и священнику госпитальной церкви к Вам благочинному послать сей указ»). Тогда же было отправлено уведомление и в Кантору Московского военного госпиталя. См.: Там же. Оп. 206. Д. 48. Лл. 1–3.

В 1819 году госпитальным священником был назначен протоиерей Михаил [Кузьмич] Воронцов¹¹⁶. Авторитет Православной Церкви был настолько велик, что госпитальный священник привлекался и для проведения определенных административных расследований в Госпитале, периодически отмечая возникающие проблемы и сообщая об этом госпитальному начальству. Так, сохранился документ, где священник протоиерей Михаил Воронцов выражал озабоченность отказом от принятия исповеди и причастия госпитальным доктором Козловским – изобретателем неких капель, запрещенных «медицинской конторой»¹¹⁷.

В начале XIX века выдающийся клиницист, основатель русской терапевтической школы, педагог и общественный деятель, основоположник военной медицины и гигиены, профессор медико-хирургической академии, клиниками которой являлся Госпиталь, Матвей Яковлевич Мудров отмечал, что нет лучшего и сильнейшего средства, чем христианское благочестие, для воспитания в людях благонравия. Будучи глубоко верующим человеком, он видел долг полковых священников в назидании своих духовных детей в истинах Евангельского учения, а более всего – внушении им чувства страха Божиего и святости, понимания важности и силы присяги, почитания царя и власти, чтобы они старались жить трезвенно, кротко неся свой крест, и во всем уповали на помощь Божию¹¹⁸. Такие мысли полностью гармонировали с мировоззрением русского человека, всегда вызывая самый живой отклик в душе воинов. Основой победы в любой армии, наравне с военной подготовкой, является сила духа, основанная на прочных принципах веры. Эта сила не только помогает понять цель военных действий, но и внушает настоящее стремление отдать все силы борьбе с

¹¹⁶ В архивной справке Московской Духовной консистории от мая 1824 года достаточно подробно описан его жизненный путь. Он родился в 1762 года, обучался в Переяславской семинарии. В 1785 году преподавал латинский синтаксис в Иосифовском училище. В 1786 году епископом Переяславским и Дмитровским Феофилактом посвящен в священника к Преображенской церкви с. Спасского Волоколамской округи. В 1789–1802 годы по резолюции митрополита Платона был благочинным округи. В 1802 году тем же митрополитом переведен в храм Петра и Павла в Лефортове, а в 1806 году тем же митрополитом Платоном переведен к храму Петра и Павла в Военном госпитале). См.: Там же. Оп. 209. Д. 254. Лл. 3, 5–6.

¹¹⁷ *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 607.

¹¹⁸ *М. Я. Мудров.* О пользе и предметах Военной Гигиены или науки сохранять здоровье военнотружущих. Изд. 3-е. М. 1826. С. 46–47.

врагом. Генералиссимус А. В. Суворов, который не имел поражений вместе со своими солдатами-героями, утверждал, что, когда душа воина велика, могущественна и не испытывает страха на поле битвы, победа неизбежна. Поэтому воспитание и закалка сердца воина играют ключевую роль¹¹⁹.

Как православный христианин и истинный патриот, убежденный, что «у России и русской медицины свой путь», М. Я. Мудров определял высокое предназначение российского военного врача, как человека, одушевленного человеколюбием и поэтому смело вступающего в бой за жизнь, чтобы вырвать из челюстей смерти воинов, отдававших жизнь за Веру и Отечество»¹²⁰. Несомненно, такие сотрудники, как М. Я. Мудров (подчеркнем, выпускник духовной семинарии), наряду с лечебной работой являвшиеся еще и благотворителями, храмостроителями, вносили существенный вклад в укрепление Госпиталя¹²¹. Родившийся в семье потомственного священника, М. Я. Мудров был глубоко и искренне верующим человеком. В 1822 году именно на средства профессора Мудрова были возобновлены богослужения в знаменитом храме преподобного Иоанна Лествичника в основании колокольни Ивана Великого в Кремле, треснувшей по вертикали в 1812 году от устроенного французскими варварами взрыва и восстановленной в 1814 году архитектором Жилярди (сегодня в ее помещении устраиваются выставки, храма как такового не существует)¹²².

Будет закономерным предположить, что такой молитвенник, врач и педагог должен был вызывать безусловное уважение и доверие, столь необходимые для успешного лечения, у каждого пациента Госпиталя, в большей своей массе – нижних чинов российской армии.

¹¹⁹ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 93.

¹²⁰ Мудров М. Я. О пользе и предметах Военной Гигиены или науки сохранять здоровье военнотружущих. Изд. 3-е. М. 1826. С. 57.

¹²¹ Лазебник Л. Б., Беляева В. С. Основоположник Российской терапии Матвей Яковлевич Мудров // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 200–201.

¹²² Лазебник Л. Б., Беляева В. С. Основоположник российской терапии Матвей Яковлевич Мудров // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Кложева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 201.

Вникая в самую суть необходимых насущных духовных и душевных потребностей воина, особенно воина болящего, находящегося в лечебном учреждении, М. Я. Мудров понимал, сколь важны для него упование на помощь Божию, доверие к командирам, умение молиться, целомудрие, трезвость, веселое расположение духа. Тогда он может быть ранен, но никогда не побежден: «...более всего готовят сердце и тело к честной брани обряды Церкви. Задача священников – приводить воина в такое состояние, удалив от него соблазны, которые растлевают тело и дух»¹²³. Обязанность священников не только в отправлении треб, но и в обращении сердец к благочестию, так как оно есть верная защита от болезней, подчеркивал он¹²⁴.

Об этом в своих проповедях писал и ученый-богослов, духовный писатель протоиерей Григорий Иванович Мансветов (будущий обер-священник армии и флота России (1827–1832)). Он убеждал воинов хранить Господа в своем сердце и следовать Его заповедям, чтобы обрести неустранимость духа и избежать страха и уныния. Призывал воинов к добропорядочности, борьбе с пороками, ведущими к гибели души. Воровство, нарушение присяги, дезертирство, сдача в плен с выдачей врагу военных сведений, а также грабеж и мародерство рассматривались как воинские преступления. Протоиерей Григорий был близок к солдатам еще во время своей службы полковым священником. Он стремился объяснить подопечным важность любви и уважения к их почетному званию воина и подчеркивал, что Церковь молится за государя и воинство. Он объяснял солдатам, что убийство врага на поле битвы не считается грехом, а является исполнением долга защиты Отечества, призывал к пощаде пленных и к уважению веры врага, чтобы не ожесточать противника. Солдаты и офицеры с большим вниманием изучали проповеди протоиерея Григория, поэтому они были напечатаны и четыре раза переиздавались¹²⁵.

¹²³ Мудров М. Я. О пользе и предметах Военной Гигиены или науки сохранять здоровье военнослужащих. Изд. 3-е. М. 1826. С. 38–39.

¹²⁴ Там же. С. 9.

¹²⁵ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 94–95.

В течение XIX века Священный Синод стремился вернуть себе контроль над военным духовным ведомством, опираясь на каноны. После трагической гибели императора Павла I, который поддерживал военное духовенство, Священный Синод отстаивал свои права, включая закрытие армейской семинарии в 1819 году, где подготавливали военных священников¹²⁶.

Как свидетельствуют метрические книги, с 1797 до 1917 года в Госпитале служили только белые, семейные священники. Как и раньше, главной обязанностью священника, служащего в военном ведомстве как в действующей армии, так и в тылу, было совершение богослужений согласно уставам. На флоте это происходило в воскресные и праздничные дни¹²⁷, а в армии – трижды в день¹²⁸. Согласно воинскому уставу, утвержденному Павлом I в 1796 году, военнослужащих должны были приводить к обедне по крайней мере два раза в неделю – по воскресеньям и средам, а также в праздники. Вечерние и утренние службы проводились с учетом служебного расписания военнослужащих, не реже одной из трех служб в назначенный день¹²⁹.

Помимо совершения богослужений, священники военных госпиталей обязаны были посещать раненых и больных воинов, принимать исповедь и причащать лежачих пациентов в палатах, чтобы никто не умер без причастия¹³⁰, проводить беседы на духовные темы, вразумлять, укреплять, наставлять.

На войне неверующих не бывает. Тем более их не было в переполненных огромных палатах военных госпиталей на 100–150 коек, где умиравших от ран и болезней просто отгораживали ширмой¹³¹. Чем ближе человек подходит к черте жизни и смерти, тем больше ему нужен Бог. «Скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах» (Пс. 114: 3–4). Днем и ночью к болящим воинам спешил

¹²⁶ Канков В. Г. «Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков» Памятная книга военного и морского духовенства XIX – начала XX вв. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. С. 105.

¹²⁷ ПСЗ-I. Т. 6. № 3485. Гл. IX. П. 3. С. 42.

¹²⁸ Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведении, что каждому чинить должно. СПб., 1791.

¹²⁹ ПСЗ-I. Т. 24. № 17588. Гл. XIV. п. 3. С. 115.

¹³⁰ ПСЗ-I. Т. 6. № 3485. Гл. IX. п. 4. С. 42.

¹³¹ Злобин А. Р. Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь / Под ред. А. М. Крупчицкого. М., 1943. С. 23–46.

госпитальный священник по малейшему зову (проживал госпитальный священник с семейством на территории Госпиталя и без ведома смотрителя территорию покидать не имел права). Напомним, что в первой половине XIX века в Госпитале в среднем ежедневно находилось на лечении около 2 тысяч раненых и болящих. Обходя госпитальные палаты, священник утешал и молитвенно укреплял раненых и больных воинов, а для лежащих пациентов, не имевших возможности прийти на службу в храм, он проводил таинство исповеди, соборования, причастия в госпитальных палатах.

Наряду с духовным окормлением пациентов-воинов в обязанности госпитального священника входило окормление руководства Госпиталя, сотрудников, студентов московской медико-хирургической академии, обучавшихся при Госпитале и первой в России военно-фельдшерской школы, открытой в Госпитале в 1816 года решением медицинского департамента военного министерства, где впервые в России началась подготовка фельдшеров для военного ведомства. С этого времени обязанностью госпитального священника (вначале протоиерея Матфея Кузьмина, с 1819 года – протоиерея Михаила Воронцова) стало обучение будущих военных фельдшеров латинскому языку¹³².

В 1820-е годы корпусный командир граф Толстой ходатайствовал о награждении протоиерея Михаила Воронцова наперсным крестом¹³³. Однако московский архипастырь решил ограничиться более скромной наградой: представил протоиерея Михаила Воронцова к камилавке, мотивировав причину отказа^{134 135}. Обнаруженные архивные дела о награждении протоиерея Михаила

¹³² Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 609.

¹³³ 2 мая 1824 года министр Духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын направил архиепископу Московскому Филарету (Дроздову) письмо с просьбой сообщить «свое мнение о священнике Воронцове с присоединением послужного списка его в таком случае, когда он будет Вами признан достойным награды и какой именно». См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 209. Д. 254. Л. 1.

¹³⁴ См.: Спустя два года, 12 августа 1826 года, Московский военный губернатор кн. Д. В. Голицын по представлению Московского военного коменданта, обратился к архиепископу Московскому Филарету с ходатайством о награждении священника госпитального храма М. К. Воронцова наперсным крестом. Тот на следующий день представил это ходатайство на рассмотрение Св. Синоду. См.: Там же. Л. 3–4, 7–9.

¹³⁵ Спустя 3 месяца, 17 ноября 1826 года Филарет, уже митрополит (возведен в сан митрополита 22 августа 1826 года) Московский, подал с Св. Синод репорт явно неблагоприятного содержания для священника М. К. Воронцова: «Сего 1826 года августа 13 дня... представлено мною Святейшему Синоду о награждении священника Московской Петровальной в военном госпитале церкви Матфея Кузьмина Воронцова следующим по порядку знаком отличия. Но из репорта благочинного, обыскной книги и допросов оказалось, что он сего ноября 12 дня совершил брак

фиксируют принадлежность госпитального Петропавловского храма к Ивановскому сороку¹³⁶, свидетельствуют о пристальном контроле за жизнью госпитального храма со стороны благочинного и о независимости духовного начальства в принятии решений от военного руководства.

Госпитальный священник венчал, крестил, совершал другие таинства православной церкви для прихожан госпитального домового храма, проводил молебны, освящал госпитальные палаты и другие помещения, жилища сотрудников, проживавших на территории Госпиталя. Он был и отцом, и наставником, и нравственным судьей как тысяч пациентов, так и сотрудников.

Несмотря на крайнюю ограниченность в средствах, выделяемых военной коллегией, командование, понимая, что истинно милосердное отношение к больным неотделимо от человеческого отношения к сотрудникам, прилагает огромные усилия, чтобы облегчить условия существования наиболее бесправной и угнетенной части госпитального персонала – госпитальной прислуги. Штат этих работников комплектовался из числа инвалидов – комиссованных нижних чинов, т. е. из тех же крепостных крестьян, но сменивших гнет помещика на тяготы пожизненной военной службы. Такие нестроевые нижние чины оставались жить при госпиталях, что было законодательно закреплено в российском генеральном регламенте о госпиталях 1735 года (Глава X «Об инвалидах или дряхлых или неспособных к службе»): на госпитали возлагались, помимо лечения больных и раненых, уход за инвалидами и престарелыми, их лечение и содержание, «чтобы они не без призрения были»¹³⁷. Позднее из инвалидов были сформированы специальные «инвалидные роты», осуществлявшие всю хозяйственную деятельность в госпиталях, а также уход за пациентами. Проживали они на территории Госпиталя на казарменном положении во флигелях команды обслуживания, обеспечивались за казенный счет едой и обмундированием.

чужеприходный без предварительных публикаций, без надлежащих свидетельств от духовных отцов жениха и невесты, и без дозволения жениху от начальства, и при том, по сведениям, в высокой степени заслуживающим доверие, – брак, состоящий в четвертом степени родства от одной крови и в том самом виде, в каком сие запрещено 54 правилом VI Вселенского собора, а потому и предан мною законному суждению». См.: там же. Л. 10.

¹³⁶ Там же. Л. 3, 5об.

¹³⁷ *Аделеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 201–202.

Старательный, бережный уход со стороны вчерашних товарищей, еще вчера разделявших с ними все тяготы военной службы, безусловно, способствовал выздоровлению пациентов военных госпиталей.

Еще в 1826 году по высочайшей воле императора Николая I вследствие ходатайства обер-священника И. С. Державина под его руководство из Епархиального управления были переданы неподвижные военные церкви. В случае организации новой церкви при каком-либо учреждении Военного ведомства начинались тяжбы, о подведомственности подчинении церкви и служащих в ней священников. На протяжении XIX – начала XX веков зафиксированы случаи переходов церквей из епархиального ведомства в военное, и несмотря на старания святейшего синода, чаще этот процесс был односторонним. Все больше неподвижных церквей, расположенных при военных учебных заведениях, госпиталях, крепостях, фортах, военных тюрьмах и прочих местах, передавались на управление обер-священнику, впоследствии главному священнику, протопресвитеру. В храмах, подобно храму Госпиталя, где прихожанами являлись наряду с военными чинами и гражданский персонал, и местные жители Лефортова (территория Госпиталя до 1931 года не была закрыта), в решении церковных вопросов относительно гражданской части прихода служащий священник подчинялся местному правящему архиерею, а контроль над церковными суммами осуществляли совместно ктитор¹³⁸ от военного начальства и староста от прихожан¹³⁹. В Госпитале церковная касса, наряду с кассой Госпиталя, хранилась в кабинете начальника госпиталя.

По высочайшему решению между 1835 и 1883 годами обер-священникам гвардейского и гренадерского корпусов Н. В. Музовскому и В. Б. Бажанову было поручено руководить придворным духовенством, они действовали как духовные

¹³⁸ В России XIX – начала XX века «ктитор» – название специальной должности в церквях военного ведомства. В обязанности ктитора входило управление хозяйством и внешним порядком. Ктиторов назначали военным начальством, перед которым и отчитывались (совместно с причтом) во всех хозяйственных операциях церквей Военного ведомства. Именно такое устройство имела и госпитальная церковь Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, прихожанами которой являлись военнотружущие: пациенты-воины, военные врачи, фельдшера – и пациенты, составлявшие «гражданский приход».

¹³⁹ *Капков В. Г.* «Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков» Памятная книга военного и морского духовенства XIX – начала XX вв. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. С. 105.

наставники российских императоров и их семей. В середине XIX века обер-священникам армии и флота В. И. Кутневичу и обер-священнику гвардии и гренадер В. Б. Бажанову был присвоен статус постоянных членов святейшего синода¹⁴⁰.

Число госпиталей в России росло¹⁴¹. Для эффективного управления был разработан и в 1828 году утвержден новый госпитальный устав¹⁴². В силу требований устава, шефом Московского военного госпиталя был определен московский генерал-губернатор (старший из местных военных руководителей)¹⁴³.

В 1829 году известный своим милосердием и благотворительностью генерал-губернатор Москвы князь Д. В. Голицын обратился с прошением об устройении в Госпитале не просто палат для душевнобольных, а особого штатного отделения для «ума лишенных»¹⁴⁴. После года рассмотрения прошения управляющий военным министерством граф А. И. Чернышев в августе 1830 года ответил генерал-губернатору Д. В. Голицыну на это письмо немилосердным отказом¹⁴⁵. Итак, душевнобольные пациенты еще несколько десятилетий

¹⁴⁰ Там же. С. 39.

¹⁴¹ В августе 1816 года их было 66, в 1821 – уже 75, а к концу 1825 года – 95. См.: Будко А. А., Журавлев Д. А. Организация лечения раненых и больных в госпиталях и лазаретах Российской империи // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 40.

¹⁴² Там же. С. 42.

¹⁴³ Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX – начале XX века // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн. 2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 69.

¹⁴⁴ Для его размещения предложил использовать каменные здания «офицерского дома» Госпиталя – ранее там располагалась бывшая первая в Москве бесплатная Мариинская больница для бедных (в 1809 г. переведена на Божедомку, ныне – ул. Достоевского), для которой была арендована усадьба купца Балкашина в «Лафертовской части в 4^м квартале под № 334» (территория рядом с Госпиталем в месте, где Синичка впадала в Язу; здание не сохранилось, сейчас там расположен спортивный комплекс МГТУ им. Н. Э. Баумана)), затем Вдовый дом. Усадьба состояла «...из двух каменных корпусов одного в три этажа покрытого железом со сводами и подвалами длиною на 10 шириною на 6 сажен. Другого в один этаж с мезонином длиною на 10 сажен шириною на 10 аршин: сарая с конюшнею и погребом прачешной и бани хоть деревянной но прочной...» В 1815 г., после переезда Вдовьего дома на Кудринскую площадь (сейчас здесь размещается РМАПО) здание по настоянию главного доктора Московского военного госпиталя Х. И. Лодера передается Госпиталю, На первом его этаже поселяются семьи персонала госпиталя для «доставлении им необходимых удобностей жизни, чтобы они исполняли свои должности радуясь, а не воздыхая», а на второй этаж в нем размещают пациентов – офицеров, которые до этого, с 1707 года, лечились вместе с солдатами в главном корпусе. Здание получило название «офицерский дом». См.: Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историею медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 614.; Овчинникова М. Б. Мемориал памяти Отечественной войны 1812 г. в Лефортово. М., 2013. 71 с.

¹⁴⁵ «Цель военных госпиталей есть временное призрение больных военных чинов, но как больные помешательством по упорству болезни не редко на всю жизнь остаются в больницах, а в таком состоянии больные нигде на службе числиться не могут и ...должны быть исключаемы из военного ведомства, то сама собою открывается необходимость перемещать их в общественные заведения, ибо оставить их постоянно в Гошпитале было бы противно цели учреждения оною. ...Особое отделение в гошпитале для помешанных умом будет отяготительно для прочих

продолжали размещаться в одной из палат главного корпуса, специальное лечение отсутствовало, характерным признаком «надзора» за такими больными было применение смиренных рубашек.

Во время назревших реформ, в 1860 году, чиновник особых поручений статский советник Яновский посетил Госпиталь и убедился, что душевнобольные размещены плохо и лишены элементарных удобств, в своем докладе военному министру высказал ряд предложений по улучшению их положения. Предложение Яновского о переводе больных в другое помещение было одобрено. В конце 1862 года пациенты были переведены в правую половину нижнего этажа церковного корпуса.

В 1818 году в левой части «церковного» корпуса были размещены организованные женское и арестантское отделения, что вновь свидетельствует о продолжении традиций милосердия: Госпиталь стал единственным местом, где отделили лечение женщин, к тому же стали лечить заключенных, так как лазареты при тюрьмах стали организовываться благодаря подвижнической деятельности доктора Ф. П. Гааза значительно позже.

С момента создания Госпиталя огромную роль в его жизни играло попечение императоров российских, начиная с первого «царственного патрона» Госпиталя императора Петра I. Император задавал и главный тон церковной жизни в России, являясь Верховным ктитorem Русской Православной Церкви.

В настоящем исследовании не случайна акцентация свойств личности императора Павла I. Без этого невозможно понять и результаты деяний его царственного сына – императора Николая I¹⁴⁶.

больных, ибо при всех мерах, какие приняты будут, смежность таковых больных более или менее будет беспокоить прочих». См.: *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 615.

¹⁴⁶ Историк государственного права А. В. Романович-Славатинский замечает по поводу чина коронации: «Основания обряда священного коронования и миропомазания, как толкует наша Православная Церковь, заключаются в следующем: 1) чтоб пред лицом всего народа показать, что государь – помазанник Божий; 2) что власть его – Божественного происхождения, а самая особа его – священна и неприкосновенна... Император произносит вслух Символ православной веры, знаменуя всенародно, что исповедует он веру большинства своего русского народа... Коронование, таким образом, представляет собою обряд, в котором религиозные элементы смешиваются с политическими». Связь императора с народом основывалась, таким образом, прежде всего на общей вере. В народном сознании царь был помазанником Божиим и сами понятия веры, царя и Отечества были тесно связаны

Вступление на престол императора Николая I было омрачено трагическими событиями восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади¹⁴⁷. Закономерно, что после ликвидации организованного декабристами бунта, последствия которого могли стать роковыми для России, император решил навести порядок во всех государственных делах, основанный на строгом контроле и подчинении. Основой российской государственной идеологии стала теория официальной народности, сформулированная министром народного просвещения Российской империи С. С. Уваровым, считавшим, что православная вера – единственная традиция, которой удалось сохранить верность настоящему христианству и обеспечить единство народа, и самодержавие – единственная форма правления, которая может медленно и осторожно управлять развитием молодой России, удерживая ее от роковых ошибок, и близкое и понятное народу – являются необходимыми условиями существования государства¹⁴⁸.

Главную роль в реализации механизма защиты и развития России Николай I отвел армии, ставшей важной составной частью российской государственности. В 1833 году он производит общее преобразование армии, реорганизовав воинские соединения. Император Николай I относился к воинам воистину с глубоким уважением и отеческой заботой¹⁴⁹. В системе военного образования особое

между собой. См.: Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 71–72.

¹⁴⁷ По воспоминаниям русского историка и духовного писателя, верного чада Русской Православной Церкви Заграницей и убежденного монархиста Николая Дмитриевича Тальберга, выйдя на Сенатскую площадь к войскам и волнуемому народу, «подогреваемым» мятежниками, только что вступивший на российский престол, император Николай I, не опасаясь гибели, несколько часов уговаривал мятежников разойтись, обещая полное прощение. Он сам читал собравшимся Манифест о своем вступлении на престол. По свидетельству современников, с первых дней фигура нового царя внушала простым людям какое-то глубинное уважение, и впоследствии, когда он без охраны посещал людные места, посещал казармы и госпитали, общался с людьми на улицах, на него никто никогда не покушался. «Независимо от высших качеств, которые могли быть оценены одними русскими, и из них, преимущественно, одними приближенными, в наружности, в осанке, в беседе, во всех приемах Николая были, действительно, какое-то обаяние, какая-то чаровавшая сила, какому влиянию не мог не подчиниться, увидав и услышав его, даже и самый лютый враг самодержавия». См.: Тальберг Н. Д. Император Николай I в свете исторической правды (1939–1942). Jordanville: Тип. преп. Иова Почаевского/ Holy Trinity Monastery, 1961. С. 9.

¹⁴⁸ Исходя из этого, в 1832–1834 годах Уваров сформулировал так называемую теорию официальной народности, в основе которой лежала триада «Православие, самодержавие, народность» (парафраз оформившегося в начале XIX века военного лозунга «За веру, Царя и Отечество»). Народность здесь понималась как необходимость придерживаться своих традиций и отвергать иностранное влияние, в том числе западное, с его идеями свободы, индивидуализма, рационализма, которые с православной точки зрения, определялись как «вольнодумство» и «смутьянство». Николай I воспринял ее как универсальную, поскольку она была емкой, понятной и полностью соответствовала его представлениям о том, каким образом должна развиваться вверенная ему Господом империя.

¹⁴⁹ При посещениях, например, военно-учебных заведений император внимательно следил за жизнью и бытом воспитанников, лично проверял кровати, пищу; устраивал для них различные праздники. Кадеты его боготворили,

внимание было уделено нравственному и патриотическому воспитанию, основанному на преданности государству и монарху. Это было необходимо для признания человека как образованного и порядочного члена семьи, достойного члена общества^{150 151}.

Император открыто выражал свои чувства. Например, в августе 1834 года, когда он принимал участие в открытии Александрийского столпа, он молился вместе со всеми своими воинами, сняв головной убор, и его слезы умиления поразили не только своей глубиной, но и служили источником вдохновения и сострадания для народа, не отрывавшего от него взглядов. Когда император упал на колени, вся армия последовал его примеру¹⁵².

Император инициировал строительство по всей России новых комфортабельных казарм, которое завершилось только в 1890-х годах во время правления императора Александра III. Он представил новую удобную военную форму и активно следил за санитарными условиями в армии. Будучи противником жестоких телесных наказаний, он значительно смягчил их, запретив проведение экзекуций без присутствия врача.

В самом начале его правления, в 1828 году, был издан новый, более совершенный, устав о неперенных (т. е. постоянных) госпиталях; строятся многочисленные военные госпитали, в том числе прекрасно организованный крупнейший в Санкт-Петербурге Первый военно-сухопутный Санкт-Петербургский госпиталь (1840 г.) в самом высоком и сухом месте в городе рядом с Таврическим садом, садом Смольного монастыря и другими зелеными

и он искренне их любил. Особое внимание император уделял военному образованию, крупную реформу которого он осуществил, выделив военно-воспитательную деятельность в отдельную отрасль государственного управления.

¹⁵⁰ Семичев В. В. Военное образование при императоре Николае I // «Бомбардир». 1995. № 4.

¹⁵¹ «26 августа [1839 года] на Бородинском поле состоялся военный парад. Государь со следующими словами обратился к войскам: “Ребята! Пред нами памятник, свидетельствующий о славных подвигах ваших товарищей! Здесь, на этом самом месте, за 27 лет перед сим, надменный враг возмечтал победить русское войско, стоявшее за веру, царя и отечество! Бог наказал безрассудного: от Москвы до Немана разметаны кости дерзких пришельцев – а мы вошли в Париж. ... Да будет память вечная бессмертному для нас императору Александру I, – его твердою волею спасена Россия; вечная слава павшим геройскою смертью товарищам нашим, и да послужит подвиг их примером нам и позднешему потомству. Вы же всегда будете надеждой, оплотом вашему государю и общей матери нашей России!”». См.: Тальберг Н. Д. Император Николай I в свете исторической правды (1939–1942). Jordanville: Тип. преп. Иова Почаевского/ Holy Trinity Monastery, 1961. С. 3.

¹⁵² Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. С. 416.

массивами¹⁵³. Николай I организует новые государственные учреждения для воинов-инвалидов – военные богадельни, решив одну из наиболее сложных проблем воинов-инвалидов – отсутствие жилья как у одиноких, так и у семейных пар, – которую в течение десятилетий не смог решить организованный в 1814 году императором Александром I комитет о раненых, занимавшийся обеспечением военных инвалидов пенсиями, единовременными пособиями, устройством на работу и предоставлением других льгот. В 1830 году указом Николая I было повелено: «Для призрения и успокоения старых и увечных воинов, которые при отставке от службы не в силах снискивать пропитание, учредить в С.-Петербурге Военную богадельню». В 1836 году богадельня на 400 нижних чинов и 16 офицеров была открыта. При богадельне была церковь со священником, а также лазарет с лекарем. Поскольку для размещения инвалидов был предназначен бывший Чесменский дворец, богадельня была названа Чесменской, а с 1855 года она стала именоваться «Николаевская Чесменская военная богадельня». По образцу Чесменской в селе Измайловском под Москвой в 1849 году была также открыта богадельня для инвалидов, получившая название «Николаевская Измайловская военная богадельня», с величественным собором, лазаретом¹⁵⁴.

Безусловно, под самым пристальным контролем императора Николая Павловича находился и основанный его любимым прапрадедом императором Петром I Московский военный госпиталь, до 1918 года – единственный на весь Московский военный округ, в который входили несколько губерний. Состояние Госпиталя в 1820-е годы было достаточно тяжелое. Он был постоянно переполнен, материального обеспечения хронически не хватало. Предположенные еще в 1828 году постройки и переделки были пока только на бумаге: повеление императора

¹⁵³ В его описании, опубликованном в «Военно-медицинском журнале» (1848), утверждалось: «В целой Европе нет подобного госпиталя по красоте и прочности отделки всех его частей, по удобствам, в нем заключающимся, и по средствам к содержанию больных соответственно их недугам, со всею возможною попечительностью». См.: *Комаров М. В., Левин М. И.* История возникновения госпиталя / В кн.: Материалы к истории Ленинградского окружного военного госпиталя (бывшего Первого военно-сухопутного госпиталя). Л., 1948. С. 12.

¹⁵⁴ *Трифопова Т. П.* «По предмету, столь близкому нашему сердцу...» (Из истории Николаевской Измайловской военной богадельни) // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 589–602.

Александра I от 1823 года о соединении всех четырех корпусов 1799–1802 годов встройки до сих пор не было завершено, удивительно, каким образом в Госпитале помещались 2 200 и более человек – замечает доктор медицины А. Н. Алелеков.

Будучи согласно воинскому уставу шефом Московского военного госпиталя, московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын 25 июня 1830 года обратился к управляющему Военным министерством с рядом вопросов: 1) проконтролировать окраску полов в больничных палатах в установленный срок, упростив финансовые расчеты; 2) учредить двойной комплект больничных халатов и одеял для пребывающих в Госпитале на лечении; 3) увеличить число обслуживающего персонала (2½ подвижных инвалидных рот) на одну полуроту; 4) перевести Госпиталь из 5-го в 6-й класс, что позволит увеличить штатное число коек, рассчитанное на 1 800 нижних чинов и 40 офицеров, а состоит на лечении в нем более 2 300 больных.¹⁵⁵ По этим прошениям управляющий министерством обещал сделать представление, но Комиссариатский департамент министерства, куда было передано дело, не нашел возможным ни поручить госпиталю окраску полов, ни удовлетворить нужды ни в халатах, ни в прислуге, ни в переводе госпиталя в 6-й класс¹⁵⁶.

В 1830 году Николай I прибыл в Госпиталь. Автор имеет смелость предположить, что Лефортовский госпиталь всегда был под пристальным вниманием Николая Павловича, поскольку он был основан Петром I – государем, всегда являвшимся для Николая I образцом для подражания¹⁵⁷, заветам которого он стремился следовать в течение всего своего правления. Трудно сегодня представить, что глава государства Российского нашел время не для парадного визита с целью, например, награждения раненых воинов, но для плановой рабочей инспекционной поездки. Изучая предписания командованию Госпиталя, сделанные *лично* императором, можно только поразиться его чуткому

¹⁵⁵ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 614.

¹⁵⁶ Там же. С. 615–617.

¹⁵⁷ Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Церковь и время. № 52.

хозяйственному настрою, внимательности, осведомленности, искреннему желанию улучшить состояние дел. Конечно же, все неисправности, теснота, другие недочеты были им замечены, в том числе грязное и рваное постельное белье, неисправность полов в палатах и приемном покое, грязные стены. Он словесно приказал отбить штукатурку от стены кухни, и высушить ее железными трубами от сильных паров и сырости, до исполнения готовить пищу в другом месте; также повелел увеличить число форточек в палатах и термометров¹⁵⁸.

Архивные документы и выводы специалистов межобластного научно-реставрационного художественного управления министерства культуры РФ говорят, что благоустройство госпитального домового храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в лечебном корпусе XVIII века росписями, начатое в 1821 году стараниями госпитального священника Михаила Воронцова, было завершено к коронации Николая I в 1825 году, и при инспекционном посещении в 1830 году Госпиталя император смог их увидеть^{159 160}. Автор склонен предположить, что по традиции, установленной еще Петром I, император, будучи верховным ктиторм, мог принимать участие в создании росписей госпитального храма – первого стационарного воинского храма России¹⁶¹.

После визита императора госпитальное строительство значительно ускорилось. В 1835–1838 годах по проектам архитекторов М. В. Горлицына, Овчинникова и Ф. М. Шестакова и попечением госпитального священника протоиерея Михаила Воронцова были построены звонница (выносная колокольня) перед «церковным» корпусом XVIII века с домовым храмом Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, часовня для отпевания православных больных в восточном крыле главного корпуса (сохранилась до настоящего

¹⁵⁸ *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 614.

¹⁵⁹ *Филатов С. В., Чепурной А. С.* Отчет о натурном исследовании интерьера храма св. Первопрестольных Петра и Павла на территории Главного военного клинического госпиталя им. академика Н. Н. Бурденко // Межобластное научно-реставрационное художественное управление Министерства культуры РФ. М., 2007. С. 29.

¹⁶⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 206. Д. 48. Л. 3. Дело о разрешении на реставрацию церкви Московского военного госпиталя. 11–14 июня 1821 г.

¹⁶¹ *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 614–617.

времени), а также целый комплекс зданий: каменные корпуса «новые бани», анатомический театр (сохранились до настоящего времени), прачечная на берегу Синички, деревянная часовня при домах начальствующего состава по улице Госпитальный Вал (утрачены). Заслуживает внимания тот факт, что каменная и деревянная часовни были зафиксированы в акте осмотра ряда архитектурных объектов на территории госпиталя, производившегося специальной комиссией представителей «Главнауки НКП и МОНО», оставившей акт осмотра корпусов госпиталя XVIII – XIX веков (июль 1928 года)¹⁶².

В церковно-административном плане госпитальный храм находился в Ивановском сороке¹⁶³, центром которого являлся храм Никиты мученика на Старой Басманной, где служил благочинный, получавший информацию по различным аспектам храмов своего сорока, в том числе и госпитального храма. Благочинный обязан был доводить и разъяснять священнослужителям госпитальных храмов решения, принятые епархиальным начальством. Ближайшим приходским храмом был старинный воинский храм Петра и Павла в Лефортове, духовенство которого с начала работы Госпиталя поддерживало тесное взаимодействие со священнослужителями госпитального одноименного храма¹⁶⁴.

Исследуя различные виды милосердной деятельности священнослужителей и мирян Госпиталя, считаем необходимым отметить самоотверженное служение и причта госпитального храма, и коллектива во время тяжелой эпидемии холеры в России 1830–1831 годов, во время которой, только по официальным данным, из 466 457 заболевших в России холерой умерло 197 069 человек. С начала сентября по 15 ноября 1830 года в Госпитале находилось на лечении 640 чел., умерло 284 (44%), в полках – 130 чел., умерло – 78 (60%) и в гражданских больницах – 6 597 чел., умерло – 3 597 (55%)¹⁶⁵. К борьбе с последующими эпидемиями уже

¹⁶² ЦГА г. Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 315. Л. 3.

¹⁶³ Там же. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 280. Л. 2.

¹⁶⁴ Овчинникова М. Б. Мемориал памяти Отечественной войны 1812 года в Лефортово. М.: Эко-Пресс, 2013. С. 18–21.

¹⁶⁵ Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX – начале XX века // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 73.

готовились: в госпитале выделялись дополнительные койки; в госпитальной аптеке изготавливались в большом количестве необходимые препараты. Без всякого сомнения, духовно готовился к встрече со смертельным врагом и госпитальный священник, окормлявший и заболевших, и умиравших. В оказании духовной помощи сотням заболевших ему помогали и персонал Госпиталя, и инвалиды из госпитальной инвалидной роты. Захоранивались погибшие от холеры на специальном холерном кладбище на летней территории Госпиталя на Введенских Горах.

В 1839 году в Госпитале началась эпидемия трахомы (лечилось уже 2 174 пациента с таким диагнозом) – опасного инфекционного глазного заболевания, получившего широкое распространение вследствие низкой культуры содержания солдат в казармах и дававшего большой процент слепоты. Ликвидировать заболевание удалось только через 5 лет благодаря введению строгих санитарных мер¹⁶⁶.

Во время массовых эпидемий госпитальный священник, наряду с другими сотрудниками Госпиталя, обязан был проводить разъяснительную санитарную работу с пасомыми.

Руководители госпиталя, многие доктора со своими домочадцами, команда, обслуживающая госпиталь, и вольнонаемные сотрудники в те времена проживали на его территории. Квартиры начальника госпиталя, смотрителя и главного врача находились в каменных флигелях, сохранившихся до наших дней. В своем домовом храме персонал госпиталя и больные молились о даровании победы и здоровья российскому воинству, о процветании Отечества; поминали погибших в боях воинов. В 1830-е годы для отпевания умерших православных пациентов была построена каменная часовня, позднее – каплица для отпевания умерших иноверцев. В каплице был установлен орган, причем органист до 1917 года состоял в штате Госпиталя¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Там же. С. 74.

¹⁶⁷ Злобин А. Р. Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь / Под ред А. М. Крупчицкого. М., 1943. С. 24.

В 1853 году в связи с возвращением части полномочий, которые были отобраны у ведомства обер-священника армии и флота после убийства императора Павла I, обер-священнику было возвращено право осуществлять кадровую политику в отношении духовных пастырей, работающих в военном ведомстве, без необходимости согласования со Святейшим Синодом. Также ему предоставлялось право проводить церковный документооборот, проводить расследования и назначать наказания духовенству¹⁶⁸.

В 1863 году в объяснительной записке к проекту госпитального устава (п. 8) отмечалось, что «в большей части военных госпиталей вовсе не производилось богослужения; для удовлетворения этой, одной из необходимейших потребностей для больных, в новых штатах полагается в каждом госпитале, кроме 1-го класса, по одному священнику». Служению военного священства в армии был посвящен раздел «Общие обязанности полковых священников» Свода военных постановлений (1869), VII книга¹⁶⁹. Военные священники, работавшие как в армейских частях, так и в тыловых учреждениях, находились под двойным управлением: в делах церкви их руководил главный священник, а во всех остальных вопросах – военное начальство. Как правило, военных священнослужителей, подобно другим военнослужащим, часто переводили с одного места на другое (в среднем раз в пять лет), иногда перемещая их из одного конца империи в другой.

Из вышеизложенного краткого обзора деятельности Московского военного госпиталя и госпитальных священников в XVIII – первой половине XIX веков следует, что первенец российской медицины хранил верность традициям, заложенным его основателями: «своей врачебной деятельностью с честью служил и городу Москве, и всей России»¹⁷⁰. По единодушному свидетельству архивных источников, именно Русская Православная Церковь осуществляла духовную поддержку персонала и пациентов Госпиталя, что наиболее сильно проявлялось во

¹⁶⁸ Капков В. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 38.

¹⁶⁹ Свод военных постановлений 1869 г. Кн. VII. Прохождение службы по военному ведомству. 2-е изд. СПб, 1907.

¹⁷⁰ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 682.

время войн и эпидемий, предшествовавших рассматриваемому в данной работе историческому периоду середины XIX – начала XX веков – началу эпохи глобальных катаклизмов и мировых войн.

К середине XIX века в России насчитывалось уже 189 госпиталей, полугоспиталей и лазаретов, разбросанных по всей ее обширной территории, преимущественно в западных областях¹⁷¹.

На основании исторических источников можно утверждать, что домовый храм Госпиталя Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла перешел в подчинение Военного ведомства примерно в середине XIX века¹⁷². В документах церкви Ивановского сорока за более поздний исторический период сведения о госпитальном храме уже отсутствуют¹⁷³. Пока не удалось выявить документ, фиксирующий это переподчинение, но мы можем с большой вероятностью предположить, что сделано это было по указанию Верховного Ктитора Русской Православной Церкви императора Николая Павловича. Необходимо подчеркнуть, что Николай I оказывал военному священству глубокое уважение¹⁷⁴. Корпус военных священников в военных госпиталях, ставший уже многочисленным к середине XIX века, органично влился в структуру госпиталей Российской армии и флота.

1.2. Деятельность Московского военного госпиталя в милосердном служении в период Крымской войны и послевоенный период

¹⁷¹ Будко А. А., Журавлев Д. А. Организация лечения раненых и больных в госпиталях и лазаретах Российской империи // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 42–43.

¹⁷² В известных нам подборках метрических книг разных церквей Ивановского сорока госпитальный храм Святых первоверховных апостолов Петра и Павла в последний раз фиксируется в 1826 году. См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 257.

¹⁷³ Метрическая книга за 1847 год и последующие книги были выданы в церковь Московского военного госпиталя уже обер-священником армии и флота протоиереем Василием Ивановичем Кутневичем, и никаких привязок госпитального храма к Ивановскому сороку она не содержит. См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–160.

¹⁷⁴ Еще отец императора Николая Павловича император Павел I постановил направлять на служение в военные госпитали лучших священнослужителей, таким образом, как Верховный Ктитор, он приравнял военные лечебные учреждения к военным соединениям действующей армии. См.: Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Церковь и время. № 52.

К началу Крымской войны (1853–1856) (далее по тексту – Крымская война) в России несли пастырское служение в Ведомстве военного и морского духовенства 878 священников. В ходе войны их число возросло до 978¹⁷⁵. Ведомство возглавлял обер-священник Армии и Флота протопресвитер Василий Иванович Кутневич. Протопресвитер Василий Борисович Бажанов являлся обер-священником главного штаба Гвардейского и Гренадерского корпусов. Каждому из них Николаем I был присвоен титул протопресвитера и право на постоянное членство в Синоде. Бажанов, помимо этого, являлся личным духовником императора и главным придворным священником.

Остановливаясь на теме Российской внешней политики эпохи правления императора Николая I, необходимо подчеркнуть, что до начала 1850-х годов она была достаточно успешной¹⁷⁶. Российская империя в XIX веке была в числе великих мировых держав. Для усиления влияния на Балканах и Ближнем Востоке ей пришлось принять участие в войнах, крупнейшими из которых стали Крымская (1853–1856) и Русско-турецкая (1877–1878). Эти войны глобально изменили расстановку мировых сил и стали катализатором масштабных изменений в жизни российского государства¹⁷⁷.

Крымская война, известная также как Восточная, является одной из знаковых – как трагических, так и героических эпохальных событий в истории России. Исследование исторических источников, написанных в нашей стране после 1917 года, позволяет утверждать, что советская историография практически

¹⁷⁵ Капков В. Г. Памятная книга военного и морского духовенства XIX – начала XX вв. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. С. 38.

¹⁷⁶ Правительству удалось защитить границы от персов и турок и не допустить в Россию революцию, распространявшуюся в европейских государствах. В результате Русско-персидской (1826–1828 гг.) и Русско-турецкой (1828–1829 гг.) войн Россия укрепила границы и заметно усилила свое влияние на Балканском полуострове. С 1825 года император вел решительную борьбу с революцией в России и в Европе, осуществляя как священный долг жесткий контроль любых проявлений «вольнодумства» внутри страны. В результате подавления польского восстания Польша стала частью Российской империи; границ Российской империи революция так и не перешагнула. Параллельно Россия вела войну с горцами Северного Кавказа, которая растянулась со времен Александра I на долгие годы. В целом внешнеполитические действия правительства в царствование Николая I вполне можно назвать рациональными: оно принимало решения исходя из целей, которые само перед собой ставило, и реальных возможностей, которыми обладала страна.

¹⁷⁷ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. 886 с.

игнорировала религиозную составляющую причин начала этой войны, низводя определение факторов войны до формальных политико-экономических, что уменьшало возможность глубинного понимания причин, хода и результатов этого широкомасштабного военного столкновения крупнейших мировых держав.

Николай I придавал Российской империи статус гаранта прав Вселенской Православной Церкви, что определяло влияние страны на Ближнем Востоке. Это не позволяло ему допустить захват Россией позиций, занимаемых преимущественно западными странами, особенно Францией, в защите православных интересов в Святой Земле. На протяжении конца 1840-х – начала 1850-х годов Россия и Франция соревновались в дипломатической борьбе за контроль православным и католическим духовенствами над палестинскими святынями, включая спор о праве на ключи от Вифлеемского храма, обновление купола над Гробом Господнем и контроль над религиозными святынями в Иерусалиме. В результате действий России Турция объявила ей войну в октябре 1853 года. Западные державы, стремясь ослабить Россию, присоединились к Турции. Позиция Австрии и Пруссии заставила императора отказаться от Дунайских княжеств, которые были моментально оккупированы австрийскими войсками.

Будучи Верховным ктиторм Русской Православной Церкви, Николай I определил духовную цель участия России в Крымской войне как защиту православия в мире, обретение независимости всеми христианскими владениями Османской империи и возвращение их в семью христианских стран Европы в качестве христианских государств¹⁷⁸. Католическая церковь Франции трактовала эту войну как крестовый поход католического Запада против православной России и ее союзников, придавая ей священный характер¹⁷⁹.

Православие середины XIX века являлось духовной основой существования российского государства, необходимым фактором жизни народа. С самого начала

¹⁷⁸ Дробышев А. В. Деятельность Русской Православной Церкви во время Крымской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 87.

¹⁷⁹ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 499–501.

войны Русская Православная Церковь приняла на себя активную роль в оказании помощи российским войскам, как во времена Отечественной войны 1812 года, с целью защиты православных святынь и авторитета Отечества. Во всех российских храмах происходило духовное истолкование смысла войны. Самое активное участие в духовном окормлении российского воинства и его духовно-патриотическом воспитании принимали военные пастыри.

Англия и Франция рассчитывали на экономическую слабость империи, техническую отсталость русской армии и флота, некомпетентность высшего командования, слабость железнодорожной сети России. Однако уже в начале войны эти надежды не оправдались. 18 (30) ноября 1853 года эскадра вице-адмирала П. С. Нахимова уничтожила в Синопской бухте турецкий флот, а его командующий Осман-паша был взят в плен. Было предотвращено турецкое вторжение в Грузию. Военные морские действия простирались от Дуная до Камчатки, сухопутные сражения шли на Кавказе и Балканах. Попытки английского флота захватить русские опорные пункты в Финском заливе, Соловецкий монастырь и Колу на Белом море, Одессу – на Черном и Петропавловск-на-Камчатке на Тихом океане окончились крахом. Турецкое наступление в Закавказье было отбито. В связи с этим союзники решили нанести главный удар в Крыму, где война достигла наибольшего напряжения, отчего впоследствии получила название Крымской¹⁸⁰. Враги самонадеянно предполагали окончить войну очень быстро, как объявил командующий французским десантным корпусом маршал А. Ж. Сент-Арно, «за несколько часов штиля» он покончит с Севастополем и Крымом. Однако русские флотоводцы П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин с 22 тыс. моряков и 2 тыс. орудий, снятых с судов, при поддержке населения организовали стойкую оборону Севастополя. Под ураганным огнем 120-тыс. армии союзников они 349 дней героически удерживали город.

¹⁸⁰ Будко А. А., Шабунин А. В. Медицинское обеспечение российских войск во время Крымской (Восточной) войны 1853–1986 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 330.

Военное и морское духовенство принимало участие во всех сражениях Крымской войны вместе с регулярной армией и флотом. Военные госпитальные священники неотлучно находились в госпиталях, где принимали на себя все скорби раненых защитников Отечества, души которых, переживая нежданные страдания, вызванные полученными в сложных боях ранениями, устремлялись к Богу.

В помощь штатному госпитальному священнику епархиальное духовенство направляло в госпитали своих пастырей, оказывало милосердную помощь болящим, помогало с транспортировкой раненых. Зачастую священнослужители епархиального ведомства несли пастырскую помощь воинам на поле битвы и принимали участие в отражении атак неприятеля.

Крымская война стала важным катализатором развития российской военной медицины – системы эвакуации раненых, медицинского обеспечения. За несколько лет до войны, в 1851 году, согласно Указу императора Николая I для розыска раненых на поле сражения, оказания им первой помощи, выноса и вывоза на передовые перевязочные пункты стали формироваться «полевые госпитальные роты»¹⁸¹. Военным министерством России была проведена серьезная подготовка к военным действиям. В каждой дивизии находилось по одному подвижному госпиталю (на 200 мест), впоследствии к ним добавились еще два. Медицинская служба российской армии, как на фронте, так и в тылу, была представлена квалифицированными кадрами, вполне хорошо снабжена инструментарием и прочим медицинским имуществом¹⁸².

В начале войны санитарные потери в действующей армии были небольшими, смертность не превышала показателей смертности мирного времени. После активизации боевых действий, холодной осенью 1854 года, заболеваемость увеличилась, большей частью по причине перемежающейся лихорадки.

¹⁸¹ Семяка С. А. Медицина военная //ЭСВМ. М., 1948. Т.3. Стб. 811–812.

¹⁸² Будко А. А., Шабунин А. В. Медицинское обеспечение российских войск во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 329–344; Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение войск русской армии во время Крымской войны // Воен.-ист. журн. 2006. № 10. С.44–46.

Проводилась профилактика появления тифа и желудочно-кишечных заболеваний, для чего были изданы соответствующие приказы по армии¹⁸³.

На примере работы медицинской службы Александропольского отряда в продолжение битвы у Кюрюк-дара 24 июля (5 августа) 1854 года можно увидеть принципы организации медицинского обеспечения боевых действий рассматриваемого исторического периода¹⁸⁴. Благодаря примеру великого русского хирурга Н. И. Пирогова, первым в мире применившего обезболивание с помощью эфирного наркоза в условиях фронта во время осады аула Салты (Кавказ, 1847 год) и впоследствии массово обучавшего врачей искусству наркотизирования эфиром и хлороформом, в период Крымской войны – впервые в истории отечественной военной медицины – большинство операций при ранениях и травмах черепа, а также при столбняке выполнялись хирургами с обезболиванием хлороформом.

Опыт медицинского обеспечения войск в годы крымской кампании имеет особую важность и актуальность: именно здесь произошли события, связанные с деятельностью великого русского хирурга Н. И. Пирогова и сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, вошедшие потом в анналы мировой истории и истории военной медицины.

К началу высадки англо-французских войск в Крыму было шесть постоянных военных госпиталей общей емкостью 1 950 коек¹⁸⁵.

Несмотря на то что во время длительной осады Севастополя часть горожан переместилась на Северную сторону или эвакуировалась, многие пребывали на Южной стороне практически до ее сдачи. Православное духовенство оставалось с севастопольцами в городе¹⁸⁶. Севастопольский благочинный протоиерей Александр Демьянович и протоиерей Арсений Лебединцев, служившие в

¹⁸³ Столетие Военного Министерства 1802–1902. СПб, 1902. Т. 8. Ч. 4. С. 8.

¹⁸⁴ Будко А. А., Шабунин А. В. Медицинское обеспечение российских войск во время Крымской (Восточной) войны 1853–1866 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 335.

¹⁸⁵ Георгиевский А. С. Крымская война // ЭСВМ. М., 1948. Т.3. Стб. 243.

¹⁸⁶ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 356.

Петропавловском храме, «как офицеры на батарее», рискуя жизнью, совершали богослужения «под свист ядер и бомб». Службы в Петропавловской церкви шли до августа 1855 года, пока бомбы не разрушили кровлю и своды храма. В течение всей обороны отец Арсений по поручению своего правящего архиерея Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского и Таврического, вел дневник и регулярно докладывал владыке обстановку. Впоследствии эти записки вышли отдельной книгой¹⁸⁷.

Во время битвы при Альме русские войска в составе 35 тыс. человек имели всего два перевязочных пункта, в каждом из которых было только десять подвод для транспортировки раненых. Из-за этого многие раненые не могли получить даже первичную помощь и прибывали в Севастополь. Множество раненых осталось на поле сражения¹⁸⁸.

Адмирал П. С. Нахимов и его сподвижники насколько возможно старались позаботиться о пострадавших воинах. Большой части военных чиновников, с которыми непрерывно боролись Н. И. Пирогов и сестры милосердия, всякая забота о воинах была чужда, их интересовали лишь личная выгода и покой. «Немилосердное» отношение к страждущим главнокомандующего Крымской армией А. С. Меншикова и его подчиненных военно-административных чинов стало основной причиной трагического положения русских раненых воинов, оставленных на поле боя в сражениях при Альме и позднее – под Инкерманом (24 октября (5 ноября) – 5 (17) ноября 1854 года¹⁸⁹.

12 (24) ноября 1854 года, в самый тяжелый момент обороны осажденного Севастополя, в город прибыл великий хирург, профессор Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии Н. И. Пирогов, чтобы «употребить все свои силы и познания для пользы армии на боевом поле»¹⁹⁰. Он возглавил небольшой отряд

¹⁸⁷ *Лебединцев прот. Арсений*. Письма протоиерея Арсения Лебединцева, благочинного церквей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церквей и духовенства во время 11-тимесячной осады Севастополя». Киев: Тип. «Корчак-Новицкого», 1896. 185 с.

¹⁸⁸ *Тарле Е. В.* Крымская война. М., 1950. С. 129.

¹⁸⁹ Там же. С. 197.

¹⁹⁰ *Будко А. А., Шабунин А. В.* Медицинское обеспечение российских войск во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 337.

врачей и сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, организованной под его руководством в Санкт-Петербурге. Непозволительно долго добивавшийся своей отправки на фронт Н. И. Пирогов нашел верного помощника в лице великой княгини Елены Павловны, вдовы великого князя Михаила Павловича, которая также искала соратника для скорейшей реализации своего плана внедрения женской медицинской помощи и ухода за ранеными и больными на полях сражений, а также в военных лазаретах и госпиталях. Она предложила Н. И. Пирогову поддержать ее новаторскую идею, «избрать медицинский персонал и взять управление всего дела»¹⁹¹. Бескорыстное стремление Елены Павловны эффективно помогать раненым и больным воинам в Севастополе полностью соответствовало аналогичным усилиям Н. И. Пирогова¹⁹². В 1837 году в Париже он впервые увидел работу женской службы в госпитале и осознал важность женского участия в помощи раненым. «Еще нигде не было испробовано посылать женщин на поле битвы... и более по инстинкту, нежели по опытности, был убежден в великом значении женского участия»¹⁹³.

В октябре 1854 года под руководством великой княгини Елены Павловны и при активном участии Н. И. Пирогова была создана новая Крестовоздвиженская община сестер, заботившихся о больных воинах в Санкт-Петербурге. Будущие сестры проходили тщательную подготовку в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, где врачи обучали их основам медицинских знаний и практического опыта, обучали обработке ран и ассистированию при операциях.

6 (18) ноября 1854 года сестры общины дали присягу на службу в госпиталях действующей армии, и первый отряд из 28 человек отправился в осажденный Севастополь. Их работа стала первым в мире организованным примером женщин-медиков, помогающих раненым воинам на поле битвы.

¹⁹¹ Пирогов Н. И. О Крестовоздвиженской общине. Из письма к Э. Ф. Раден от 27 февраля 1876 г. // Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 196.

¹⁹² Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение русской армии в ходе Крымской войны // Воен.-ист. журн. 2006. № 10. С. 44–47.; Костюченко О. М., Матис А. А., Бобылев В. А., Овчинникова М. Б. Из истории служения сестер милосердия в Московском военном госпитале // Воен.-мед. журн. 2023. № 3. С. 73–81.

¹⁹³ Пирогов Н. И. Севастопольские письма (1850–1855) / Собрание сочинений в 8 томах. Т. VI. М.: Госуд. изд-во медицинской литературы, 1961. С. 394.

Прибыв в Крым, Н. И. Пирогов всеми силами начинает налаживать четкую организацию медицинской помощи раненым, со всей страстью сражаясь с «ненасытным хищничеством госпитальной администрации». Н. И. Пирогов, врачи и сестры, прибывшие с ним в Севастополь, застали в госпиталях города более 1 500 раненых¹⁹⁴. Трудиться Н. И. Пирогову и его помощникам приходилось под многодневными артиллерийскими обстрелами противника¹⁹⁵. При наставничестве Н. И. Пирогова хирурги в Севастополе начали практиковать методы консервативной, «сберегательной» хирургии, широко применяя предложенную им гипсовую повязку¹⁹⁶.

В действующую армию из Госпиталя было командировано четыре врача, в т. ч. хирург Орест Иванович Рудинский. Он был назначен главным хирургом Южной армии и являлся ближайшим помощником Н. И. Пирогова¹⁹⁷. Соратником Н. И. Пирогова в Севастополе был и младший ординатор Госпиталя А. Л. Обермюллер – опытный врач и медстатистик; он жил с Н. И. Пироговым в одной землянке¹⁹⁸. Ординатор Госпиталя П. И. Гранд-Мезон во время обороны

¹⁹⁴ Главным перевязочным пунктом, где развернулась оперативная деятельность Н. И. Пирогова, было Дворянское (Благородное) собрание – красивое по своей архитектуре и интерьеру здание, стоявшее на берегу залива. В его танцевальном зале стояло 100 кроватей, в бильярдной была операционная. В связи с зараженностью этого помещения Пирогов немедленно закрыл его для очистки и проветривания на 6 недель, перенес главный перевязочный пункт в Инженерный дом (у Артиллерийской бухты). Всех раненых с «нечистыми» ранами и безнадежных больных перевели в дома купцов Гущина и Орловского, где по указаниям Пирогова лекарский помощник Калашников и три сестры милосердия выполняли самую трудную обязанность ухода за умирающими солдатами и матросами. См.: Будко А.А., Шабунин А.В. Медицинское обеспечение российских войск во время Крымской войны 1853-1856 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 338.

¹⁹⁵ Юдин С. С. Размышления хирурга. М., 1968. С. 285–286.

¹⁹⁶ Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение войск русской армии во время Крымской войны // Воен.-ист. журн. 2006. № 10. С. 46.

¹⁹⁷ В 1847–1849 годах Н. И. Пирогов неоднократно приезжал в Госпиталь, где обучал хирургов операциям под эфирным и хлороформным наркозом. Согласно Таблицам операций, больше всех операций «новым способом» «с легкой руки» Пирогова сделал именно О. И. Рудинский. Поскольку, в известном смысле, мы можем назвать его учеником Пирогова по хирургии и наркозному мастерству, роль великого русского хирурга в истории Московского военного госпиталя еще более возрастает. См.: Будко А. А., Шабунин А. В. Медицинское обеспечение российских войск во время Крымской войны 1853-1856 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 339.; Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX — начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн. 2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 77.

¹⁹⁸ Цеслюк В. А. Врачи Московского военного госпиталя – участники обороны Севастополя 1854–1855 гг. // Вестн. Моск. воен. врача: Матер. третьей межд. науч.-практ. конф. Севастополь, 2005. С.33.

Севастополя также работал в группе Н. И. Пирогова и был награжден медалью за участие в Крымской войне, а за дальнейшую службу в госпитале – орденами.

В Севастополе были установлены три основных перевязочных пункта с постоянными лазаретами на 300–500 коек: в Благородном собрании под руководством Н. И. Пирогова, на Корабельной стороне, где деятельностью руководил известный хирург и организатор здравоохранения Христиан Яковлевич Гюббенет, и на Северной стороне у постоянного сухопутного госпиталя, который возглавлял главный хирург Южной армии О. И. Рудинский. После второй интенсивной бомбардировки Севастополя перевязочные пункты, расположенные прямо на передовой, практически все были закрыты, а их медицинский персонал был переброшен на главные перевязочные пункты, куда прямо со стен бастионов доставляли раненых. За время Крымской войны Н. И. Пирогов провел более 5 тыс. ампутаций, причем все операции под его руководством проводились с применением хлороформа¹⁹⁹. На главных перевязочных пунктах Х. Я. Гюббенет и его помощники произвели 3 329 операций, О. И. Рудинский – 2 025. Работали операторы (так называли хирургов) до полного истощения сил²⁰⁰.

Сестры милосердия Крестовоздвиженской общины трудились как операционные (до 200 операций в день выполняли хирурги, имея ассистентами одних сестер), ревностно контролировали медицинское снабжение, ухаживали за ранеными и заболевшими, выполняли и эвакуационную задачу, сопровождая транспорт с ранеными, утешали умирающих. Особенная самоотверженность была присуща старшим сестрам милосердия, так называемым «крестовым» сестрам. Во время проливных дождей сестры оказывали помощь больным, стоя на коленях в лужах. Сутками они не ложились спать, дежурия в насквозь промокших палатках. Они были, как писал в своих воспоминаниях Н. И. Пирогов, «чужды страха перед опасностью»²⁰¹. В январе 1855 года в Крым прибыли еще три группы сестер,

¹⁹⁹ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 183.

²⁰⁰ Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1946. Т. 1. Стб. 1026.

²⁰¹ Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 233.

последнюю из них возглавляла Е. М. Бакунина²⁰², о работе которой Н. И. Пирогов всегда писал с восхищением²⁰³.

По свидетельству врачей-очевидцев, солдаты охотнее доверяли перевязку своих ран сестрам, чем фельдшерам. «Матушка-барыня как-то легче перевязывает», – говорили раненые. Сестры-хозяйки раздавали голодным бульон и чай, аптекарши – необходимые лекарства. Н. И. Пирогов отмечал, что из хаоса войны точно хорошо – это сестры милосердия. Поскольку многие врачи заболели, сестрам приходилось брать на себя немалую ответственность: хозяйничать в госпиталях, готовить еду, раздавать лекарства²⁰⁴.

Посильную помощь и участие пострадавшим воинам с первых дней оказывали и женщины – жительницы Севастополя, чьи родные защищали город. Особенно отличилась Дарья Севастопольская – дочь погибшего черноморского матроса. В сентябре 1854 году под Альмой, где уже шло первое сражение, она становится первой сестрой милосердия на первом импровизированном перевязочном пункте. За участие в Альминском сражении Дарья Севастопольская – единственная представительница «низшего звания» из числа отличившихся в Севастополе сестер милосердия – была награждена золотой медалью «За усердие»^{205 206}.

Всего за годы Крымской войны в Севастополь прибыло 7 отрядов сестер милосердия – более 200 человек. 17 сестер милосердия и 12 «сердобольных вдов» погибли; некоторые были ранены или контужены, но все они бескорыстно и

²⁰² Лошкарёв Ю.Е. Екатерина Михайловна Бакунина. Подвиг милосердия // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 631-638.

²⁰³ Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение войск русской армии во время Крымской войны // Воен.-ист. журн. 2006. № 10. С. 46.

²⁰⁴ Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 233.

²⁰⁵ Сам император приказал выдать ей 500 рублей на приданое и еще 1000 – после свадьбы «на обзаведение». См.: Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение войск русской армии во время Крымской войны // Воен.-ист. журн. 2006. № 10. С. 46.

²⁰⁶ Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 234.

жертвенно служили на пользу раненых и больных. Н. И. Пирогов искренне гордился тем, что возглавлял их «благословенную деятельность».

Героическое участие сестер милосердия в бессмертной севастопольской эпопее внесло значимое улучшение в дело военно-полевой хирургии и вознесло на пьедестал доблесть русской женщины в глазах всего цивилизованного мира²⁰⁷. 5 (17) ноября 1854 года в английский военный госпиталь в казармах Селимие, в районе Скутари в Стамбуле (Турция), прибыли из Англии 38 монахинь и сестер милосердия во главе с Флоренс Найтингейл. Однако на месте военных действий в Крыму английские сестры оказались только в начале лета 1855 года (естественно, по другую линию фронта). Как и в русской армии, работа женщин привела к резкому снижению смертности в английских лазаретах и госпиталях²⁰⁸.

Вся Россия возносила молитвы об осажденном Севастополе. Среди всех сословий шел сбор денежных средств, отправлялась материальную помощь, заготавливался перевязочный материал – корпия.

С 1855 года в Крымской войне принимали участие и «сердобольные вдовы» из Петербургского, Московского Вдовьих домов и Одесской богадельни, направленные императрицей Марией Александровной – супругой нового императора Александра II (сына почившего в феврале 1855 года Николая I), продолжившей святое Дело Милосердия Российского императорского Дома²⁰⁹.

С 24 октября (3 ноября) по 3 (15) декабря 1854 года и с 16 (28) января по 22 февраля (6 марта) 1855 года в осажденном Севастополе пребывали члены императорского дома Романовых – великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Императрица Александра Федоровна, супруга императора Николая I, вручила Севастопольскому гарнизону икону Спасителя в качестве дара и благословения. Образ был доставлен в город 27 октября (9 ноября) 1854 года, тогда же было совершено молебное пение «о даровании победы на супостаты»²¹⁰.

²⁰⁷ Юдин С. С. Размышления хирурга. М., 1968. С. 280.

²⁰⁸ Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 235.

²⁰⁹ Будко А. А., Беляков Н. А. «Изредка исцелять, часто помогать, всегда облегчать» // Каталог МВФ. Мед. фармац. 2004. №1. С. 4–13.

²¹⁰ Там же. С. 362.

Дух отважных защитников города укрепляли архипастыри и пастыри²¹¹. В декабре 1854 года киевский митрополит Филарет (Амфитеатров) отправил в Севастополь для раненых воинов, помимо финансовой помощи, сосуд со святым маслом, взятым из храма Гроба Господня на Святой Земле. Это масло было распределено по госпиталям.²¹² Известно о священнике, протоиерее Арсении Лебединцове, который посещал бастионы и госпитали, где общался с ранеными, совершал исповедь и причащал, а также утешал и напутствовал умирающих. Он являлся духовником вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова до самого дня его кончины на Малаховом Кургане 5 (17) октября 1854 года. В ноябре 1854 года архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (Борисовым) он был назначен духовником Крестовоздвиженской общины сестер милосердия²¹³.

С 24 (6 июля) по 27 (9 июля) июня 1855 года архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов) совершил две Божественные литургии и молебен в Севастополе, обращаясь после богослужений к военным и мирным жителям со словами духовной поддержки²¹⁴.

По возвращении Н. И. Пирогова после летнего трехмесячного отпуска Севастополь был уже в руках противника, и Николай Иванович перенес свою деятельность в Симферополь, где к тому времени скопилось более 13 тыс. раненых. Вместо лечебной деятельности ему пришлось энергично заниматься административной работой, упорядочением эвакуации раненых и больных из Крыма в Перекоп и оттуда в Екатеринослав. В начале боевых действий в Симферополе имелись только два лечебных заведения: военный госпиталь на 310 коек и гражданская больница. Лишь в апреле 1855 года сюда прибыли из Одессы два военно-временных госпиталя, что позволило довести количество развернутых коек до 14 тыс. К концу лета 1855 года все места были уже заполнены. Число раненых и больных стало равным числу жителей города (в Симферополе тогда было

²¹¹ Лукашевич К. В. Оборона Севастополя и его славные защитники. Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1904. С. 224.

²¹² Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 360.

²¹³ Там же. С. 358.

²¹⁴ Там же. С. 368

14 тыс. жителей). Анализируя причины хаотичного поступления в город и последующее стихийное распределение по госпиталям раненых и больных, Н. И. Пирогов впервые высказал мысль о необходимости сортировки раненых и организации «складочного места» – прообраза сортировочного госпиталя.

Трудности, такие как отсутствие необходимого транспорта для эвакуации раненых, недостаточное количество госпиталей вдоль путей эвакуации, недостаточное питание и плохие дороги, серьезно затрудняли процесс медицинской эвакуации с театра военных действий в российский тыл²¹⁵. В Симферополе скапливались тысячи раненых воинов, и для улучшения условий их эвакуации Н. И. Пирогов организовал специальный транспортный отряд сестер милосердия, который возглавила Е. М. Бакунина. В созданной для них инструкции были определены необходимые медицинские действия по сопровождению раненых, их питание и т. д. Эти меры позволили значительно улучшить медицинскую милосердную помощь раненых и больных на путях эвакуации.

В сентябре 1855 г. в действующую армию в Крым в составе второго отряда сестёр милосердия, сформированного с помощью Великой княгини Елены Павловны по предложению Н. И. Пирогова, отправляется выпускник медицинского факультета Московского университета, будущий выдающийся ученый в области медицины С. П. Боткин. Так впервые на войне встретились два российских гения – военно-полевой хирург Н. И. Пирогов и военно-полевой терапевт С. П. Боткин. В течение трех с лишним месяцев он выполнял обязанности ординатора Симферопольского военного госпиталя, работал в Бахчисарае рядом с Н. И. Пироговым, ежедневно видел мужество, подвижничество, героическую работу сестёр милосердия^{216 217 218}.

²¹⁵ Пирогов Н. И. Севастопольские письма Н. И. Пирогова. 1854–1855 / под ред. и с примеч. Ю. Г. Малиса. - СПб. : Рус. хирургич. о-во Пирогова, 1907. СПб. С. 32.

²¹⁶ Шевченко Ю. Л., Тюрин В. П. Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова. 2012. Т. 7. № 4. С.3–10.

²¹⁷ Шевченко Ю. Л., Тюрин В. П. Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. 2020. Т. 15, № 3. Ч. 1. С.76–84 / DOI: 10.25881/BPNMSC.2020.62.33.015

²¹⁸ Симоненко В. Б. Вклад династии Боткиных в отечественную медицину // Клиническая медицина. 2012. № 2. С. 20–21.

Таким образом, 349-дневная оборона Севастополя стала для его защитников немеркнувшей славой. Православное духовенство не оставило Севастополь и до конца оставалось со своей паствой – в медицинских перевязочных пунктах, в госпиталях, в храмах, оказывая поддержку врачам и сестрам милосердия, благоприятно действуя на раненых.

В годы Крымской войны Госпиталь был традиционно переполнен болящими защитниками Отечества: в него поступали воины с наиболее тяжкими последствиями перенесенных на фронте ранений²¹⁹.

В это время пациентов и сотрудников Госпиталя окормлял протоиерей Петр Петрович Магницкий²²⁰. Пока не установлен год начала пастырского служения о. Петра Магницкого в Госпитале по причине утраты ряда госпитальных метрических книг. Скончался протоиерей Петр Магницкий в октябре 1856 года в возрасте 60 лет²²¹. В госпитальных метрических книгах периода служения о. Петра Магницкого указывалось, в частности, количество принявших православную веру иноверцев. Так, в 1847 г. таких было «из евреев – 11, из магометанского закона – 1»²²². На время болезни (и отпусков) протоиерея Петра Магницкого в госпитальном храме служил протоиерей Стефан Гумилевский²²³.

Госпитальный священник неустанно служил «на двух фронтах»: проводил богослужения в госпитальном храме Святых первоверховных апостолов Петра и Павла и совершал Церковные Таинства Соборования, Исповеди и Причастия Святых Христовых Таин в госпитальных палатах, где лежали тяжелые пациенты, нуждающиеся в духовной поддержке, чтобы преодолеть ужасы войны, набраться сил и подготовиться к новой жизни после ранения. Также он окормлял и весь госпитальный приход: офицеров, нижних чинов и многочисленный гражданский персонал.

²¹⁹ Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX – начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн. 2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 78.

²²⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–101.

²²¹ Там же. Д. 295. Л. 196 об. –197.

²²² Там же. Д. 285. Л. 142.

²²³ Там же. Л. 102.

Не всем раненым и больным воинам-пациентам могли помочь даже высококвалифицированные врачи Московского военного госпиталя. Много жизней уносили эпидемии инфекционных болезней, распространенных в армиях всех стран в середине XIX века: сыпной и брюшной тифы, холера, дифтерия и многие другие. Святой обязанностью военного священника Госпиталя являлось, как было сказано выше, не допустить, чтобы больной или раненый пациент умер без покаяния и принятия исповеди. Семёновское военное кладбище, на котором с первых лет работы Госпиталя хоронили умерших от ран и болезней пациентов-военнослужащих, постоянно переполнялось, особенно в 7-м, бесплатном, солдатском разряде. Заботясь о достойном погребении умерших, митрополит Московский Филарет (Дроздов) и руководство Госпиталя регулярно обращались в Московскую городскую Думу с прошением о расширении кладбища для достойного упокоения умерших. Так, в рассматриваемый период, как свидетельствуют московские историки и краеведы Г. А. Медведев и А. Г. Смирнова, расширение кладбища происходило в 1849²²⁴, 1854²²⁵, 1859²²⁶ годах.

Как отмечал в своих записках военный министр Д. А. Милютин, русский народ не пал духом под страшными ударами и сражения в годы Крымской войны (наряду с изгнанием поляков в 1612 году, с великой Полтавской битвой, с Бородинским сражением 1812 года) показали всему миру, на что способна Россия в минуту грозной опасности. Даже враги с восторгом отзывались о героизме защитников Севастополя, во время обороны которого погибли более 100 тыс. человек²²⁷.

Сотни полковых и госпитальных священников являли миру образец действенного милосердия, любви к ближним. Вместе с воинами и моряками, погибшими за Веру, Царя и Отечество во время обороны Севастополя, также погибло немало военных священников. Они отдали свои жизни как на поле битвы, исполняя богослужения на бастионах и в лазаретах, так и во время обстрелов во

²²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 14. Д. 69.

²²⁵ Там же. Оп. 52. Д. 1464.

²²⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 16. Д. 17.

²²⁷ Георгиевский А. С. Крымская война // ЭСВМ. М., 1948. Т.3. Стб. 250.

время помощи раненым и больным в госпиталях. Многие военные священники были награждены за отвагу орденами и золотыми наперсными крестами²²⁸.

Крымская война стала прологом к важнейшим переменам внутри России. После преждевременной смерти императора Николая I, уходившего, как писал он, «с пламенной любовью к славной России», править российским государством стал его сын император Александр II²²⁹. Новым императором был начат новый этап в жизни Государства Российского. Прежде всего, Александр II вынужден был нести бремя политически невыгодных для своей Отчизны итогов Крымской войны²³⁰. В силу этих причин практически на протяжении всей эпохи своего правления Александр II, заслуженно получивший в итоге прозвище царя-освободителя, сосредоточился на безотлагательном решении внешних и внутренних проблем Российского государства. Благодаря уверенной державной политике государя-реформатора, защищавшей при любых внешних требованиях и условиях интересы России, по прошествии небольшого времени русская дипломатия, возглавляемая А. М. Горчаковым, в 1870 году избавила страну от унижительного ограничения военно-морских сил на Черном море. В 1878 году Бессарабия вновь вошла в состав России²³¹. Период правления императора Александра II стал «эпохой великих реформ»: за короткий исторический срок были проведены такие широкомасштабные реформы, как отмена крепостного права, учреждение земств, реформа судебной и военной систем, ограничение цензуры и прочие. Благодаря продуманной внешней политике Российская империя значительно расширила свои границы за счет присоединения среднеазиатских владений, Северного Кавказа и Дальнего Востока.

Позитивные перемены произошли и в области организации военно-медицинской службы. После 10-летнего всероссийского обсуждения в 1869 году был разработан и принят новый Госпитальный устав, благодаря которому во

²²⁸ Капков В. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 101–156.

²²⁹ Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. / Церковь и время. № 52. / URL: <https://church-and-time.ru/519>.

²³⁰ Тарле Е. В. Крымская война. М., 1950. С. 598.

²³¹ Там же. С. 602.

многом повысилась эффективность лечения раненых и больных военнослужащих российской армии.

По окончании Крымской войны именно Московский военный госпиталь стал одним из первых в России государственных стационарных военных лечебных учреждений, где в помощь врачам с 1863 года стали трудиться специально обученные медицине 15 сестер милосердия, пока еще официально не включенные в штат²³².

Сострадающий судьбам всех, кого коснулись военные действия, и вдохновленный великим служением русских сестер милосердия в годы Крымской войны, швейцарский подданный Анри Дюнан инициировал создание международной организации, которая смогла бы оказывать широкомасштабную помощь пострадавшим во всем мире, – Красного Креста. В октябре 1863 года 16 государств подписали Женевскую конвенцию, которая устанавливала принципы оказания частной благотворительной помощи раненым и больным во время военных действий в помощь государственным структурам. В каждой из этих стран был создан особый Комитет для реализации этих целей. Конвенция впервые в истории обязательно предписывала помощь всем пострадавшим, защиту медицинских учреждений и их персонала. Эмблемой Красного Креста стал флаг Швейцарии, поскольку Женева стала центром объединения участников конвенции. Уже в 1864 году была опубликована статья известного клинициста-терапевта, тогдашнего помощника главного врача Московского военного госпиталя доктора медицины И. А. Заборовского «Об устройстве частных обществ для пособия раненым», написанная в виде ответа Анри Дюнану на присланный им отчет об учредительной конференции в Женеве, что свидетельствует о высоком авторитете российских военных медиков и, в частности, руководства Госпиталя в вопросах организации благотворительной помощи Военному ведомству. В работе анализируются выступления участников, в частности, доклад о работе в Крымскую войну Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, и формулируются

²³² Подробно процесс включения сестер милосердия в штаты российских военных госпиталей описан в Главе 2.

предложения по деятельности отделений Международного Красного Креста, подчеркивается несомненная польза от создания такой международной организации – «особенно при большой и продолжительной войне, когда, несмотря на все средства правительства, при современном усовершенствовании оружия, может оказаться недостаток во врачебной помощи»²³³. Опираясь на печальный опыт привлечения врачей-иностранцев для помощи раненым, Заборовский отмечает необходимость создания именно отечественной организации с отечественными медиками: «Наши комитеты могут обойтись без званых и незваных гостей, они должны быть русскими – народными, и при таком условии приобретут общее сочувствие: чем дело народнее, тем оно спорее»²³⁴. Грядущие войны показали верность заключений И. А. Заборовского.

В 1896 году Анри Дюнан, основатель Красного Креста, обратился к генералу М. П. Кауфману, председателю Главного управления Российского общества Красного Креста, в котором вновь отметил, что «мы обязаны благородному примеру России в деле оказания помощи раненым воинам во время Крымской войны. ... Если сегодня Красный Крест охватывает весь мир, то это благодаря примеру, поданному во время войны в Крыму Ее императорским Высочеством Великой княгиней Еленой Павловной»²³⁵.

В 1867 году было учреждено Российское общество попечения о раненых и больных воинах (далее по тексту – Общество), которое с 1879 года стало известно как Российское общество Красного Креста (РОКК). Император Александр II поддержал предложение своего лейб-медика Ф. Я. Кареля о создании такой организации, а императрица Мария Александровна стала ее Высочайшей покровительницей. 3 мая 1867 года был утвержден Устав Общества, задачами которого стали: подготовка медицинского персонала, организация госпиталей,

²³³ Заборовский И. А. Об устройстве частных обществ для пособия раненым [Текст]: Международная конференция в Женеве. «Военный сборник». Т. XXXVIII. Отд. II, С. 393.

²³⁴ Заборовский И. А. Об устройстве частных обществ для пособия раненым [Текст]: Международная конференция в Женеве. «Военный сборник». Т. XXXVIII. Отд. II, С. 379–396.

²³⁵ Полянская Е. Опыт милосердия: Российское общество Красного Креста (1867–1918) // Блог Исторического музея. 8.05.2020 / URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3527&ysclid=ly5ptqmfhe638461086>.

оказание материальной помощи раненым и больным воинам²³⁶. Главное управление Общества, расположенное в Санкт-Петербурге, осуществляло надзор за работой региональных отделений в губернских городах. Были созданы Дамские комитеты с целью поддержки местных структур управления.

Опираясь на многолетний опыт благотворительной помощи воинам и населению, самое активное участие в становлении Общества приняла Русская Православная Церковь. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) в мае 1867 года воззвал к россиянам помочь организованному Обществу. Дамский комитет в Москве возглавила игумения Паисия, настоятельница Вознесенского монастыря. Вознесенский, Алексеевский, Страстной и Зачатьевский монастыри организовали обучение сестер милосердия.

Община сестер милосердия «Утоли моя печали», организованная в 1865 году известной московской благотворительницей княгиней Натальей Борисовной Шаховской (выделенная из Никольской общины доктора Ф. П. Гааза), первой в Москве в 1868 году перешла в управление Московского Дамского комитета Общества попечения о раненых и больных воинах²³⁷. Впоследствии эта община становится самой крупной в России²³⁸.

Затем общины сестер милосердия РОКК стали организовывать и в других городах Российской империи. В январе 1875 года были утверждены «Правила для сестер Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами», где были зафиксированы их права и обязанности. Помимо помощи военному ведомству Российское общество Красного Креста оказывало помощь населению России и других государств во время эпидемий, стихийных бедствий, массовых катастроф.

²³⁶ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 593.

²³⁷ Миклашевская Е. П. «Утоли моя печали». Милосердные традиции Лефортово. М., 2002. 128 с.

²³⁸ Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 240.

Сестры милосердия – медицинские работники в Московском и других военных госпиталях Российской империи – подчинялись в работе главному врачу госпиталя; духовное руководство над ними проводил госпитальный священник.

Обязанности военного священнослужителя с начала XIX века устанавливались приказами по Военному ведомству. В 1869 году был принят Свод военных постановлений, в VII книге которого они были определены таким образом: 1) совершение богослужений в воскресные и праздничные дни в назначенное военным командиром воинского подразделения время; 2) подготовка военнослужащих к принятию Святых Христовых Тайн – при соглашении с командованием; 3) совершение Церковных Таинств для личного состава; 4) управление хором (как правило, состоявшим из военнослужащих части); 5) наставление воинских чинов в вере и благочестии; 6) утешение и духовное укрепление болящих; 7) погребение усопших по православному обряду, с отдаванием воинских почестей; 8) преподавание закона Божьего²³⁹.

В 1858 году наименование «обер-священник» заменили на «главный священник»²⁴⁰. В течение продолжительного времени обер-священником армии и флота был протопресвитер Василий Иванович Кутневич (1832–1858), который с 1858 по 1865 годы уже носил звание «главного священника армии и флота». Ему последовал Михаил Измаилович Богословский (1865–1871), а затем – протоиерей Петр Евдокимович Покровский (1871–1888).

1.3. Социальное служение в годы Русско-турецкой войны и поствоенный период на примере Московского военного госпиталя

К началу последней Русско-турецкой войны (1877–1878) (далее по тексту – Русско-турецкая война) обновленные благодаря реформам Александра II

²³⁹ Капков В. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 66.

²⁴⁰ Там же. С. 34.

Вооруженные Силы и освобожденный от крепостнического рабства российский народ, духовно ведомые Православной Церковью, превратились в действенную силу, с которой приходилось серьезно считаться на мировой арене. Результаты национально-освободительной борьбы славянских народов на Балканах против турецкого господства продемонстрировали, насколько непревзойденными могут быть дух и решимость освободителя.

Александр II, продолжая политику российских императоров в Восточном вопросе, сутью которой была опора на Константинопольский Патриархат и защита единства православия на Востоке, ратовал за прекращение греко-болгарского противостояния и нахождения сторонами необходимого компромисса. Его полностью поддерживала Русская Православная Церковь, предлагавшая передать управление епархиями Болгарии митрополиту-болгарину, рукоположенному Патриархом Константинопольским.

Россия была не удовлетворена решением Константинопольского собора 1872 года, осудившего Болгарскую Церковь в ее стремлении к автокефалии и принявшего решение о провозглашении Болгарской Церкви раскольнической, схизматической, охваченной ересью филетизма, основанного на племенных различиях, и последующим низложением отказавшегося подписать это решение патриарха Иерусалимского Кирилла II²⁴¹.

В середине 1875 года в Боснии и Герцеговине, в 1876 году – в Болгарии, Сербии и Черногории вспыхнуло зрелое долгие годы восстание против османского владычества. Турецкие войска предприняли невиданно жестокие карательные меры против восставших. Освободительная борьба балканских славян сразу же нашла горячую поддержку широких кругов общественности в России. Был объявлен сбор средств, тысячи русских добровольцев вступили в сербские войска, а сербскую армию возглавил русский генерал М. Г. Черняев.

Придворные круги и выразители общественного мнения в России призывали императора выступить в защиту балканских христиан от османского ига. По

²⁴¹ Там же. С. 524.

свидетельству военного министра Д. А. Милютина, Александр II колебался, опасаясь повторения того, что пережил его отец после столь неудачной для России Крымской войны. Но от него молодой император и получил поддержку: дважды покойный император Николай I явился сыну во сне, обнимая и благословляя его – перед подписанием Александром II Манифеста о войне с Турцией и накануне отдания им приказа о переходе российской армии через Дунай²⁴².

В апреле 1877 года, после очередного отказа Турции от мирного урегулирования конфликта, Россия объявила ей войну. Манифест народ встретил с воодушевлением²⁴³. Необычайный подъем духа объединил различные слои населения, стремившегося вступить в Общество попечения о раненых и больных воинах и жертвовавших на санитарные нужды миллионы рублей. Эта война стала делом «не только чести, но, что всего важнее, и совести народной»²⁴⁴.

Русская Православная Церковь вновь в тесном единстве с государственной властью Российской империи, ее Вооруженными силами и народом делала все возможное для победы над врагом, определив начавшуюся войну как священную брань за освобождение братских народов, призывая паству помочь выполнению Россией своего исторического и религиозно-нравственного призвания и долга.

Перед отправкой на фронт император Александр II посетил с супругой Свято-Троицкую Сергиеву лавру, где помолился у мощей преподобного Сергия Радонежского и получил благословение от митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Попова-Вениаминова). Полгода государь пробыл на Дунайском театре военных действий, где на передовой символично называл себя «братом милосердия», находя умение и силы неоднократно давать советы великому князю Николаю Николаевичу, который командовал войсками²⁴⁵. Важен

²⁴² Будко А. А., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 653.

²⁴³ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 570.

²⁴⁴ Аксаков И. С. Речь на заседании Московского Славянского благотворительного комитета 17 апреля 1877 года – URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1878_rechi_olderfo.shtml?ysclid=ly5xw79pi0125225255.

²⁴⁵ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 578.

и тот факт, что Александр II повелел в самой гуще боевых действий, в армии наследника цесаревича Александра Александровича, находиться всем его младшим братьям, великим князьям Владимиру Александровичу, Алексею Александровичу, Сергею Александровичу и Павлу Александровичу. Последним двум исполнилось соответственно 20 и 17 лет. Безусловно, солдаты, офицеры и местное население чувствовали августейшую поддержку²⁴⁶. Особенно ее ощущали раненые в военно-временных госпиталях²⁴⁷.

Православная Церковь, испокон веков стоявшая на страже интересов российской государственности и народа, вновь выразила патриотические чувства в словах горячих проповедей иерархов²⁴⁸. Например, епископ Астраханский и Енотаевский Хрисанф, выступая в начале военных действий, акцентировал внимание на значимости начавшейся войны не только в священной миссии освобождения восточных христиан, но и в явной пользе для самой России, способствуя объединению и духовному очищению русского народа, преодолению социальных потрясений и несогласий в обществе²⁴⁹.

Императорским указом из Святейшего Синода от 19 апреля (1 мая) 1877 года было сделано немедленное распоряжение о том, чтобы во всех российских православных храмах ежедневно возносились особые молитвы о победе над врагом, для чего было напечатано 50 тысяч экземпляров этой молитвы²⁵⁰. По давней российской традиции, в храмах стали совершаться благодарственные молебны по случаю успехов армии.

Император Александр II также распорядился оказать дань погибшим, отметив, что при переходе армии через Дунай не была объявлена вечная память

²⁴⁶ Там же. С. 579. (Из воспоминаний генерала от инфантерии участника Русско-турецкой войны П. Д. Зотова: *Зотов П. Д. Дневник // Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М., 2001. С. 103–104.*)

²⁴⁷ *Игнатьев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма к Е. Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. М. Хевролиной. М., 1999. С. 139.*

²⁴⁸ *Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 581–582.*

²⁴⁹ Речь Его Преосвященства Хрисанфа, епископа Астраханского и Енотаевского, произнесенная 21 апреля, по прочтении Высочайшего манифеста о вступлении российских войск в пределы Турции // *Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 18. Отдел неофиц. С. 7–10.*

²⁵⁰ *Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 579.*

павшим воинам в этом деле. Это распоряжение свидетельствует о крайней значимости вопроса увековечения памяти защитников Отечества с первых дней войны. 13 (25) июля 1877 года Святейшим Синодом было принято постановление о провозглашении на молебственных службах «вечной памяти убиенным воинам»: «после многолетия царствующему дому провозглашать вечную память павшим на брани воинам и вслед за сим многолетие христолюбивому воинству»²⁵¹.

Как и прежде, военные пастыри разделяли все тяготы фронтовой жизни с воинами, не жалея своих жизней²⁵². Русская армия окормлялась на местах и епархиальным духовенством. Основным центром благотворительной помощи во время войны стало Общество попечения о раненых и больных воинах. При этом Православная Церковь оказывала постоянную материальную поддержку, помогая в сборе средств, изготовлении медицинских принадлежностей, подготовке медсестер и братьев милосердия из числа монахов и послушников, организации лазаретов и госпиталей в монастырских сооружениях и тому подобное. Монастыри формировали группы «сердобольных сестер» из лиц, живущих в обители и готовых заботиться о больных и раненых, которые при необходимости могли быть направлены в военные лазареты²⁵³. Также здесь началась подготовка сестер и братьев милосердия из монашества²⁵⁴.

Из-за серьезного дефицита женского медицинского персонала в ноябре 1876 года Главным военно-госпитальным комитетом была разработана программа быстрого обучения сестер милосердия Красного Креста, продолжительностью всего 6–8 недель. Сестрам предстояло изучить различные методы перевязок, основы ухода за ранеными и больными, ознакомиться с видами травм, хирургических, внутренних и инфекционных заболеваний, а также развить в себе терпение и самоотверженность.

Летом 1877 года на Балканах русская армия форсировала Дунай, заняла древнюю столицу Болгарии Тырново и захватила Шипкинский перевал. Ценой

²⁵¹ Там же. С. 580.

²⁵² Там же. С. 728–729.

²⁵³ Там же. С. 598.

²⁵⁴ Там же. С. 620.

огромных потерь русские войска заставили капитулировать гарнизон Плевны. Передовой отряд генерала И. В. Гурко перешел Балканские горы и 13 декабря 1877 (4 января 1878) года занял Софию. Русские воины безропотно вынесли горные бури и метели, питаясь одними сухарями, замерзали на своих постах, заносимые снегом, но не сдавались²⁵⁵.

На фронт отправились и военные медики во главе с выдающимися деятелями отечественной медицины, имеющим огромный клинический и организаторский опыт (в том числе работы в условиях ведения боевых действий профессорами Н. И. Пироговым и Н. В. Склифосовским – в качестве армейских консультантов-хирургов; профессором-терапевтом С. П. Боткиным – в качестве лейб-медика при царской ставке; главным гигиенистом русской армии профессором А. П. Доброславиным и многими другими).

После проведения военной реформы Д. А. Милютина в 1860-х годах управление военной медициной имело следующую структуру. Во главе медицинской службы в составе Главного военно-медицинского управления (ГВМУ), подчиненного Военному министерству, стоял главный военно-медицинский инспектор Н. И. Козлов, который непосредственно подчинялся военному министру. В окружных медицинских службах руководство обеспечивали окружные военно-медицинские инспекторы. В активной армии медицинскую службу возглавлял полевой военно-медицинский инспектор, подчинявшийся начальнику штаба армии. Ему также прямо подчинялся инспектор госпиталей, ответственный за организацию госпитальной деятельности. Обязанности полевого военно-медицинского инспектора включали в себя управление медицинским персоналом активной армии, контроль за лечением раненых и больных, а также проведение санитарно-гигиенических и административно-полицейских мероприятий. В прямом подчинении полевого военно-медицинского инспектора

²⁵⁵ Будко А. А., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 654.

находились корпусные и отрядные²⁵⁶ врачи, фронтовая и тыловая служба медицинского снабжения и резерв медицинского состава.

Русско-турецкая война в корне отличалась от Крымской в силу своей динамичности; она продолжалась всего семь месяцев – примерно столько же, сколько одна осада Севастополя. Российские войска преодолели огромный путь. По вышеуказанным причинам на театре войны не создавались длительно действующие перевязочные пункты и госпитали. Все это накладывало особые, новые требования к процессу организации медицинской помощи и работе сестер милосердия, вынужденных продвигаться вслед за войсками. В течение войны новая военно-медицинская организация и, в частности, организационно-штатная структура и работа военно-временных госпиталей прошли суровую проверку на фронтовой практике²⁵⁷.

Важнейшим фактором, повлекшим за собой далеко идущие последствия для военной медицины – увеличение боевых санитарных потерь от огнестрельных поражений, «утяжеление» характера ранений, а также условий работы военно-медицинской службы на театре боевых действий – стало массовое применение противником нарезного оружия, пришедшего на смену гладкоствольным огневым средствам. В силу этих причин потребовалось больше внимания к вопросам оказания первой помощи раненым и выноса (вывоза) их с поля боя, расширения объема хирургической работы в полевых лечебных учреждениях, что способствовало усилению роли хирургов на войне.

На фронт откомандировывались наиболее опытные медики – хирурги, терапевты, санитарные врачи.

Во время Русско-турецкой войны впервые в России раненых в тыл стали эвакуировать на военно-санитарных поездах. В августе 1878 года было разработано «Положение о военно-санитарных железнодорожных поездах»²⁵⁸. В четвертой главе «Положения...» (ст. 55) постановлялось: «Для ухода за больными и

²⁵⁶ Отрядом назывались временные соединения различной численности, состоящие из нескольких дивизий и полков.

²⁵⁷ Будко А. А., Журавлев Д. А. Организация лечения раненых и больных в госпиталях и лазаретах Российской империи // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 48–49.

²⁵⁸ Положение о военно-санитарных железнодорожных поездах // Воен.-мед. журн. 1878. Ч. 132. Кн. 8. С. 84–124.

ранеными воинскими чинами назначаются на поезд сестры милосердия, в определенном штатном числе. Больные, состоящие на поезде, распределяются между всеми сестрами, оп усмотрению врача. Обязанности их и права определяются особыми правилами (приложение IV)»²⁵⁹.

Для того чтобы увидеть все величие Подвига Милосердия, совершенного на Русско-турецкой войне ради спасения жизней российских воинов священнослужителями, профессиональными медиками, сестрами милосердия, будет полезным выделить общие качества, присущие этим категориям «участников милосердного деяния».

Прежде всего, всех принимавших участие в военной кампании объединяла глубокая вера, преданность Воле Господней до последнего вздоха. Второе – высокий патриотизм, сердечная любовь к Отчизне. В-третьих, важен тот факт, что Русско-турецкая война была первой крупной военной кампанией России, когда на службе в русской армии не было иностранных врачей. Во время Крымской войны в русскую армию было привлечено на службу более 100 иностранных врачей, большинство из которых не удовлетворяло самым скромным требованиям²⁶⁰. Теперь же профессионализм и уровень подготовки медицинских кадров был на должной высоте.

Русские военные православные священники нередко проводили богослужения вместе с местными болгарскими пастырями и населением. Об этом свидетельствует, в частности, военный пастырь протоиерей Вахх Гурьев, священник 9-го гренадерского Сибирского полка, благочинный 3-й гренадерской дивизии, который был в годы войны прикомандирован к дивизионному лазарету и оставил для потомков воспоминания с фронтов, изданные впоследствии, «по

²⁵⁹ Там же. С. 95.

²⁶⁰ «Это являлось нарушением, – говорил Н. В. Склифосовский (1878), – одного из прекраснейших нашего узаконения, на основании которого всякий иностранный врач получает право практики в нашем Отечестве только тогда, когда выдержит испытания и получит диплом на звание врача в одном из отечественных медицинских факультетов или в Императорской Медико-хирургической академии. ... Армия нуждается в специально подготовленных врачах и преимущественно хирургах». См.: *Косачев И. Д.* Николай Васильевич Склифосовский // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 389.

горячим следам»²⁶¹. Отец Вахх отмечал неприученность местного населения к молитве, не осуждая, но великодушно объясняя долгим присутствием иноверных захватчиков на болгарской земле²⁶².

Приводя примеры из жизни конкретных лиц, побывавших на фронтах Русско-турецкой войны, считаем необходимым подчеркнуть, что их поведение, мысли и чувства являлись примером и постепенно становились системой поведения для остальных, задавая ту высокую планку, которую каждый стремился достигнуть и преодолеть²⁶³.

Все, кто оказывал милосердную помощь раненым (военные духовные пастыри, военно-медицинские генералы и офицеры, фельдшера, сестры милосердия, санитары), трудились с полной самоотдачей в исполнении своих должностных обязанностей. «Не буду говорить о работе, которая по временам превосходит человеческие силы и требует большого напряжения. ...Какие силы нужны, чтобы все это выдержать, чтобы не надломиться!»²⁶⁴ – писал в 1877 году выдающийся терапевт-клиницист С. П. Боткин.

После начала Русско-турецкой войны, в 1877 году, первым из хирургов-консультантов выехал в Дунайскую армию и оставался на театре военных действий до окончания войны профессор, тайный советник²⁶⁵ Николай Васильевич Склифосовский, работая там, где больше всего требовалась быстрая и умелая организация помощи раненым, и проявляя не только несравнимое мастерство военно-полевого хирурга, но и талант замечательного администратора и организатора²⁶⁶. Так, в мае 1877 года еще до форсирования Дуная на его берегу близ Буджагских высот был развернут первый госпитальный шатерный лагерь, в который 10 июня было одновременно доставлено 96 тяжело раненных. На другой

²⁶¹ *Гурьев Вахх, прот.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Госуд. Публичн. библиотека России, 2007. С. 55.

²⁶² Там же. С. 147–148.

²⁶³ *Боткин С. П.* Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. (Оригиналы всех 55 писем из Болгарии хранятся в Институте организации здравоохранения и социальной гигиены им. Н. А. Семашко. Они подарены институту внуком С. П. Боткина – доктором С. П. Чеховым).

²⁶⁴ Там же. С. 216–217. (Письмо от 8 сентября.)

²⁶⁵ Н. В. Склифосовский в 1899 г. имел по «Табели о рангах» гражданский чин 3-го класса (ранга), т. е. тайного советника, соответствовавший армейскому званию генерал-лейтенант (на флоте – вице-адмирал).

²⁶⁶ *Крачун Г. П.* Н. В. Склифосовский (1836–1904 гг.) – выдающийся отечественный хирург, ученый-новатор, организатор высшего медицинского образования. К 175-летию со дня рождения // Хирургия. 2011. № 12. С. 78–87.

день, 11 июня, ранним утром этот лагерь посетил император Александр II и, к своему удивлению, нашел всех раненых не только перевязанными и накормленными, но и размещенными в шатрах на госпитальном положении. «Такая первая помощь – быстрая, рациональная и плодотворная – была осуществлена, – замечает свидетель этого события А. С. Таубер, – лишь благодаря личному участию и умелой распорядительности Н. В. Склифосовского»²⁶⁷. На другой день после отъезда императора Склифосовский был уже на главном перевязочном пункте в Браилове, где под лучами палящего солнца в течение двух суток в тяжелейших условиях организовывал и осуществлял хирургическую помощь раненым. Врачи поражались энергии и беспредельному самопожертвованию профессора Склифосовского²⁶⁸. Как утверждал главный хирург Дунайской армии Н. М. Кадетцкий, через Склифосовского прошло более 10 тыс. раненых, и он совершил наибольшее количество операций по сравнению с другими хирургами, участвовавшими в кампании²⁶⁹. Будучи уже в возрасте, выдающийся хирург Н. И. Пирогов осматривал госпитали во время Русско-турецкой войны, он выразил высокую оценку деятельности Н. В. Склифосовского, называя его самым искусным военно-полевым хирургом того времени²⁷⁰.

Работая в лазаретах и военно-полевых госпиталях в качестве рядового хирурга, а затем хирурга-консультанта госпиталей, Н. В. Склифосовский организовал вынос раненых с поля боя. Особой его заботой было комплектование санитарных рот и подготовка санитаров-носильщиков вместо «сострадающих солдат», что было насущной потребностью армии. Н. В. Склифосовскому принадлежит также идея создания мобильных подвижных санитарных и «летучих» команд, которые должны быть заранее организованы, обучены и должны

²⁶⁷ Косачев И. Д. Николай Васильевич Склифосовский // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 385.

²⁶⁸ Там же. С. 385.

²⁶⁹ Кованов В. В. 125 лет со дня рождения Н.В. Склифосовского (1836–1961) // Хирургия. 1961. №5. С. 139–142.

²⁷⁰ Косачев И. Д. Николай Васильевич Склифосовский // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 387–388.

«входить в состав санитарного персонала и военно-временных госпитальных учреждений». Вслед за Н. И. Пироговым он рассматривал сортировку раненых как важнейший элемент организации медицинской помощи. Н. В. Склифосовский предложил организовать эвакуацию раненых, создать пункты питания и медицинской помощи на путях эвакуации и принял непосредственное участие в этом.

Много внимания организации помощи больным и раненым уделял и блестящий клиницист лейб-медик, тайный советник С. П. Боткин: он регулярно посещал и осматривал больных и раненых, провел тысячи консультаций для врачей в процессе лечения. Благодаря высокому авторитету С. П. Боткина и чина лейб-медика, его замечания и указания немедленно выполнялись. В конечном итоге его мысли, замечания и указания были обобщены и взяты за основу военно-полевой терапии – дисциплины, одним из основоположников которой он является.

Во время войны деятельность Общества попечения о раненых и больных воинах была высоко оценена священнослужителями, медиками, а также воинами, проходившими лечение. Отдельно выделялась работа сестер милосердия на фронте.

Перед началом Русско-турецкой войны в Российской империи было учреждено 18 общин сестер милосердия, включая те, которые были созданы Обществом попечения о раненых и больных воинах, а также епархиальные, надзор за которыми осуществлял Святейший Синод и местные епархиальные архиереи; также были созданы благотворительные общины по инициативе и на средства Российского императорского дома и частных лиц²⁷¹.

Изначально на фронт в Болгарию были направлены группы известных общин сестер милосердия, которые имели опыт работы в условиях боевых действий: Община Крестовоздвиженская под руководством Н. А. Щеховской Община Георгиевская под руководством Е. П. Карцевой (вместе с войсками преодолели Шипкинский перевал); Свято-Троицкой во главе с Е. А. Кублицкой (в числе сестер

²⁷¹ Там же. С. 596.

находилась баронесса Ю. П. Вревская, друг великого русского писателя И. С. Тургенева; самоотверженно помогая раненым, она заразилась тифом и скончалась в одном из госпиталей в 1878 году).

Впоследствии на фронт в военно-временные лазареты и госпитали, а также на эвакуационные пункты стали направляться вольнонаемные сестры милосердия Красного Креста, окончившие краткосрочные курсы по подготовке. Наиболее духовно серьезными являлись сестры и братья милосердия из монашествующих, они были готовы «положить свою душу и жизнь на служение страждущему человечеству»²⁷². Множество сестер из мира также добросовестно трудились, не ожидая похвалы и наград. Хотя, в связи с массовой и быстрой подготовкой всех желающих, случалось и присутствие в лечебных учреждениях людей, которые прибыли на фронт в силу модных общественных веяний²⁷³.

Для желающих стать сестрами милосердия («вольнонаемными», или, по общему выражению, «волонтерками») временно не требовалось обязательное исповедание православия: принимались женщины в возрасте от 20 до 45 лет независимо от вероисповедания, при условии что они обязывались трудиться до конца войны. Все они состояли на обеспечении Красного Креста. В их обязанности входил только контроль работы госпитальных служителей, а из медицинских – составление элементарных лекарств.

В Русско-турецкую войну во фронтовых военных лечебных учреждениях появились и женщины-фельдшеры, и даже врачи, но – по причине отсутствия на тот момент в России системы женского медицинского образования – их было очень мало. Они трудились наравне с врачами и фельдшерами-мужчинами и вызывали их искреннее восхищение.

К концу 1877 года отправка небольших отрядов сестер милосердия из общин и вольнонаемных женщин приостановили ввиду достаточного числа персонала в военных лечебных учреждениях фронта. Но в начале 1878 года из-за эпидемии сыпного тифа в армии, когда значительная часть медицинского персонала

²⁷² Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2001. С. 34.

²⁷³ Там же. С. 34.

оказалась больна, был организован второй поток сестер, кроме того, на театр военных действий возвратились уже выздоровевшие сестры. Всего в годы этой войны ускоренную подготовку для сестер милосердия прошли около 3 тыс. женщин разных сословий.

Героическая работа в годы Русско-турецкой войны сестер стала на долгие десятилетия символом действенного милосердия. Многие известные деятели военной медицины восхищались мужеством и бесстрашием русских женщин, самоотверженно работавших под огнем противника. Так, Н. В. Склифосовский, поддерживавший права женщин на получение высшего медицинского образования и в числе первых профессоров Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии начавший читать лекции по хирургии и вести практические занятия на «Особых женских курсах для образования ученых акушерок», телеграфировал с театра военных действий главному военно-медицинскому инспектору о направлении в Военно-временный полевой госпиталь № 51, где он был хирургом-консультантом, слушательниц этих курсов, и прибывшие слушательницы своим самоотверженным трудом заслужили самую высокую оценку его и других медиков²⁷⁴.

Военнослужащие проявляли любовь и уважение к сестрам, называя их «сеструшками», «голубками», «нашими родимыми», ощущая их молитвенную и моральную поддержку. По свидетельству сестер, раненые воины даже утверждали, что с сестрами «легче умирать». Перед уходом из жизни один из солдат вручил в дар сестре милосердия свой Георгиевский крест²⁷⁵.

Статистические данные свидетельствуют, что в непосредственной близости от театра военных действий несли свою службу около 1 300 женщин, выполняя функции среднего и младшего медицинского персонала. Более 40 из них скончались. С. П. Боткин отмечал, что, несмотря на тяжелейшие условия работы, повсюду «сестры держат себя безукоризненно и могут быть поставлены в пример

²⁷⁴ Косачев И. Д. Николай Васильевич Склифосовский // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 398.

²⁷⁵ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 617.

прочим»²⁷⁶. Обо всех этих милосердных самоотверженных труженицах можно было сказать, что российские женщины – сестры милосердия своим трудом воздвигли себе несокрушимый памятник²⁷⁷.

Необходимо отметить и такой важный для действительного, а не на словах дела милосердия факт, как принципиальное отношение священнослужителей, врачей и медсестер к недостаткам и нарушениям, которые вредили раненым и больным воинам. Согласно различным источникам, как священники, так и врачи и сестры милосердия демонстрировали отвагу и решительность в защите справедливости, смело противостоя бездушным военным чиновникам. Как и во время Крымской войны, оставалось неизменным равнодушное отношение чиновников всех рангов и мастей к защитникам Отечества: больные в лазаретах и военно-временных госпиталях оставались не кормленными по несколько дней; сутками ждали перевязок и т. д. Так, С. П. Боткин, сострадая раненым, с болью пишет: «Люди остаются и без еды, и без перевязки по суткам и более; все это кричит, стонет, умоляет о помощи...»²⁷⁸.

Медицинскому персоналу приходилось вместо исполнения своих прямых обязанностей, направленных на облегчение участи поступивших пациентов, вести сражение с хозяйственно-административными чинами²⁷⁹. Для доклада вышестоящему начальству всегда требовались смелость, непримиримость к вопиющим фактам произвола чиновников (и армейских, и краснокрестных), которые зачастую сводили на нет все усилия медицинского персонала²⁸⁰. Должность врача лейб-медика – это тяжелое бремя. Любые попытки улучшить организацию работы сталкивались с явным или скрытым сопротивлением со стороны неспособного и невежественного высшего руководства²⁸¹. Выполняющий

²⁷⁶ *Овчинникова М. Б.* Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 237.

²⁷⁷ *Мельникова Л. В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами священника Вакха Гурьева // Воен.-ист. журн. 2015. № 12. С. 57.

²⁷⁸ *Боткин С. П.* Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. Письмо от 8 сентября.

²⁷⁹ *Постернак А. В.* Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия, 2001. С. 38.

²⁸⁰ *Боткин С. П.* Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. Письмо от 3 сентября.

²⁸¹ Там же. Письмо от 1 июня.

работу лейб-медика профессор А. П. Доброславин, также стараясь улучшить положение раненых и больных, обо всех замечаниях при инспекции безотлагательно направлял соответствующие записки командующему корпусом кавказской армии генералу-адъютанту М. Т. Лорис-Меликову, а тот докладывал императору. Благодаря его стараниям, на Кавказский фронт стали поступать теплая одежда, продовольствие, медикаменты, стабилизировалось снабжение транспортом, резко улучшилось санитарное состояние, упала смертность от инфекционных заболеваний. По результатам своей командировки на Кавказ А. П. Доброславин написал труд «Военная гигиена», который стал выдающимся событием в истории военной медицины. Еще до Русско-турецкой войны профессор А. П. Доброславин изложил свой взгляд на устройство санитарных поездов, предназначенных для эвакуации раненых и больных. Его предложения тогда были взяты на вооружение. Это позволило улучшить снабжение фронта и работу тыла, а медикам – оказать помощь большему количеству раненых, больных.

Достижением организации медицинской помощи раненым во время Русско-турецкой войны стало активное применение системы рассеивания больных, предложенной Н. И. Пироговым: после оказания первой медицинской помощи раненых сразу эвакуировали, поэтому стационарные медицинские учреждения на фронте не создавались. Сначала по Черному морю – на пароходах, затем на баржах по Дунаю, от границы Румынии с Болгарией в Зимницах до Фратешти (Румыния, близ Бухареста) – по грунту на гужевом транспорте, а от Фратешти до границы с Россией – уже по железной дороге, которую построили в начале войны и где начали курсировать для перевозки раненых товарные, пассажирские и военно-санитарные поезда.

Плохая организация эвакуации раненых всегда вызывала резкие замечания как медицинских руководителей, таких как Н. В. Склифосовский, С. П. Боткин, так и военных священников, сестер милосердия и всех сострадающих напрасным мучениям раненых и больных. Все они, как и Н. И. Пирогов, высоко оценивали значение организации медицинской помощи: «первенствующую роль администрации» в деле помощи раненым.

Об этом пишет и протоиерей Вакх Гурьев, прямо обвиняя в причинении значительной части страданий раненым воинам чиновников различных тыловых служб²⁸². Как любой милосердный человек, неважно – священнослужитель, врач, сестра милосердия, он не может не обратить внимания на непригодность повозок для транспортировки раненых, промедления чиновников в организации питательных пунктов, укрытий в непогоду^{283 284 285}. К сожалению, с наступлением зимы 1877/78 года и Красный Крест внезапно «замерз»: его помощь на этапах эвакуации резко сократилась^{286 287}.

В ходе инспекционных поездок профессор-гигиенист А. П. Доброславин также увидел серьезнейшие недостатки в организации медицинского обеспечения и должного взаимодействия многих служб, серьезные издержки в поставках продовольствия и эвакуации раненых. Так, на Кавказском фронте, в г. Александрополе (ныне г. Гюмри, Республика Армения), куда свозили всех раненых, их количество достигало 3 тыс. человек²⁸⁸. «Не было удивительного в том, что в крепостном госпитале лежало так много с рожистым воспалением лица и с брюшным тифом, воинов, преимущественно из крепостной артиллерии»²⁸⁹.

По этим причинам, как и в прежние войны, в годы Русско-турецкой войны большую часть терапевтических заболевших составляли инфекционные больные²⁹⁰.

²⁸² Гурьев Вакх, *прот.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Госуд. Публичн. библиотека России, 2007. С. 288.

²⁸³ Там же. С. 437.

²⁸⁴ Там же. С. 436.

²⁸⁵ Там же. С. 436–439.

²⁸⁶ Боткин С.П. Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. Письмо от 8 октября.

²⁸⁷ Там же. Письмо от 4 октября.

²⁸⁸ Низкая культура, недостаток требовательности, коррупция и равнодушие армейских начальников привели к тому, что в крепости о гигиене вообще речи не было. Заполненные до краев экскрементами деревянные ящики на колесах давно не вывозились, зловоние разносилось по всей территории, полчища мух витало вокруг. Все отравляло воздух и воду. См.: Итунин В. Роль гигиениста А. П. Доброславина в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. 2015 / Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня создания кафедры общей и военной гигиены Военно-медицинской академии «История и перспективы отечественной науки и практики», г. Санкт-Петербург. С. 1.

²⁸⁹ Итунин В. Роль гигиениста А. П. Доброславина в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня создания кафедры общей и военной гигиены Военно-медицинской академии «История и перспективы отечественной науки и практики», г. Санкт-Петербург. 2015. С. 1.

²⁹⁰ Командированный на Русско-турецкую войну заведующий отделением Московского военного госпиталя доктор медицины Д. П. Дубелир регулярно публиковал наблюдения о санитарных потерях в Кавказской армии: за август 1877 года: раны и ушибы от оружия – 2083 случая; от инфекционных заболеваний, таких как дизентерия – 1501,

Благодаря требованиям медиков хоть и не сразу, но началась организационная перестройка тылового звена военно-медицинской службы: в тыловых районах действующих войск и в тылу страны начали работу специальные эвакуационные комиссии по руководству эвакуационным процессом с развертыванием сборных пунктов, объединявших в своем составе лечебные учреждения и транспортные средства. Эти пункты предназначались для временного размещения раненых и больных, их сортировки и оказания нуждавшимся неотложной медицинской помощи, а также в ряде случаев для задержки в особых «слабосильных командах» лиц с легкими ранениями и заболеваниями²⁹¹. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря лишь на начальный этап внедрения новой системы эвакуации, такие пункты приняли и подготовили к эвакуации почти миллион раненых и больных воинов, помогали им около двухсот сестер милосердия.

Только помощь Божия, искренняя Вера, любовь и сострадание, выражающиеся в непрестанной и внимательной работе каждого истинно верующего, придавали силы для исполнения своего долга. Как говорил протоиерей Вакх Гурьев, «Делал, видит Бог, делал что мог и как умел...»²⁹². Значение веры на войне трудно преувеличить, и присутствие Божие, как отмечали прошедшие через боевые действия Русско-турецкой войны, чувствовали все, в том числе совершенно далекие до этого от мыслей о Божественном.^{293 294}

По просьбе докторов православные пастыри в госпиталях и лазаретах успокаивали раненых перед и после наиболее тяжелыми оперативными вмешательствами, в том числе проведением ампутации конечностей^{295 296}.

брюшного тифа – 125, легких тифозных заболеваний сомнительного свойства – 343, всего – 1969 случаев, что практически соизмеримо с боевыми потерями. За сентябрь месяц заболел каждый четвертый из 1000 человек списочного состава армии. См.: *Дубелир Д. П.* Статистика потерь в русской армии в годы Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) // Журн. «Здоровье». № 75. С. 451.

²⁹¹ *Будко А. А., Журавлев Д. А.* Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. –Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 665.

²⁹² *Гурьев Вакх, прот.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Госуд. Публичн. библиотека России, 2007. С. 105–106.

²⁹³ *Мельникова Л. В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами священника Вакха Гурьева // Воен.-ист. журн. 2015. № 12. С. 57.

²⁹⁴ *Гурьев Вакх, прот.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Госуд. Публичн. библиотека России, 2007. С. 65–66.

²⁹⁵ Там же. С. 113.

²⁹⁶ Там же. С. 116.

Все военные священники отмечали христианское милосердие военных врачей и фельдшеров, которые не только исполняли свои медицинские обязанности, но и старались, как могли, уменьшить их страдания пациентов²⁹⁷. Все равнодушные россияне считали своим долгом оказывать помощь в зачистую ужасных условиях транспортировки раненых санитарными эвакуационными поездами²⁹⁸. О милосердии к раненым должностных лиц, принимавших доставленных по этапам эвакуации на Родину, которое также встречалось, свидетельствует в своих мемуарах выдающийся русский поэт А. А. Фет (Шеншин)²⁹⁹.

Доставленные с фронта раненые и больные поступали на лечение в государственные стационарные военные госпитали и лазареты, а также в организованные на благотворительные пожертвования лазареты и госпитали общин сестер милосердия и частных лиц. Единственным государственным военным лечебным учреждением на весь Московский военный округ (включал в себя несколько губерний) был Московский военный госпиталь. Развернутый в годы войны на 2000 коек, он являлся одним из крупнейших российских военных стационарных госпиталей, куда доставлялись с театра боевых действий самые тяжелые раненые и больные военнослужащие.

Тринадцать штатных врачей Госпиталя после начала войны были откомандированы на фронт, где стали оказывать помощь раненым и больным в военно-временных госпиталях и лазаретах, как правило, занимая руководящие должности.

²⁹⁷ Там же. С. 122.

²⁹⁸ Там же. Сс. 4–5, 439–441.

²⁹⁹ Выдержка из мемуаров выдающегося русского поэта А. А. Фета (Шеншина): «В декабре 1877 года Мценский предводитель дворянства получил уведомление о передаче во Мценск 35 раненых. К назначенному дню он приготовил как надлежащее количество лошадей для перевозки раненых, так и соответственное число коек, врачей и фельдшеров и ночи с городским головою, полицеймейстером и главным доктором отправились на станцию железной дороги. В 12 часов в темную ночь пришел поезд с багажными вагонами, где на скудной соломенной подстилке при 25 градусах мороза лежали раненые. На платформу вышел полковник и, узнавши во мне предводителя, спросил: “Сколько мне вам их выкинуть?” “Помилуйте, полковник, – отвечал я, – выкидывают только замороженные туши, а мне указано принять 35 раненых”. Раненых выгрузили на платформу, причем не 35, а 40 человек, для которых спешно пришлось приискивать места в лазарете. При надлежащей помощи раненые скоро стали поправляться». Цит. по: Будко А. А., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 662–663.

Начальник Госпиталя (1875–1888) генерал-майор Сергей Семенович Унковский являлся боевым офицером, участником и героем Крымской войны³⁰⁰. Его плодотворная деятельность во время тяжелого периода Русско-турецкой войны была отмечена орденами Святого Станислава 1-й степени (1878) и Святой Анны 1-й степени (1880). Умелый организатор, он был и глубоко верующим, порядочным человеком³⁰¹. Доктор медицины, старший ординатор Госпиталя Тяжелов был назначен главным врачом военно-временного госпиталя № 74, затем – главным врачом военно-временного госпиталя № 76³⁰². Старший ординатор Госпиталя Семашко являлся главным врачом военно-временного госпиталя № 75³⁰³. Доктор медицины старший ординатор Госпиталя Соболев был назначен главным врачом военно-временного госпиталя № 68. Младший ординатор Госпиталя Вознесенский стал старшим ординатором военно-временного госпиталя № 48³⁰⁴. Терапевт Госпиталя доктор медицины С. К. Кликович (занимал должность в период сражений на Шипке) был удостоен за период Русско-турецкой войны трех боевых орденов³⁰⁵.

В 1878–1880 годах, после победоносного завершения Русско-турецкой кампании, призванный персонал возвратился в Госпиталь. Результатом его пребывания на фронтах войны явился не только во много крат возросший врачебный опыт лечения тысяч раненых и больных, но и опыт милосердного сердечного сострадания и выстроенный на этой основе опыт духовный, молитвенный. Все свое мастерство врачи готовы были применить для долечивания воинов – госпитальных пациентов.

³⁰⁰ С 1812 по 1912 год начальниками российских военных госпиталей являлись строевые военнослужащие российской армии в звании генерал-майора. Медицинский персонал шел по гражданской Табели о рангах, начиная с главного врача – действительного статского советника и ниже.

³⁰¹ Похоронен С. С. Унковский в 1902 году на некрополе московского Алексеевского монастыря. По воспоминаниям дворян Калужской губернии об С. С. Унковском, «среди всех знавших его, осталась память о нем, как об истинно добром и высоко-честном человеке...» См.: *Унковский В. И.* Род Унковских // Приложение к «Вестнику «Добрая Воля». № 14. 1999. С. 21-22. / Исторический портрет. URL: www.archive.org

³⁰² Официальная часть // Воен.-мед. журн. 1878. Ч. 133. Сентябрь. С. 3.

³⁰³ Там же. Ч. 132. Кн. 8. С. 7.

³⁰⁴ Там же. Ч. 131. Сс. 14, 17.

³⁰⁵ *Максимов И. Б., Овчинникова М. Б.* Московский госпиталь в XIX – начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Кложева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 92.

Необходимо подчеркнуть, что военным периодом в военно-госпитальной медицинской науке считаются не только годы непосредственно проведения военных действий, но и примерно пять лет после их окончания, когда еще велико число поступающих на долечивание. Для обеспечения высококвалифицированной медицинской помощи пациентам, которые служили на фронтах и выполнили свой воинский долг, в период с 1878 по 1883 годы в Госпиталь были приглашены самые опытные специалисты военно-медицинской службы. В 1880 году в штат Госпиталя на должность консультанта-хирурга поступил профессор Н. В. Склифосовский и трудился здесь 14 лет; также пришли молодые перспективные доктора медицины П. Т. Склифосовский, И. И. Дуброво, Д. П. Дубелир и многие другие, в частности, младший ординатор П. И. Рачковский³⁰⁶, ставшие впоследствии известными специалистами, начальниками хирургических, терапевтических, неврологических и психиатрических отделений Госпиталя.

Н. В. Склифосовский не только проводил операции, но также постоянно обучал и воспитывал медицинский персонал. Он не любил грубость и вольности по отношению к больному; был примером дисциплины, аккуратности и преданности любимому делу врача³⁰⁷.

Чем совершенней были способы и методы лечения раненых, тем более снижалась смертность, меньше воинов становились инвалидами. Следуя примерам своих высоких учителей, все хирурги стремились перейти к милосердному, наименее травмирующему, сберегательному лечению; терапевты совершенствовали свои клинические знания, ставя верные диагнозы и назначая лечение при полном еще отсутствии рентгеновских и прочих диагностических аппаратов. Так, консультант-хирург Н. В. Склифосовский внес большой вклад в развитие хирургической помощи в Московском военном госпитале, обучая врачей принципам и технике выполнения различных хирургических операций. В области

³⁰⁶ Официальная часть // Воен.-мед. журн. 1878. Ч. 132. Кн. 5. С. 12.

³⁰⁷ «По наружному виду этот элегантный статский генерал в своем безупречно чистом кителе способен был оставаться до 48 часов без пищи и сна, находясь непрерывно за операционным столом, в перевязочной или в сортировочных отделениях головного госпиталя». См.: *Косачев И. Д.* Николай Васильевич Склифосовский // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 387.

анестезиологии он первым в мире применил кокаин для местной анестезии и обучал хитростям его применения врачам Госпиталя. Основоположник антисептики Джозеф Листер отметил (1885), что это нововведение Н. В. Склифосовского заслуживает подражания, так как «хлороформирование» больных во время операции крайне затруднительно и всегда несовершенно.

Общей чертой всех хирургов, возвратившихся с театра войны, была способность к быстрому обучению новшествами хирургии широкого профиля. Вслед за своим именитым учителем они стремились достичь успехов как в травматологии, так и в хирургии брюшной полости, в грудной, челюстно-лицевой хирургии, хирургии кровеносных сосудов, щитовидной железы, урологии; внедряли под руководством Н. В. Склифосовского в клиническую практику листеровский антисептический метод.

17 лет (с 1882 года) трудился в Госпитале племянник Н. В. Склифосовского доктор медицины Павел Тимофеевич Склифосовский, возглавив 2-е хирургическое отделение. Будучи студентом Медико-хирургической академии, он отправился в составе отряда Красного Креста оказывать помощь раненым на фронта Русско-турецкой войны. Прекрасный хирург, организатор, педагог, Павел Тимофеевич, являясь глубоко верующим человеком, всегда проявлял радение о госпитальных храмах, а после перевода в Санкт-Петербургский Николаевский военный госпиталь стал ктитorem храмов этого госпиталя.

В Госпитале строго соблюдался принцип защиты психологического благополучия пациентов от излишних стрессов, умение установить доверительные связи с больными, вселяя уверенность в себя и веру в медицину. Этот милосердный подход помогал в диагностике и лечении самых различных заболеваний. На формирование атмосферы в коллективе, в течение всей жизни Госпиталя именуемой его сотрудниками и пациентами «семейной», «домашней», без сомнения, повлиял тот факт, что многие военные врачи, ведущие специалисты Госпиталя, имели первое духовное образование, вели свое происхождение из семей лиц духовного звания и являлись выпускниками российских духовных семинарий. Например, Сергей Иванович Соборов успешно завершил обучение и получил

диплом врача на медицинском факультете Московского университета после прохождения обучения в Воронежской духовной семинарии. Он работал консультантом-хирургом в Госпитале, имея степень доктора медицинских наук.

С 1864 года 30 лет трудился в Госпитале помощником главного врача, затем главным врачом (1890–1894 гг.) Госпиталя талантливый медик, организатор, ученый и педагог доктор медицины Илья Алексеевич Заборовский. Во многом благодаря его инициативе в Госпитале стали трудиться сестры милосердия. Благодаря его стараниям внедрялись новейшие методики, приобретались новые медицинские приборы и лекарственные препараты³⁰⁸. Одновременно он являлся одним из организаторов и председателем Московского медико-филантропического общества (1872)³⁰⁹, совместно с ординаторами Госпиталя докторами медицины Н. И. Стуковенковым (участником Русско-Турецкой войны, будущим главным врачом московской Голицынской больницы, ныне – Первая Градская больница им Н. И. Пирогова)³¹⁰, Я. И. Тяжеловым и И. А. Заборовским стал соучредителем Московского хирургического общества (1872)³¹¹.

Во время и по окончании Русско-турецкой войны в Госпиталь стало поступать большое количество воинов с душевными травмами, требующими специального лечения. В продолжение милосердных традиций Госпиталя по отношению к пациентам с душевными болезнями, заложенных еще основателем Госпиталя императором Петром I (благодаря его указу в Госпитале впервые были организованы специальные помещения для лечения душевнобольных), в 1880 году психиатрическое отделение, структурно присутствовавшее в нем с XVIII века,

³⁰⁸ Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX – начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. – Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 81–82.

³⁰⁹ Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь / С.В. Волков. Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016.; Устав Московского медико-филантропического общества [Текст]: утвержден 14 декабря 1872 года. Москва: Университетская тип. (Катков и К°), 1873.

³¹⁰ Брат Н. И. Стуковенкова, известный клиницист, дерматовенеролог М. И. Стуковенков, был во время Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) уполномоченным Общества Красного Креста в действующей армии, затем заведовал санитарной частью Плевны после взятия ее русскими войсками, где организовывал госпитали, в частности, для военнопленных турецкой армии, служил в Бургасе военным врачом.

³¹¹ Устав Московского медико-филантропического общества, утвержден 14 декабря 1872 года. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1873. 24 с.

было включено в штат Госпиталя³¹². Первым его начальником стал старший ординатор Госпиталя А. А. Драницын, сыгравший огромную роль в организации научной и практической работы отделения. Он активно способствовал внедрению в клиническую практику наиболее эффективных методов лечения, в том числе милосердный режим «нестеснения», серьезно улучшивший состояние пациентов и в дальнейшем активно развивавшийся и поддерживавшийся таким выдающимся ученым, как В. М. Бехтерев³¹³.

По словам ветеранов, в годы Русско-турецкой войны и в последующий период Госпиталь был переполнен как ранеными, так и инфекционными больными, что характерно для любой военной кампании XVIII–XIX веков; для больных сыпным тифом было отведено специальное отделение – 14-е³¹⁴ (по окончании войны его работу возглавил возвратившийся с театра боевых действий доктор медицины Д. П. Дубелир).

После Русско-турецкой войны, в 1880-е годы, ввиду резкого увеличения количества инфекционных больных, летние бараки на Введенских горах, устроенные еще в XVIII веке, куда летом во время ремонта основных корпусов Госпиталя переводились пациенты, фактически превратились в так называемый «инфекционный городок», со своим домовым храмом в честь Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» и со специально прикрепленными к баракам штатными сестрами милосердия. Они и проживали при этих бараках³¹⁵ (под «бараками» подразумевались добротные деревянные корпуса на 100–150 пациентов³¹⁶).

³¹² О милосердных традициях лечения в Госпитале душевнобольных военнослужащих повествуется в Главе 2 данного исследования.

³¹³ Колупаев Г. П. Очерки истории отечественной общей и военной психиатрии. М., 2005. С. 233–234.; Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX – начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн. 2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 88.

³¹⁴ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 638.; Пономарев С. В. 300-летняя история лечения инфекционных больных в Главном военном клиническом госпитале. М., 2007. 132 с.

³¹⁵ Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX – начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн. 2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 89–90.

³¹⁶ План Госпиталя 1900 года определяет местонахождение летних деревянных бараков Госпиталя на месте корпусов современных жилых домов (№№ 1–5 по ул. Новая Дорога и №3 по ул. Госпитальный Вал).

После смерти протоиерея Петра Магницкого с конца 1856 года настоятелем госпитального храма становится протоиерей Александр Николаевич Спекторский, диаконом – Иван Иванович Успенский³¹⁷. На их долю выпало служение в переполненном ранеными воинами Госпитале и в годы Русско-турецкой войны, и в послевоенный период.

Военные духовные лица протоиерей Иоанн Васильевич Смоленский, служивший в Госпитале с 1887 по 1895 год, и его преемник протоиерей Арсений Андреевич Копецкий, работавший там с 1895 по 1919 год, активно участвовали в Русско-турецкой войне, сражаясь «в походах и военных делах против турок», и за проявленную храбрость были награждены³¹⁸.

Весь личный состав, начиная от командования – начальника Госпиталя генерал-майора С. С. Унковского и главного врача, а также ординаторов, фельдшеров, фармацевтических и хозяйственных чинов – и заканчивая нижними чинами госпитальных хозяйственных команд, являлись, как и прежде, прихожанами домового госпитального храма Святых первоверховных апостолов Петра и Павла в старинном «церковном» корпусе.

Поскольку Госпиталь был переполнен пациентами, единственный храм на весьма большой (около 19 гектаров) территории Госпиталя попросту не мог вместить всех пациентов и сотрудников. В силу этого в 1880 году «чинами госпиталя при главном содействии начальника госпиталя С. С. Унковского в главном здании госпиталя» был устроен домовый храм в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», Престол для которой перенесли из домового храма при лечебных бараках на Введенских Горах³¹⁹. В этом же году на территории Госпиталя на Введенских горах на средства почетного гражданина города Москвы Николая Павловича Каверина³²⁰ был построен отдельно стоящий госпитальный храм в честь Святителей Московских митрополитов Петра, Алексия, Ионы и

³¹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Д. 296. Л. 1, 119 и др.

³¹⁸ Там же. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 109. Л. 129 об.

³¹⁹ *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 628.

³²⁰ Николай Павлович Каверин скончался в 1896 году (47 лет) и погребен в Москве на некрополе Алексеевского монастыря.

Филиппа – небольшая одноглавая деревянная церковь, освященная 29 июня (11 июля) 1880 года^{321 322}. Здание храма не сохранилось.

Госпитальный пастырь протоиерей Александр Спекторский усердно служил пациентам Госпиталя, а также укреплял дух сотрудников. Совершение Богослужений и Таинств в госпитальных храмах определялось приказами начальника Госпиталя, что подтверждается сохранившимися в архивах документами. Богослужения проводились поочередно во всех трех госпитальных храмах. Несмотря на то что большинство госпитального делопроизводства было уничтожено после 1917 года, в Российском государственном военно-историческом архиве уцелели приказы за различные годы о проведении богослужений, а также финансовые отчеты командованию госпитального ктитора³²³. В Центральном государственном архиве города Москвы хранятся метрические книги Госпиталя³²⁴.

Кроме того, одним из серьезнейших видов пастырской деятельности госпитального священника было посещение палат с тяжелоранеными. Зная хорошо каждую палату и состояние в ней каждого больного, он неустанно совершал церковные Таинства, проповедовал Слово Божие, внушая любовь к вере, российскому государю и Отечеству^{325 326}. Наставляя пациентов и персонал Госпиталя в истинах православной веры и благочестия, протоиерей Александр обязан был сам являть живой пример чистоты и благонравия.

Традиционно госпитальный пастырь преподавал закон Божий и проводил на этот предмет беседы с личным составом с согласия госпитального руководства. График занятий также определялся приказами начальника Госпиталя.

В течение всех лет военных действий и после их окончания активно участвовал в помощи пациентам Госпиталя «Комитет Христианской помощи

³²¹ Паламарчук П.Г. Сорок сороков. М., 1995. Т. 3. С.513.

³²² Волков С. прот., Овчинникова М. Б. Духовное служение в Московском госпитале в XIX – начале XX вв. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 249.

³²³ РГВИА. Ф.1714. Оп.1. Дд. 83, 86, 90, 91, 92.

³²⁴ Более подробно документы рассмотрены в Главе 2 данной работы.

³²⁵ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера армии и флота: в 2-х т. Т. 2. Изд-во им. Чехова, 1954. С. 97.

³²⁶ Капков В. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. С. 66.

раненым и больным воинам», который был основан в 1877 году и подчинялся Российскому обществу Красного Креста. Ими был открыт приют для военнослужащих, получивших ранения, куда направлялись воины, ставшие инвалидами и не имеющие родственников³²⁷.

Необходимо отметить, что 15 сестер милосердия, назначенных в Госпиталь в 1863 году «в виде опыта», в годы Русско-турецкой войны трудились здесь уже как полноправные члены госпитального коллектива. Как указывалось выше, коечная мощность Госпиталя в годы Русско-турецкой войны составляла 2 000 коек, отсюда следует, что одна сестра отвечала более чем за 130 больных. Все поступавшие в Госпиталь раненые и больные военнослужащие нуждались в серьезном лечении и пристальном внимании, поэтому нетрудно представить, какая нагрузка была у сестер. Работали штатные сестры милосердия очень ответственно, командование и доктора-мужчины уважали их за их старания в работе, стойкость и силу духа.

В период военных действий Русско-турецкой кампании пятнадцати штатным сестрам милосердия Госпиталя приходили на помощь сестры из московских общин милосердия. Прежде всего, это были сестры из общины «Утоли моя печали»³²⁸, с 1872 года располагавшейся в Лефортове, рядом с Московским военным госпиталем. На то время эта первая Краснокрестная община в Москве уже являлась самой крупной в России. Жизнь в обители была очень суровой. Сестры милосердия, пройдя аттестацию, давали обет отречения от мирских соблазнов во имя страждущих и честно его выполняли. В наши дни здания Общины составляют часть Московской городской клинической больницы № 29 им. Н. Э. Баумана³²⁹. Несколько десятилетий, до 1918 года, среднему медицинскому персоналу Госпиталя оказывали значительную помощь сестры Епархиальной Владычне-Покровской общины сестер милосердия, одной из наиболее многочисленных

³²⁷ Костюченко О. М., Матис А. А., Бобылев В. А., Овчинникова М. Б. Из истории служения сестер милосердия в Московском военном госпитале // Воен.-мед журн. 2023. № 3. С.79.

³²⁸ Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 240.

³²⁹ Миклашевская Е. П. «Утоли моя печали». Милосердные традиции Лефортово. М., 2002. 128 с.

общин в Москве (ул. Бакунинская, д. 83; ул. Гастелло, д. 42–44)³³⁰. По свидетельству документов, в обязанности сестер общины входило постоянное дежурство в отделениях Госпиталя. В годы Русско-турецкой войны на территории общины был организован для раненых Покровский госпиталь на 100 коек³³¹. В Госпитале трудились сестры милосердия и из других общин³³².

Наряду с Госпиталем и другими российскими государственными военными лечебными учреждениями во время Русско-турецкой войны по всей России средства из местных бюджетов и благотворительные пожертвования использовались для открытия лечебниц для раненых. В Москве более чем в 25 учреждениях была предоставлена медицинская помощь раненым, и одним из крупнейших временных госпиталей в Москве был Лефортовский (более 200 коек), организованный общиной сестер милосердия «Утоли моя печали». Соседство с Московским военным госпиталем с его высококвалифицированными кадрами позволило общине наладить на высоком уровне лечение и реабилитацию раненых и больных.

Были в госпиталях и лазаретах совсем тяжелые раненые и больные, которых, несмотря на все врачебное искусство и заботливый сестринский уход, спасти не удавалось. Как указывалось выше, они находили последнее упокоевание на военном участке московского Семёновского кладбища, в полутора верстах от Госпиталя, на Соколиной Горе. Военный священник Госпиталя, как и во время прежних военных кампаний, отвечал за организацию достойного погребения усопших, с отпеванием и отданием должных воинских почестей³³³. Статистические архивные данные,

³³⁰ Община, открывшаяся в 1870 году, представляла собой особый тип общин сестер милосердия, состоявших в ведении Святейшего Синода: была приписана к Серпуховскому Введенскому Владычному монастырю и управлялась его настоятельницей, а административно подчинялась московскому митрополиту. Ее учреждение связано с яркой личностью игуменьи Митрофании (в миру – Прасковья Григорьевна Розен, дочь барона, фрейлина императрицы и духовная дочь святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского). При Владычье-Покровской общине функционировали больница, амбулатория, аптека, детский приют, общеобразовательная и фельдшерская школы, школа шелководства и рукодельные мастерские.

³³¹ Мельникова Л. В. Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020. С. 616.

³³² Московский Коммунистический военный госпиталь. Краткая история. М., 1943. С.25.

³³³ В 1865 году здесь было похоронено 724 воина (нижние чины из Московского военного госпиталя); в 1882 году – 1821 человек, в 1883 году – 1308 человек, в 1884 году – 1366 человек, в 1885 году – 1898 человек. См.: Медведев Г. А., Смирнова А. Г. Московское Семёновское кладбище – памятник воинской славы России // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.2: Военная медицина и Московский

полученные при исследовании истории московского Семёновского военного некрополя, красноречиво свидетельствуют об огромных масштабах пастырской деятельности госпитального священника по проводам в последний путь умерших воинов – пациентов Госпиталя³³⁴. Приведенные данные свидетельствуют о значительном росте в годы Русско-турецкой войны количества умерших пациентов (военнослужащих, эвакуированных с фронтов, и, по большей части, заболевших инфекционными заболеваниями). Необходимо отметить, что холерных больных не хоронили на Семёновском военном кладбище. Отпевание воинов, умерших от холеры, проводились госпитальным священником протоиереем Александром в отдельно стоящем госпитальном храме Московских митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа на Введенских Горах, рядом с «заразными бараками» (для пациентов с инфекционными заболеваниями)³³⁵. Для их захоронений было организовано небольшое холерное кладбище неподалеку. За содержание кладбища и его благоустройство также отвечал Госпиталь.

Чувства провожавших в последний путь безвременно ушедших защитников Отечества, одинаково чистые и печальные, как на фронте, так и в тылу, остро передают воспоминания протоиерея Вакха Гурьева: «Я приступил к печальному обряду погребения павших героев, офицеров нашей дивизии»^{336 337}.

Отвага и самопожертвование тысяч безвестных героев, отдавших жизнь за Отечество, помогла обновленной России, преодолевшей рабское крепостное право, при духовной и социальной поддержке Русской Православной Церкви, совместными усилиями Правительства, Вооруженных сил и общественности одержать победу в Русско-турецкой войне.

Божией милостью Россия с честью выполнила свою историческую задачу. Освобожденные ею народы Балканского полуострова совершенно справедливо

госпиталь в XIX – начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 255-268.

³³⁴ ЦГА г. Москвы. Оп. 24. Д.1021. Л. 2; Там же. Оп. 52. Д. 1525. Л. 25.

³³⁵ *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 628.

³³⁶ *Гурьев Вакх, прот.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Госуд. Публичн. библиотека России, 2007. С. 108–109.

³³⁷ Там же. С. 109.

назвали эту последнюю Русско-турецкую войну освободительной³³⁸. Россия расширила свою территорию, присоединив Бессарабию и частично Кавказ³³⁹. Турция оказалась на грани полного разгрома. В этот критический момент в ее защиту выступили Англия и Австро-Венгрия. Избегая военных конфликтов с европейскими государствами, Россия согласилась заключить мирный договор, который был подписан 19 февраля (3 марта) 1878 года в Сан-Стефано, неподалеку от Константинополя и положил конец 500-летнему турецкому игу. Согласно договору, на карте мира появилось новое государство – независимая Болгария. Турция вынуждена была признать также независимость Сербии, Черногории и Румынии. Берлинский конгресс (лето 1878 года) значительно ухудшил для нашей страны условия Сан-Стефанского договора, но, главное, благодаря мужеству России были заложены незыблемые основы прогрессивного развития славянских государств.

И вместе со всей страной приближали победу российские военные медики и сестры милосердия. «После Турецкой кампании сохранились в благодарной памяти русских врачей ... слова Государя Императора Александра II: “Да, военные врачи стояли на высоте своего призвания”»³⁴⁰. Память о российских военных врачах Дунайской армии, пожертвовавших свои жизни за освобождение Болгарии, сохранена в монументе, известном как «Докторский памятник», поставленном в Софии в 1884 году³⁴¹.

³³⁸ «Христианское население Европейской Турции, – утверждал еще до войны Ф. Энгельс, – ...более чем когда-либо, стремится сбросить с себя турецкое иго и более, чем когда-либо, видит в России своего единственного защитника». См.: Будко А. А., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 396.

³³⁹ Там же. С. 397. «Болгары восторженно встречали своих освободителей. Вместе с русской армией героически сражались воины болгарского ополчения и части румынской армии. В январе 1878 года турки были разбиты под Филиппополем (Пловдивом) и Адрианополем. На Кавказском театре военных действий русские войска в 1877 году вошли в турецкую Армению, взяли Баязет, Ардаган и осадили Карс. В октябре этого года Карс был штурмом взят, войска подошли к Эрзуруму и в начале 1878 года взяли и этот город».

³⁴⁰ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 699.

³⁴¹ На блоках этого монумента высечены фамилии и инициалы 531 российского медика, в том числе 110 врачей, 8 ветеринарных врачей, 8 фармацевтов, одного студента и 404 фельдшеров. См.: Будко А. А., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 668.

На высоте своего призвания в течение всей Русско-турецкой войны были и военные пастыри, проповедь которых помогала объединению российского общества, вдохновляла на подвиги на фронте и в тылу. Благодаря усилиям Русской Православной Церкви общественное движение, направленное на улучшение медицинской помощи и участи раненых и больных русских воинов в действующей армии, стало столь широким и многообразным.

Краткие итоги главы

Итак, можно утверждать, что к концу XIX века российская военная медицина имела четко организованную структуру и шагнула далеко вперед в сравнении с предшествующим периодом.

Этому способствовало несколько факторов:

- император и руководство армии особо уделяли внимание сохранению физического и духовного здоровья военнослужащих, следствием чего явилось издание ряда указов, давших начало реформированию медицинских служб, личному участию в создании движения сестер милосердия;
- непосредственное действенное участие Русской Православной Церкви в формировании социального движения в годы военных кампаний и послевоенные периоды;
- самоотверженная работа лучших представителей отечественной (а по факту – и мировой) медицины, не прекращавших даже на передовой совершенствовать свои навыки и методы хирургического, терапевтического и др. лечения;
- небывалый подъем гражданского самосознания, который позволил в полной мере обеспечить все подразделения медицинской службы средним и младшим медицинским персоналом из числа сестер милосердия.

Таким образом, уже ко времени начала Русско-турецкой войны система организации помощи раненым и больным военнослужащим была более гибкой, способной быстро реагировать, подстраиваясь под условия ведения боев. Все эти преобразования напрямую касались работы Московского военного госпиталя и во многом напрямую были связаны с деятельностью его служащих.

Уровень профессиональной подготовки медицинского персонала значительно вырос в сравнении с подготовкой периода Крымской войны, что позволило России впервые отказаться от помощи врачей-иностранцев в годы Русско-турецкой кампании и с успехом развивать передовые методы вспоможения раненым как во время оказания первой врачебной помощи непосредственно в зонах ведения военных действий, так и в период долечивания в тыловых медицинских подразделениях. Работа представительниц Российского общества Красного Креста в разы помогла снизить смертность раненых и больных, что доказывает и статистика Московского военного госпиталя.

Выдающиеся отечественные врачи (Н. И. Пирогов, С. П. Боткин, Н. В. Склифосовский и др.), имевшие непосредственное отношение к Московскому военному госпиталю, первыми отправлялись в зону боевых действий, где не просто проводили десятки сотен операций, но и передавали другим врачам передовой опыт военной медицины, накопленный во время лечения раненых в стенах Московского военного госпиталя. Благодаря всему этому квалифицированные действия российских медиков и опыт организации пастырской и сестринской помощи раненым во время ведения боевых действий получил международное признание.

Деятельность Московского военного госпиталя во второй половине XIX века, отражает принципы действенного милосердия, положенного в основу развития отечественной медицины, – соединение духовной и физической помощи пациентам. Он стал одним из первых в России стационарных лечебных заведений, где наряду с врачами трудились сестры милосердия (община «Утоли моя печали»), получали необходимые консультации от медицинского персонала, проходили курсы. В годину бедствий персонал Госпиталя в числе первых откликнулся на внедрение передового медицинского опыта, отправлялся в зону ведения боевых действий.

Службу свою несло при госпитале и духовенство: не только отправление Богослужений, но и окормление всех пациентов, офицерских семей и медицинского персонала, а также забота о достойном упокоении умирающих от

тяжких ран военнослужащих стали ежедневной заботой священников, часть из которых также находились на фронте, в непосредственной близости от передовой, решая важную задачу в поддержании боевого и морального духа российских воинов.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ И ПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

2.1. Московский военный госпиталь в годы Русско-японской войны и его милосердное служение

Критическая составляющая в оценках большинства исследователей при анализе Русско-японской войны (1904–1905) (далее по тексту – Русско-японская война) не только не позволяла скрупулезно и систематически подойти к изучению как хода военных действий, так и общественных трансформаций, которые произошли в результате этой войны, но и, главное, определить истинные причины и смысл свершившихся в 1904–1905 годах событий.

Безусловно, объективный анализ «войны двух императоров» необходимо проводить, изучая влияние на общественные процессы со стороны Русской Православной Церкви – главной духовной основы российского государства, которая всегда мудро благословляла верное направление развития страны, отмаливала ошибки, сдерживала и вдохновляла. Думается, не случайно эта тема не нашла должного освещения в отечественной историографии. И тем, кто в конце XIX – начале XX веков «получил и старательно исполнял заказ» на разрушение российского государственного строя, и их соратникам и порою бездумным трансляторам в отечественной историографии более поздних времен было невыгодно такое представление Церкви, поэтому современникам и потомкам умело внушалось мнение о ее бездействии, «бесполезности», «отжившем аппарате». Этой предвзятостью во многом объясняется, почему и современники, и исследователи последующих десятилетий принижали значение социальной

деятельности Русской Православной Церкви в период Русско-японской войны вопреки очевидным фактам ее реальной поддержки и помощи как действующей армии на фронте, так и тыловым структурам. Сегодня интерес к этой теме вновь появился, что подтверждается многочисленными исследованиями, где приводятся детальные факты, основанные на документальных данных из хранилищ как центральных российских архивов, так и из региональных³⁴².

Опираясь на реальные факты, на примере деятельности Московского военного госпиталя можно будет увидеть объективную картину жизни российского общества и Вооруженных Сил, милосердной деятельности военных и военно-госпитальных священников, врачей, сестер милосердия, гражданских лиц в тяжкую годину войны.

В конце XIX века на российский престол заступает Николай II, который станет последним императором в истории России и первым императором, канонизированным Русской Православной Церковью за свои духовные подвиги. Внешняя политика Николая II в течение исследуемого исторического периода ознаменовалась разработкой и принятием на международной конференции в Гааге, созванной в 1899 году по инициативе России, комплекса норм международного гуманитарного права; реализацией «Большой азиатской программы» для укрепления позиций России на дальневосточно-азиатском направлении, не имевшей «империалистических» целей расчленения территорий стран региона, но стремившейся к опережению геополитического влияния ведущих европейских держав в Дальневосточном и Азиатском регионах.

Конец XIX века принес дальнейшее обострение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке. Япония, победив в Японо-китайской войне (1894–1895), нанесла сокрушительное поражение Китаю. Россией был подписан секретный союзный договор с Китаем, в 1897 году удалось договориться с Китаем отдать в аренду Российской империи незамерзающие порты Порт-Артур и Далянь

³⁴² Ледовских Е. А. Православная церковь и общество во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. (на материалах Центрально-Черноземных губерний). Диссертация. 2019; Нечаев М. Г. Помощь уральского духовенства действующей армии в годы Русско-японской войны // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 4. С. 46–61.

(Дальний); началось строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Николай II стремился достигнуть компромисса со всеми государствами региона, в том числе и с Японией, активно поддерживая здесь расширение русского влияния. Активизация российского присутствия в Маньчжурии привела к резкому обострению российско-японских отношений. В Японии все больше набирала силу «партия войны», при поддержке США и Великобритании стремившаяся к созданию «Великой Японии» в составе Курильских островов, Сахалина, Камчатки, Тайваня, Кореи, Маньчжурии и большей части Восточной Сибири³⁴³.

Полное отсутствие у России союзников в этой войне; техническая неподготовленность к боевым действиям на Дальнем Востоке позволили Японии к 1904 году сосредоточить в этом районе вооруженные силы с самым современным западноевропейским и американским оружием, с военно-морским флотом, в два раза превышающим российский, в 5 раз большей численностью войск.

К 1904 году войска российской группировки на Дальнем востоке насчитывали около 124 тысяч человек. В это время Россия проводила модернизацию сибирской и дальневосточной железных дорог для военных нужд, превращая транссибирскую магистраль, которая тогда заканчивалась у озера Байкал, в важный транспортный маршрут. Путь от Москвы до Маньчжурии занимал до 45 суток в силу слабой пропускной способности забайкальской железной дороги. Понимая, что каждый год пусть непрочного, но мира, укрепляет Россию, Николай II готов был идти на любые компромиссы, предлагая Японии большую часть Кореи и ожидая от нее ответных действий – признания российских интересов в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Но Японская сторона была настроена враждебно: 6 февраля 1904 года Япония прервала дипломатические отношения с Россией, а в ночь на 9 февраля русская эскадра, находившаяся на якоре во внешнем рейде Порт-Артура, подверглась нападению японских эсминцев без объявления войны. В результате морского сражения у берегов Чемульпо

³⁴³ *Мультиатули П. В.* Внешняя политика Императора Николая II 1894-1917 гг.: этапы, достижения, итоги. М.: Двухглавый орёл: Изд-во М. Б. Смолина (ФИВ), 2019. 717 с.

российский крейсер «Варяг» был вынужденно потоплен, а канонерская лодка «Кореец» уничтожена.

28 января (10 февраля) 1904 года Япония официально объявила войну России. Либерально-революционное крыло российских политиков и их соратники выступили против военных действий, призывая к «миру», «самоустранению с Дальнего Востока», по сути – сдаче территорий врагу. В Империи понимали, что война неизбежна и является борьбой за будущее России, ее преобладание на обширных дальневосточных территориях³⁴⁴. Глубокой верой пронизаны и строки Высочайшего Манифеста «О начале военных действий с Японией», подписанного Николаем II 27 января (8 февраля) 1904 г. и призывающего благословение Божие на защиту чести Отечества его подданными³⁴⁵.

Уже в январе 1904 г. Святейший синод определил по случаю войны с Японией молитву о даровании победы над врагом на молебнах и Божественной литургии. Святой праведный Иоанн Кронштадтский, в те годы – протоиерей Иоанн Сергиев из Кронштадта, преподал свое пастырское благословение для солдат и офицеров, находящихся на фронте, в виде небольшой книжечки «Всероссийскому христолюбивому победоносному воинству благословение протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского)». Книжечка эта стала духовным оружием, через нее сам отец Иоанн сражался на Японской войне³⁴⁶. Святой праведный Иоанн Кронштадтский находит теплые и утешительные слова для каждого воина, чтобы тот чувствовал уважение общества к своим ратным трудам, заботу и поддержку «в трудностях походной жизни». Всероссийский пастырь указывает причину войны в массовом отступлении людей от веры, от Православной Церкви, забвении морально-нравственных принципов. «Промыслу Божию угодно было попустить

³⁴⁴ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Часть 2. Переломные годы. М: Книжный клуб Книгочей, 2022. С. 251–252.

³⁴⁵ Высочайший Манифест. // Журнал «Православный собеседник», издание Казанской Духовной Академии. Казань: Типография Императорского Университета. 1904 г.

³⁴⁶ Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Всероссийскому христолюбивому победоносному воинству благословение протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского). СПб.: 1904. 16 с. (На первой ее странице – изображение Креста и слова тропаля Кресту, еще не отредактированному в 1917 году Временным правительством: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивных даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».)

эту войну для нашего вразумления, дабы не жили мы беспечно, не забывали Его, Создателя нашего, Творца Вселенной, и не погрязали в тине грехов наших»³⁴⁷.

Ход войны был крайне неудачен для России. С самого начала духовной неудачей стала невозможность доставить в осажденный Порт-Артур икону Божией Матери «Торжество Православия» («Порт-Артурскую»). Поражения на суше и на море следовали одно за другим. Несмотря на мужество русских солдат и матросов, положение российских армии и флота ухудшалось, одно за другим следовали тяжелые поражения в Порт-Артуре, под Мукденом, Шахе, которые влекли за собой гибель десятков тысяч воинов.

Нарастала и внутренняя смута, поддерживаемая государствами – врагами России, о чем предупреждало в своих обращениях и проповедях, призывая русский народ к сплочению в вере и патриотизме, духовенство Русской Православной Церкви, в частности, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский)³⁴⁸. О попрании Родины русской интеллигенцией прямо писал и выдающийся пастырь Русской Православной Церкви священномученик протоиерей Иоанн Восторгов³⁴⁹. Святой праведный Иоанн Кронштадтский также видел причины поражения в Русско-японской войне в духовной немощи российского общества во всех его сословиях³⁵⁰.

Но российскому обществу, без всяких оснований уверенно ожидавшему молниеносной победной кампании на Дальнем Востоке, необходимо было найти «крайнего». С подачи интеллигенции, а впоследствии и советских историков, им

³⁴⁷ Напоминая, что видимая война является воплощением невидимой, св. Иоанн подчеркивает, что сильнейшим оружием на войне является молитва, и призывает к ней: «Возлюбленные братья, Христоролюбивые воины! Молитесь и вы непрестанно: в походе и на отдыхе, идя в бой и после боя; молитесь безмолвно, молитесь сердцем, – и Господь услышит вас». Как бы предчувствуя возможные поражения, о. Иоанн утешает: «Не унывайте, Христоролюбивые воины, и при могущих быть неудачах. Помните, что и неудачи в бою ниспосылаются нам Богом для нашего же вразумления и утверждения в Вере». См.: Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Всероссийскому христоролюбивому победоносному воинству благословение протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского). СПб.: 1904. 16 с.

³⁴⁸ Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Св. Правит. Синоде. 1905, № 11.

³⁴⁹ *Иоанн Восторгов, прот.* Памяти русских воинов, отдавших жизнь за отечество в войну с Японией. (Речь 18 мая 1907 года на молебствии по случаю открытия в Москве приюта им. А. С. Шмакова для сирот воинов, погибших в русско-японскую войну.) / Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова: В 5-ти том. Репр. изд. СПб.: Изд. «Царское Дело», 1995–1998. / Т. 3: Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы (1906–1908 гг.). 1995. 794, VII с. (Серия «Духовное возрождение Отечества»).

³⁵⁰ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский.* Новые грозные слова, произнесенные в 1906–1907 годах «О страшном Суде Божиим, грядущем и приближающемся». Часть II. Слово IX. На день перенесения св. мощей благоверного Великого князя Александра Невского, бывшего в 1724-м году при императоре Петре 1-м, из Владимира в Петербург. СПб.: Сатис, 2000. 95 с.

стал русский военный и государственный деятель, военный министр Российской империи генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин, командовавший русскими войсками в годы Русско-японской войны. Сформировалось стойкое общественное мнение о его преступной нерешительности на важнейших этапах военных действий на Дальнем востоке, следствием которых стало поражение России. Генерала называли бездарным полководцем и человеком недалекого ума³⁵¹.

Рассматривая эпизод российской военной истории периода Русско-японской войны с позиций служения Богу и ближнему, считаем своим долгом произвести «реабилитацию» этого достойного сына Отечества, разносторонне одаренной личности: это был потомственный отважный воин, героически сражавшийся на фронтах Русско-турецкой войны (1877–1878), верный соратник генерала М. Д. Скобелева, награжденный почти всеми орденами Российской империи и рядом иностранных, научный аналитик, плодотворный писатель, а, главное, глубоко верующий православный христианин³⁵². Возьмем на себя смелость сформулировать следующее утверждение: основополагающим качеством личности этого человека была глубокая любовь ко Господу и порожденная ею искренняя любовь к ближнему, побуждавшая генерала к милосердию в мыслях и действиях³⁵³. В 1923 году, под закат жизни, А. Н. Куропаткин пишет своему военному наставнику М. Ю. Ашебреннеру (†1926), благодаря его за высокое нравственное влияние, уроки честного, человеческого отношения к подчиненным, особенно самым низшим чинам — солдатам, в эпоху их поголовного обмана и унижения. Он подчеркивал, что, командуя армиями, не был угоден многим генералам, но точно знал: его любили солдаты за его любовь и отеческую заботу. Подтверждение этому содержится и в эпохальных воспоминаниях графа А. А. Игнатьева, ставшего невольным свидетелем знакового эпизода: когда поезд с уже смещенным генерал-адъютантом А. Н. Куропаткиным возвращался с Дальнего Востока в Россию, на

³⁵¹ Стародымов Н. Ошельмованный патриот // Военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/history/2015-07-03/8_patriot.html.

³⁵² Зуев В. Н. Генерал Куропаткин. К 150-летию со дня рождения. CIBERLENINKA. Из военной истории. С. 92.

³⁵³ Там же. С. 83.

станции Гунчжулин в Манчжурии стихийно собралась целая толпа солдат, чтобы увидеть и приветствовать своего командующего, и раненый сибирский стрелок на костылях выразил общее мнение: «Он нашего брата солдата жалел!»³⁵⁴.

В период управления А. Н. Куропаткиным Закаспийской областью в ранее полудиком и нищем краю начали строиться города, железные дороги, школы, больницы, стали развиваться земледелие, промышленность, торговля. На должности военного министра генерал Куропаткин сосредоточил усилия Военного ведомства на повышении мобилизационной готовности армии, подверг переустройству ряд органов военного управления, совершенствовал вооружение и материальную базу, улучшал армейский быт. В отношении нижних чинов он стремился к улучшению казарменного обустройства, отмене телесных наказаний. Были введены походные кухни, солдатские лавочки и чайные, утвержден новый табель довольствия в военное время. Необходимо подчеркнуть, что любой, даже великий, государственный муж не смог бы закончить преобразования армии в той цейтнотной ситуации, в какой оказалась Россия в канун Русско-японской войны: у генерала Куропаткина как военного министра было слишком мало времени.

С началом войны в 1904 году практически все военное начальство ориентировалось на проведение недолгой успешной войны, которой жаждало российское общество, кроме самого главнокомандующего, отрицавшего присутствовавшую в политических кругах мысль о пользе этой войны как средстве укрепления государства, справедливо опасаясь противоположного результата в реальных условиях политического кризиса. А. Н. Куропаткин слишком хорошо знал предел ресурсов российской армии, вынужденно вступившей в противостояние с отлично подготовленным врагом, поэтому предпочитал отступать, чтобы сохранить по возможности жизни людей. Сложившееся на театре войны двоевластие (главнокомандующего Куропаткина и наместника императора на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева) противоречило принципу единоначалия – основе воинской дисциплины и одному из важных залогов победы.

³⁵⁴ *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Том 1. Кн. 2. М.: Гослитиздат, 1959. С. 335.

Отсутствие согласованности среди командования и разобщенность русских сил привели к поражению и под Мукденом. Необходимо подчеркнуть, что выигрыши в этих битвах не принесли Японии истинной победы над Россией, армия которой оставалась грозной боевой силой. Истощенная японская армия, в последний раз воспользовавшись преимуществом своего коварного нападения, не добилась решающего победного результата. Формировавшееся деструктивными антипатриотическими кругами в России мнение о позорном разгроме в Мукдене объяснялось стремлением скомпрометировать законную государственную власть³⁵⁵. А генерал Куропаткин достойно окончил свою жизнь в 1925 году, оставшись в любимой России, с любимым народом³⁵⁶.

По обоюдному соглашению между Россией и Японией 23 августа (5 сентября) 1905 года в Портсмуте (США) был заключен мирный договор, по которому Японии передавался Южный Сахалин, Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним и предоставлялась свобода действий в Корее.

Очевиден тот факт, что в тяжелейших условиях внутреннего предательства и саботажа, благодаря горячим молитвам Русской Православной Церкви, героизму воинов Николай II сумел уберечь огромные российские территории от широкомасштабной экспансии и, хоть и на некоторое время, победить внутреннего врага, готового на фоне трудностей военного времени при поддержке Запада совершить в России революционный переворот.

Во многом благодаря руководству Военным ведомством А. Н. Куропаткина, глубоко верующего человека, понимающего значимость веры для масс военнослужащих³⁵⁷, в начале XX века институт военного духовенства стал

³⁵⁵ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Т. 1. Часть II. Переломные годы. М: Книжный клуб Книгочей, 2022. С. 307.

³⁵⁶ 21 декабря 1905 года после доклада А. Н. Куропаткина Николаю II о недостатках, выявленных войной в русской армии, на его просьбу простить и себя, и армию за то, что «мы в данный нам срок не доставили России победы», Николай II ответил: «Бог простит, но помните, что победители всегда возвращаются с венком лавровым; побежденные – с венком терновым. Несите его мужественно». Повеление императора было выполнено. Генерал Куропаткин достойно служил в должности члена Государственного совета, участвовал в Первой мировой войне, пережил Октябрьскую революцию, и продолжал трудиться – уже на ниве народного просвещения и краеведения, а также в основанной им в 1908 году в своей родовой усадьбе Шешурино сельскохозяйственной школе до своей смерти преподавал экономическую географию. Благодаря стараниям А. Н. Куропаткина была построена Шешуринская больница.

³⁵⁷ *Глушков В. В.* Военное духовенство в Русско-японской войне. К 100-летию начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. URL: http://www.club.ru/clubs/dvvpv/articles/stat_2.

неотъемлемой частью государства и армии. За пять лет, предшествовавших Русско-японской войне, была построена и открыта 51 войсковая церковь. Руководил военными пастырями в этот период первый протопресвитер военного и морского духовенства (1888–1910) Александр Алексеевич Желобовский.

На театре Русско-японской войны штаб главнокомандующего А. Н. Куропаткина размещался в особом поезде, где для отправления церковных богослужений был организован вагон-церковь, бывший резиденцией штатного руководителя военного духовенства Маньчжурской армии Полевого Главного Священника протоиерея Сергия Алексиевича Голубева, который состоял при главнокомандующем. Обязанности и права Полевого Главного Священника определялись в «Положении о полевом управлении войск русской армии в военное время»³⁵⁸.

Как и прежде в тяжелые моменты жизни государства российского, во время Русско-японской войны военное и морское духовенство стало духовной опорой армейских подразделений. При полках на фронте действовали походные церкви, устроенные из имевшихся в наличии материалов, часто в виде должным образом обставленных вместительных палаток³⁵⁹. Штатный полковой священник обладал заслуженным непререкаемым авторитетом, всегда готовый отдать жизнь на поле битвы, укрепляя воинов собственным самоотверженным примером³⁶⁰. Полковой священник ободрял слабых Словом Христовым и утешал страждущих силою Церковных Таинств³⁶¹.

Будущий протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Иванович Шавельский, ушедший добровольцем на фронт в качестве полевого священника 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Маньчжурской армии, проявил все эти качества с самого начала Русско-японской войны, разделяя со своим полком все тяготы походной жизни. Он нес христианское Слово и Дело

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Там же. (Фрагмент из воспоминаний активного участника Русско-японской войны батальонного командира подполковника В. И. Селивачева).

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Там же.

утешения и помощи и русским воинам, и сраженному противнику, с полным самоотвержением помогая и ему³⁶².

Огромное значение для выздоровления раненых и заболевших воинов, офицеров, солдат и матросов в период Русско-японской войны, как и в прежние военные кампании, имела деятельность военно-госпитального духовенства. Чтобы лучше понять разнообразие деятельности военных священников в военно-лечебных учреждениях (подвижных и постоянных), необходимо совершить краткий обзор некоторых аспектов деятельности военно-медицинской службы российской армии во время этой войны.

Существенные недостатки медицинского обеспечения российской армии, (прежде всего, отсутствие должного единства в управлении медицинским обеспечением действующих войск, не исправленные военно-медицинской администрацией с предыдущих военных кампаниях) уже в первый год войны привели к необходимости пересмотреть организацию управления военно-медицинским обеспечением и усовершенствовать штаты. Под руководством главнокомандующего были созданы новые должности: главный полевой военно-медицинский инспектор, главный начальник санитарной части – и организованы главная эвакуационная комиссия и санитарно-статистическое бюро³⁶³. На практике оказалось, что новая структура не улучшила централизацию управления военно-медицинской службой, и, как прежде, различным ее звеньям пришлось действовать несогласованно³⁶⁴. Кроме того, отсутствовала согласованность деятельности медицинских органов фронта и тыла.

Однако в ходе этой войны были внедрены значительные улучшения организации военно-медицинской службы. Временные военные госпитали на 630 коек были заменены подвижными полевыми госпиталями на 210 коек, введены

³⁶² Котков В. М., Коткова Ю. В. Г. И. Шавельский: «Деятельность моя как протопресвитера...» // Воен.-ист. журн. 2004. № 4. С. 57–60.

³⁶³ Будко А. А., Селиванов Е. Ф. Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 680.

³⁶⁴ Там же. С. 680–681.

штатные военно-санитарные транспорты и эвакуационные комиссии³⁶⁵. Крупные госпитали стали стационарными, хорошо оборудованными и способными принимать большое количество раненых и больных для различных видов лечения. Все виды госпиталей были адекватно оборудованы³⁶⁶. В ходе Русско-японской кампании наблюдалась специализация госпиталей, расположенных в тыловой зоне, в городах Харбине и Чите. Были организованы хирургические госпитали с высококвалифицированным персоналом и специальным оборудованием, а также инфекционные госпитали с бактериологическими лабораториями и необходимым дезинфекционным оборудованием. В Харбине функционировал Центральный психиатрический госпиталь Красного Креста для психиатрических больных, а в Чите – войсковая больница для душевнобольных. Подготовкой медицинского и санитарного персонала для работы с душевнобольными на театре войны взяли на себя выдающиеся военные медики профессора Императорской Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии психиатр В. М. Бехтерев и терапевт В. Н. Сиротинин³⁶⁷. В Харбине были выделены сводный госпиталь для глазных и оториноларингологических больных и сводный госпиталь для пациентов с венерическими заболеваниями.

Благодаря усилиям военных медиков и их тщательной работе, эту войну отличало отсутствие нужды в специализированных госпиталях терапевтического профиля, поскольку наблюдалось низкое количество заболевших терапевтическими, включая инфекционные, заболеваниями и отсутствие эпидемий. Во время прежних войн число жертв инфекционных заболеваний часто значительно превышало число убитых и раненых. Для острозаразных и инфекционных больных устроены отдельные госпитали; было обращено самое строгое внимание на выполнение предохранительных мер, и приводились они в исполнение весьма тщательно, настойчиво и педантично³⁶⁸.

³⁶⁵ Будко А. А., Селиванов Е. Ф. Военная медицина России в войне с Японией в 1904–1905 гг. // Воен.-ист. журн. 2004. № 6. С. 60–63.

³⁶⁶ Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году: Из наблюдений во время войны с Японией. СПб, 1907. С. 70.

³⁶⁷ Будко А. А., Селиванов Е. Ф. Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 694.

³⁶⁸ Там же. С. 688.

По общему свидетельству большинства участников этой войны, если организация лечебной помощи в целом была удовлетворительной, то этого нельзя было сказать об организации эвакуации. Как и ранее, острая нехватка испытывалась в транспорте для перевозки раненых и больных: не хватало военно-санитарных поездов, временных санитарных поездов, обыкновенных поездов, включая товарные, военно-санитарных транспортов, обозных повозок и судов. Например, в ходе мукденских сражений, в которых ранения получили до 50 тысяч человек, наше военное подразделение имело всего пять двухколесных транспортов, десять двухколесных полутранспортов, три арба-транспорта и восемь вьючных (тягловых) повозок для мулов. Все вместе они могли поднять лишь *3 тысячи* человек³⁶⁹. По отзывам подавляющего числа врачей, используемые для вывоза раненых во время боя двуколки, как и прежде, были очень неудобными и не соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Они были тесными и короткими, так что лежащему в них раненому приходилось иногда несколько часов ехать с согнутыми коленями. Несмотря на попытки натягивать в двуколках сетку, езда даже по сносным дорогам причиняла раненым мучительные страдания из-за тряски, а по плохой дороге от толчков сбивались повязки и раны начинали кровоточить.

К началу Русско-японской войны многочисленным «ответственным» так и не удалось решить задачу обеспечения процесса эвакуации железнодорожным транспортом, в частности, снабжения армии санитарными железнодорожными вагонами надлежащего качества, в которых раненые доставлялись на далекие от района боевых действий расстояния³⁷⁰. С инициативой организации военно-санитарных поездов выступило командование Московского военного округа. Уже после начала войны и Высочайшего его утверждения 24 февраля (8 марта) 1904 года было издано «Временное положение о военно-санитарных поездах», опубликованное в Приказе по Военному ведомству от 2 (15) марта того же года за № 98. Главной их задачей являлась перевозка больных и раненых, но при

³⁶⁹ Там же. С. 692.

³⁷⁰ Будко А. А., Шабунин А. В. Военная медицина России // Медицина и здравоохранение в дни войны и мира. М., 2000. С. 28–29.

необходимости они могли использоваться в качестве госпиталей на колесах. «Прибывая в Харбин или Читу, они не разгружались, подолгу стояли, играя роль запасных госпиталей. Кроме того, продвигаясь вперед к позициям, поезда иногда брали на себя функции подвижных госпиталей или главных перевязочных и сборных пунктов. Стоя иногда по несколько дней около позиций, они принимали больных и раненых прямо из частей войск или с санитарных транспортов, а во время сражений – с главных и полковых перевязочных пунктов»³⁷¹.

Для временных санитарных поездов использовались товарные вагоны, преобразованные для перевозки раненых и больных, с «теплушками». Количество таких поездов варьировалось в зависимости от потребностей, обусловленных боевыми действиями и числом нуждающихся в эвакуации раненых и больных. К 1905 году в российской армии было 24 поезда Военного ведомства и 23 поезда, организованные благодаря частной помощи.

Конечно, такие поезда были значительно хуже специальных военно-санитарных поездов как по оснащению, так и по организации обслуживания раненых и больных. «Теплушки» представляли собой наскоро собранные товарные вагоны, в которых раненых и больных приходилось размещать на тюфяках или соломе, а в случае большого количества пострадавших не всегда хватало даже таких условий. «В поезде везли свыше 700 раненых в последнем ляоянском бою. На полу обыкновенных товарных вагонов человек по 25 раненых, в том числе и очень тяжело, смертельно раненых. Ни циновок, ни соломы, какая-то труха на полу, смешанная с навозом... В поезде три военных врача-мученика и несколько фельдшеров. Я называю врачей *мучениками* (курсив – *И.Т.*) потому, что кроме страшного переутомления они испытывают нравственную муку от невозможности при таких условиях обслужить сколько-нибудь удовлетворительно всю эту массу сваленных в кучу страдальцев»³⁷².

Положение раненых и больных отягощалось еще и тем, что многие из них в зимние месяцы не имели никакой теплой одежды, страдали от холода, и у

³⁷¹ Потираловский П. П. Эвакуация в современную войну // Воен.-мед. журн. 908, апрель. С. 50.

³⁷² «Русские ведомости». 1904 г., 25 сентября (8 октября).

некоторых возникали отморожения. Во многих поездах не было ни кухонь, ни фонарей для освещения вагонов, ни лестниц для выхода из вагона. Нередко по двое суток отсутствовала даже горячая пища. Неприглядная картина возникала и тогда, когда приходилось переводить людей с одного поезда на другой. «Здесь можно было видеть тяжелые сцены, как больные и раненые в дождь, слякоть и непогоду, чуть ли не в одной рубахе, часто босиком, ковыляли по рельсам, опираясь на самодельные костыли»³⁷³.

Безусловно, возможности Российского общества Красного Креста, деятельность которого обеспечивалась крупными частными попечителями, весьма отличались от возможностей Военного ведомства, находившегося на государственном финансировании. Это касалось всех вопросов помощи раненым воинам: эвакуации, оказания врачебной помощи, снабжения лечебных учреждений. Одним из значительных достижений в ходе Русско-японской войны, что отличалось от предыдущих военных кампаний, стала разработка стратегии сотрудничества между Военным ведомством и РОКК, направленного на всестороннюю поддержку. По выражению участника Русско-японской войны лейб-медика Николая II Е. С. Боткина (святой Русской Православной церкви страстотерпец праведный Евгений врач), дружная совместная работа шла «бок о бок» до самого конца войны. РОКК развернуло целую сеть прекрасно оснащенных госпиталей и лазаретов как рядом с действующей армией, так и в тылу. Усилиями организаторов для этих госпиталей выделялись лучшие здания в том или ином населенном пункте, заработная плата персонала была больше, чем в государственных военных госпиталях³⁷⁴.

Впервые в этой войне активно участвовали и успешно справлялись с поставленными задачами «летучие отряды Красного Креста», снабженные необходимыми материалами и инструментами для перевязок и хирургических операций. В период боев они временно присоединялись к активным

³⁷³ Левин Г. Л. Отчет о деятельности военно-санитарного поезда №1 // Воен.-мед. журн. 1905 г., июль. С. 851.

³⁷⁴ Будко А. А., Селиванов Е. Ф. Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 693.

подразделениям и организовывали медпункты как можно ближе к передовой линии. Подвижные госпитали разворачивались в палатках или киргизских кибитках.

По свидетельству отчетов Главного управления РОКК, к лету 1905 года в системе РОКК на Дальнем Востоке трудились 360 врачей (среди них 11 женщин) и 1487 сестер милосердия³⁷⁵.

С первых же месяцев войны координировали и финансировали деятельность Красного Креста члены Дома Романовых. Стройную систему благотворительной помощи создали вдовствующая императрица Мария Феодоровна и великая княгиня Елизавета Феодоровна Романова. Особый комитет по оказанию первой помощи больным и раненым был создан под покровительством Марии Феодоровны, а руководство возглавила великая княгиня Елизавета Феодоровна. Комитет взял на себя полную ответственность за перевозку в Санкт-Петербург больных и раненых с Дальнего Востока и реализовал целый комплекс мер помощи участникам боевых действий и их семьям³⁷⁶. Под руководством великой княгини Елизаветы Феодоровны был создан в Кремлевском дворце склад необходимых материалов для оказания помощи раненым.

Всего РОКК за период Русско-японской войны развернуто на Дальнем Востоке 98 лазаретов Красного Креста на 23 тыс. мест, в иркутском районе – 22 лазарета на 2 465 мест; 8 дезинфекционных отрядов. РОКК создало Центральное справочное бюро о военнопленных, аналога которому в мире не было³⁷⁷. Помогало работе общества множество общественных организаций и частных лиц, все они внесли немалую лепту в организацию помощи раненым и больным воинам.

Обычно тыловые стационарные госпитали размещались вдоль железных и грунтовых дорог для обеспечения возможности эвакуации. Здесь основное внимание уделялось приему и стационарному лечению раненых и больных воинов,

³⁷⁵ Павлов Е. В. На Дальнем Востоке в 1905 году: Из наблюдений во время войны с Японией. СПб., 1907. С. 365.

³⁷⁶ Соколов А. Р., Зимин И. В. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. М., СПб.: Центрполиграф: русская тройка СПб., 2015. 604 с.

³⁷⁷ Полтора века милосердия в России. К 150-летию Российского Общества Красного Креста. Изд. Фонда содействия возрождению традиций благотворительности и милосердия «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество». 2017. Л. 5.

которые были доставлены этапами эвакуации. Основной поток пострадавших, прибывающих в ближайший крупный центр – Харбин, где было сосредоточено большинство крупных военно-сводных госпиталей, разделялся на два: в первый входили раненые и больные с надеждой на скорое выздоровление (он направлялся на восток, в район расположения госпиталей Никольской эвакуационной комиссии), другой принимал наиболее тяжело раненных, инвалидов, хронических больных и всех, кто не мог возвратиться в строй (направлялся на запад, через Читу, на Иркутскую эвакуационную комиссию). И только оттуда часть раненых и больных попадала в Москву.

С 14 (26) июня 1904 г. по 1 (13) декабря 1905 г. в Москву, по данным Московской эвакуационной комиссии, поступило 94 549 человек: офицеров раненых – 1 115, больных – 2 675; нижних чинов раненых – 28 085, больных 62 674³⁷⁸. Основная масса эвакуированных прибыла в Москву санитарными поездами из Иркутска, а небольшая часть (2 991 человека) – тремя санитарными пароходами из Перми. Пароходы «Новик», «Полезный», «Цесаревич» за две навигации сделали 17 рейсов. Из Москвы раненые и больные санитарными поездами отправлялись в Петербург, Киев, Варшаву, Нижний Новгород, Смоленск, Ярославль.

Главную часть раненых, эвакуированных в Москву из Маньчжурии, принял Московский военный госпиталь.

С началом войны, в 1904 году, как и в минувшие военные кампании, большая часть военных врачей и фельдшеров Госпиталя была мобилизована и отправлена в действующую армию. 4 госпитальных врача были назначены старшими врачами военно-санитарных поездов, в частности, ординатор доктор медицины А. А. Вевиоровский – старшим врачом Сибирского военно-санитарного поезда № 35, доктор медицины ординатор В. В. Нефёдов – старшим врачом Сибирского военно-санитарного поезда № 36³⁷⁹.

³⁷⁸ Невский Н. М. Госпиталь в начале XX столетия (1901–1917) // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 45–52.

³⁷⁹ РГВИА. Ф.1606. Оп. 11. Д. 372. Лл. 588, 595.

Как и в прошедшие военные кампании, с первых месяцев войны Госпиталь становится тыловым лечебно-эвакуационным центром. По этой причине он вновь оказался переполненным сверх штатной коечной мощности, но только в конце января 1905 года число коек в Госпитале было увеличено и доведено до 1 845, из них 1 545 были штатными. В Московский военный госпиталь обычно поступали раненые и больные, нуждавшиеся в продолжительном специальном лечении и к тому же не подававшие надежд на возможность возвращения их в строй. По данным А. Н. Алелекова, число тяжелораненых, поступивших в госпиталь с театра военных действий, только в 1905 г. составило 3 230 человек³⁸⁰.

Наряду с ранеными воинами Госпиталь был переполнен и большим количеством больных возвратным тифом, для которых, как и в годы прошедших войн, было организовано специальное отделение.

Среди общего количества больных, эвакуированных в Госпиталь, было сравнительно много лиц с расстройством психической деятельности: из действующей армии и из госпиталей Дальнего Востока и Сибири в психиатрические отделения Госпиталя было отправлено более 86% от общего числа психически больных. За три года через психиатрические отделения Госпиталя прошло примерно 2 000 пациентов, что содействовало научным исследованиям врачей Госпиталя в области психических расстройств у военнослужащих (А. И. Озерецковский «О душевных заболеваниях в связи с русско-японской войной»; М. О. Шайкевич «К вопросу о душевных заболеваниях в войсках в связи с японской войной» и др.), во многом помогавших совершенствованию лечения. Итоги лечебно-эвакуационной работы стали предметом обсуждения на организованном в период Русско-японской войны II съезде отечественных психиатров (1905), где впервые было выдвинуто и одобрено предложение врача-психиатра Московского военного госпиталя М. О. Шайкевича о необходимости концентрации психически больных в одном месте, так как только крупные психиатрические отделения «способны выявить специфические

³⁸⁰ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 638.

профессиональные заболевания в армии как в мирное, так и в военное время и ... бороться с ними»³⁸¹.

Напомним, что два психиатрических отделения Госпиталя располагались в «церковном» корпусе, в центральной части которого находился домовый храм Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, и пациенты психиатрических отделений всегда были рядом с госпитальным священником протоиереем Арсением Копецким, который мог служить им как «скорая милосердная помощь» в наиболее тяжелых случаях, облегчая их душевное состояние.

В годы Русско-японской войны работой психиатрических отделений Госпиталя руководил выдающийся специалист-психиатр доктор медицины Алексей Иванович Озерецковский, трудившийся в Госпитале с 1878 года, глубоко верующий человек, представитель древнего российского священнического рода Озерецковских³⁸². Благодаря А. И. Озерецковскому, выступавшему за милосердное обращение с душевнобольными и предложившему свой проект «специального мягкого костюма», одобренный В. М. Бехтеревым, Военно-медицинский ученый комитет, основываясь на его заключении, отменил употребление «смирительных камзолов» в системе военно-психиатрических лечебных учреждений.

Всего же за два года войны (1904, 1905 гг.) в Госпитале было пролечено около 50 тыс. больных и раненых (по данным главного врача Н. И. Якимова, до 55 тыс.³⁸³). За самоотверженный труд по их спасению 116 сотрудников были награждены медалями Красного Креста «В память русско-японской войны 1904–1905 гг.»³⁸⁴. Пока не обнаружены документы о работе врачей, фельдшеров и штатных сестер милосердия Госпиталя на полях сражений Русско-японской войны, но уповаем, что будущие исследования будут поступательно уменьшать

³⁸¹ Охрименко Н. Н. Развитие психиатрии, невропатологии, рентгенологии, радиологии и патологоанатомической работы // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н.Л. Крылова. М., 1985. С. 214–237.

³⁸² РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 6566. Лл. 772–777.

³⁸³ Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 666.

³⁸⁴ Максимов И. Б., Овчинникова М. Б. Московский госпиталь в XIX — начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX — начале XX вв. Сб. в 2 т. Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2011. С. 107–108.

количество «белых пятен» в обширной истории деятельности старейшего российского государственного стационарного лечебного учреждения.

Раненые и больные продолжали поступать в большом количестве и в послевоенные годы.

Практически все ведущие специалисты, назначенные в Госпиталь по окончании войны, до 1920-х – 1930-х годов являлись участниками Русско-японской войны, став для персонала примером воинской доблести, высокого врачебного искусства и личного мужества³⁸⁵. Среди них выдающиеся ученые, клиницисты, хирурги и организаторы военной медицины, такие как Михаил Михайлович Дитерихс, который в 1930–1934 годах руководил хирургической службой Госпиталя. Он прославился своим вкладом в медицину, работая в том числе врачом-хирургом в Кауфмановской общине Красного Креста в Никольск-Уссурийске в 1904–1906 годах и старшим врачом лечебницы и амбулатории одесской Касперовской общины сестер милосердия после войны. Еще одним выдающимся ученым, который возглавлял хирургическую службу Госпиталя, был генерал-полковник медицинской службы Николай Нилович Бурденко (выпускник Пензенского духовного училища и Пензенской духовной семинарии; добровольцем-студентом медицинского факультета Юрьевского университета в 1904 году работал помощником врача в санитарном отряде Красного Креста под руководством профессора В. Г. Цеге-Мантейфеля; он был контужен и получил солдатский Георгиевский крест IV степени за отвагу, проявленную в боях, за мужество и самоотверженность при оказании помощи раненым под огнем противника). Главный хирург Госпиталя полковник Николай Алексеевич Богораз, который учился на медицинском факультете Томского университета, принимал участие в хирургической помощи раненым во время войны. Пациенты высоко ценили внимание и заботу, которые хирург проявлял к их страданиям; лишившись в 1920 году обеих ног, он сумел восстановиться, став символом личного мужества

³⁸⁵ Злобин А. Р. Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь. М., 1943. С. 23–46.

и уникальным хирургом, основоположником реконструктивно-восстановительной хирургии.

В «Автобиографических записках» Н. Н. Бурденко отмечал косность строевого начальства, неорганизованность дела по оказанию первой помощи раненым, подчеркивая, что несмотря на то что это были печальные страницы истории, они помогли ему спустя много лет в научно-исследовательской работе и в решении организационных вопросов санитарного дела на войне³⁸⁶. За этими «печальными страницами» – гибель под Мукденом 25 тыс. раненых, при Шахэ – 5 тыс. человек, что навсегда оставили след в памяти будущего врача, который восхищался выносливостью русского солдата в боях и именно здесь, на Дальнем Востоке, решил связать свою судьбу с военной медициной.

Как уже говорилось, подрывными силами, целью которых являлось разрушение основ существования российского государства, в годы Русско-японской кампании усиленно внедрялось в обществе мнение о равнодушии православного духовенства к событиям, происходящим в отдаленной Маньчжурии. Это опровергается множеством документальных свидетельств участников войны, ставших свидетелями героического труда на фронте военных пастырей³⁸⁷.

Безусловно, как и в предыдущих военных кампаниях, военный священник остался духовной опорой и милосердным другом и для персонала больших и малых перевязочных и эвакуационных пунктов, лазаретов, госпиталей, и для получивших ранения воинов. Его присутствие, подкрепленное силой Благодати Божией, всегда было действенно.

Потомки терапевта Госпиталя Иосифа Александровича Белиловского – участника Русско-японской и Первой Мировой войн – передали в медицинский музей Госпиталя личные вещи и 72 подлинные фотографии, где запечатлены фронтовые будни и редкие моменты отдыха медицинского отряда, военно-санитарные поезда, работа врачей с личным составом и ранеными. И практически

³⁸⁶ Бурденко Н. Н. Автобиографические записки // В кн.: Багдасарьян С. М. Материалы к биографии Н. Н. Бурденко. М.: АМН СССР, 1950. 152 с.

³⁸⁷ Нечаев М. Г. Помощь уральского духовенства действующей армии в годы Русско-японской войны // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 4. С. 46–47.

на каждой фотографии рядом с врачами, фельдшерами и сестрами милосердия отряда находится военный священник³⁸⁸. К сожалению, история не сохранила его имени, но есть надежда, что при публикациях откликнутся его потомки.

В начале XX века храмы Госпиталя входили в благочиние московских военно-неподвижных церквей, которое возглавлял настоятель храмов Госпиталя (1895–1919) военный священник протоиерей Арсений Копецкий³⁸⁹. Родился отец Арсений 18 (30) октября 1846 года в семье священника Тверской губернии, в 1869 году окончил Тверскую духовную семинарию со званием студента. 23 июня (5 июля) 1872 года был рукоположен в полковые священники 159-го пехотного Гурийского полка. С 26 июня (8 июля) 1877 года по 20 сентября (2 октября) 1878 года находился «в походах и военных делах против турок»³⁹⁰. 14 (26) июля 1895 года отец Арсений был определен в Московский военный госпиталь, ставший более чем на два десятилетия гостеприимным домом для него и его многочисленного семейства.

Немаловажен тот факт, что в конце XIX – начале XX века простой русский народ уже не был глубоко религиозен, по свидетельству официальных источников, в некоторых местах почти 70% из поступающих в полк не только не знали молитв, но и не имели никакого представления о религиозных началах. Военному духовенству приходилось учитывать эту особенность при работе с призванными в армию, приобщая к Церкви, воспитывая их душу³⁹¹.

Как отмечалось выше, и в периоды войн, и в мирное время в Московском военном госпитале духовная жизнь являлась неотъемлемой частью лечебного процесса. «Госпитальные палаты были большие (на 20-50-100 человек), с асфальтированными полами. ... Утром, перед обедом и на ночь все отделение выстраивалось и пело молитвы»³⁹². В обязанности отца Арсения входило

³⁸⁸ Фотографии из семейного архива И. А. Белиловского 1904–1905 гг. в настоящее время являются достоянием медицинского музея Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко.

³⁸⁹ *Капков К. Г.* Памятная книга военного и морского духовенства XIX – начала XX вв. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. С. 637.

³⁹⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 109. Л. 129 об.

³⁹¹ Там же.

³⁹² *Злобин А. Р.* Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I. 1907–1942 гг. // Краткая история Московского Коммунистического

исполнение Таинств Церкви, например, исповеди у личного состава численностью в несколько тысяч человек, проводимой Великим постом согласно исповедным спискам, составленным главным врачом, которому подчинялся медицинский и фармацевтический персонал Госпиталя с их семьями, проживавшими на территории Госпиталя, и смотрителем Госпиталя, который руководил работой сотрудников хозяйственных подразделений, также с семьями каждого из них. Священник отправлял ежегодный отчет в вышестоящие инстанции о проведенных исповедях, в обязательном порядке зафиксированных в исповедальных книгах.

Совместно со своими помощниками (госпитальными ктиторм и старостой) протоиерей Арсений занимался благоустройством госпитальных храмов Святых первоверховных апостолов Петра и Павла в «церковном» корпусе, в честь Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в главном корпусе и в честь Святителей московских митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа при отделении на Введенских горах.

С 5 (17) октября 1902 года по октябрь 1917 года протоиерей Арсений Копецкий служил в должности благочинного военно-неподвижных церквей в г. Москве, куда наряду с госпитальными храмами входили церковь при Московской военной тюрьме, церковь Измайловского инвалидного дома и церковь 6-й саперной бригады³⁹³. Обладая немалым опытом полкового благочинного (4 (16) июля 1879 года – 14 (26) июля 1895 года), он мудро исполнял обязанности ближайшего руководства и наблюдал за подведомственными им военными церквями и духовенством.

Во время служения в полку, с 1883 по 1888 годы, дополнительно к вышеуказанным обязанностям на протоиерея Арсения Копецкого было возложено послушание преподавания Закона Божьего в Оренбургском городском ремесленном училище, поэтому он имел навыки просветительской деятельности, столь необходимые при пастырском служении в военных лечебных учреждениях,

военного госпиталя. М., 1943. С. 32. (Воспоминания ветерана Госпиталя, трудившегося в нем с 1902 по 1947 годы патологоанатома генерал-майора медицинской службы А. Р. Злобина).

³⁹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 109. Л. 129 об.

где и персонал, и пациенты, и насельники военных богаделен нуждались в пастырском слове, просвещенном Светом Евангельской истины.

К 1906 году протоиерей Арсений Копецкий имел следующие награды: 30 апреля (12 мая) 1875 года он получил в награду набедренник; 14 (26) декабря 1877 года – орден Святой Анны 3-й степени с мечами; 30 июня (12 июля) 1878 года – орден Святого Владимира 4 степени с мечами; серебряную медаль на Андреевско-Георгиевской ленте за участие в войне с Турцией (1877–1878 гг.); 14 (26) ноября 1879 года – скуфью; 17 (29) июня 1882 года – камилавку; 29 апреля (11 мая) 1889 года – благословение Святейшего Синода; 15 (27) мая 1892 года – наперсный крест, выдаваемый от Св. Синода; 15 (27) мая 1895 года был рукоположен в сан протоиерея; 5 (17) ноября 1895 года награжден крестом с украшением; в 1896 году – серебряной медалью на Александровской ленте в память императора Александра III и серебряной медалью на Андреевской ленте в память священного коронования императора Николая II.

Одним из важнейших аспектов духовной деятельности протоиерея Арсения во время Русско-японской войны в Госпитале и в военно-неподвижных церквях, находящихся под его руководством в г. Москве, в качестве благочинного была помощь московскому отделению Российского общества Красного Креста: в организации складов, приеме и распределении благотворительных пожертвований раненым и больным воинам и военным инвалидам; поиске родственников раненых и больных; отправке воинов после лечения до мест служения, а в случае их инвалидизации – до мест жительства или определения в военные богадельни. За усердную пастырскую и благотворительную деятельность протоиерей Арсений Копецкий был награжден 6 (18) мая 1905 года орденом Святой Анны 2-й степени и серебряной медалью за участие в деятельности Красного Креста в войну с японцами 1904–1905 гг., 31 мая (12 июня) 1906 года – наградным знаком Красного Креста.

Одним из важных видов пастырской деятельности протоиерея Арсения являлась проповедническая деятельность среди пациентов-воинов, значительно усилившаяся во время войны – о патриотизме, о преданности царю и Родине; для

коллектива Госпиталя и помощников-волонтеров – о самоотверженном служении Отечеству и болящему воинству, о помощи кто чем может в годину тяжелых испытаний.

Отдельным видом пастырской деятельности протоиерея Арсения Копецкого было духовное руководство трудившимися в Госпитале сестрами милосердия, как штатными, так и представительницами различных московских общин. На начало 1904 года в подразделениях Госпиталя трудилась 31 штатная сестра милосердия (их число было увеличено в 1900 году вдвое). Все штатные сестры милосердия проходили обязательную серьезную медицинскую подготовку и трудились в Госпитале как операционные, процедурные, палатные сестры, а также несли дежурство по кухне³⁹⁴. Как подчеркивалось в поздравительном приветствии Придворной медицинской части к 200-летнему Юбилею Госпиталя в 1907 году, в период Русско-японской войны Госпиталь стал «центром, в котором находили успокоение и облегчение раненые русские воины последней войны. И на этот раз Госпиталь с честью справился с выпавшей на его долю тяжелой заботой. Он не только широко открыл свои двери для чаявших от него помощи, иногда даже спасения, но и явился в качестве распределительного учреждения, направлявшего больных и раненых по частным лазаретам, возникшим в Москве и других городах под покровительством Великой княгини Елизаветы Феодоровны и действовавшим в эту трудную для России годину»³⁹⁵.

Безусловно, 31 сестра на 2–3 тыс. находившихся на лечении в Госпитале раненых и больных – это было крайне мало. По этой причине, как и в годы Русско-турецкой войны, Госпиталь привлекал в помощь штатным сестрам сестер милосердия из московских общин. Несмотря на то что многие архивные документы утрачены, особенно связанные с деятельностью патронируемого императорским Домом Романовых Российского общества Красного Креста, госпитальными

³⁹⁴ Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 229–242.

³⁹⁵ Аделеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 684–685.

исследователями в Российском военно-историческом архиве были обнаружены финансовые отчетные ведомости Госпиталя, в которых зафиксированы факты передачи денежного вознаграждения сестер милосердия ряда московских общин³⁹⁶.

Продолжала активно сотрудничать с Госпиталем Александровская община сестер милосердия «Утоли Моя Печали», в начале XX века представлявшая собой самоуправляемое учреждение. В различных отделениях Московского госпиталя продолжали нести постоянное дежурство и сестры Епархиальной Владычне-Покровской общины милосердия. Так, в сохранившихся в архивах финансовых отчетных ведомостях Госпиталя зафиксировано перечисление госпитальных средств Владычне-Покровской общине для выплаты ежемесячного жалования сестрам милосердия «235 руб. 00 коп.»; во время Русско-японской войны и в последующие годы сестрам милосердия выплачивали дополнительные средства «по военным обстоятельствам»³⁹⁷. Сестры, работавшие в психиатрических отделениях Госпиталя, получали ежемесячное жалованье, скорее всего, зависящее от количества больных, находившихся в отделении³⁹⁸.

С началом Русско-японской войны Госпиталь начал призывать сестер из Александринской общины милосердия, основанной в 1888 году (Москва, ул. Писемского, д. 9), для оказания помощи больным и раненым воинам. Эти сестры подчинялись комитету «Христианская Помощь»³⁹⁹. При общине было организовано убежище для бывших сестер милосердия Красного Креста. Основателями Комитета были супруги Вишневские – гвардии полковник А. Н. Вишневский и А. П. Вишневская, урожденная княжна Оболенская.

Активное и действенное участие в помощи раненым воинам, находившимся на лечении в Госпитале в тяжелые годы войны, принимали сестры Иверской общины милосердия Красного Креста, помогая больным обрести крепость духа и силы. В своей поздравительной телеграмме к командованию госпиталя по случаю празднования 200-летнего юбилея Московского госпиталя (1907) великая княгиня

³⁹⁶ РГВИА. Ф. 1714. Оп. 1. Дд. 78, 81, 83, 90.

³⁹⁷ Там же. Д. 78. Л. 36.

³⁹⁸ Там же. Дд. 78, 83, 90.

³⁹⁹ *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907. С. 702.

Елизавета Феодоровна выразила благодарность сотрудникам Госпиталя за тепло и заботу, которые они оказывали сестрам из Иверской общины, долгие годы трудившимся под руководством персонала Госпиталя. Она также выразила признательность сестрам милосердия за самоотверженное сотрудничество с Госпиталем во время Русско-японской войны⁴⁰⁰. «Не могу не вспомнить с глубокой благодарностью Вашего теплого отношения к работавшим в госпиталях сестрам Иверской общины, – обращается к командованию Московского госпиталя флигель-адъютант В. Ф. Джунковский, – да поможет Вам Бог и пошлет много сил Вам и всем Вашим дорогим сотрудникам на продолжение Вашей дружной совместной работы»⁴⁰¹.

В поздравлении от 21 ноября (3 декабря) 1907 года с 200-летним юбилеем Госпиталя от Иверской общины сестер милосердия Красного Креста подчеркивалось, что они гордятся своим десятилетним участием в плодотворной работе Госпиталя⁴⁰². Духовником общины с 1905 г. был священномученик Сергей Махаев (в 1937 году расстрелян на полигоне НКВД в Бутове). «Из жизни мира никогда нельзя вычеркнуть такое великое, яркое, историческое явление, как самоотверженная любовь... Она есть чудо и радость мира», – писал отец Сергей в предисловии к своей книге о русских подвижницах – сестрах милосердия⁴⁰³. По свидетельству старейших сотрудников московской детской больницы неотложной помощи № 20 (ул. Малая Якиманка, д. 17), работавших вместе с сестрами Иверской общины после 1917 года, они были особенные. Никогда не оставляли больного, если он в чем-то еще нуждался, даже если рабочий день уже давно закончился – это для них не имело значения⁴⁰⁴.

На примере Госпиталя очевидно, и это подтверждалось данными санитарных отчетов руководителей отделений РОКК, что работа в госпиталях тыла была

⁴⁰⁰ Там же. С. 678.

⁴⁰¹ Там же. С. 713.

⁴⁰² Там же. С. 702.

⁴⁰³ *Священник Сергей Махаев. Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия: (краткие биографические очерки)* / С. К. Махаев. М., 1914. С. 4–6.

⁴⁰⁴ *Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 242.*

значительно тяжелее, чем на фронте, по причине их чрезвычайной переполненности. Несмотря на это, практически все сестры милосердия, особенно волонтеры, стремились на фронт, на передовую. Эти мысли только отвлекали их и мешали спокойно исполнять свой долг в том месте, куда их назначили⁴⁰⁵.

Из-за остававшихся в России в конце XIX – начале XX веков жестких сословных ограничений одним из печальных результатов которых был, в частности, недостаточный уровень женского образования, к началу Русско-японской войны РОКК не смог обеспечить достаточное количество сестер милосердия, которые бы работали как на фронте, так и в тылу. После начала войны, ввиду резкого дефицита женских кадров, общины сестер милосердия вынуждены были свести к минимуму требования к поступающим на обучение. Были разработаны различные формы подготовки сестер, от 6 недель до 4 лет. Таким образом, уровень образования сестер был очень различен – от малограмотных до выпускниц зарубежных университетов. И качество работы сестер милосердия, особенно волонтерок, зависело от их общего уровня образования: кратких курсов (1,5–3 месяца) было, безусловно, недостаточно для подготовки медиков-профессионалов. По сравнению с другими хорошо подготовленными оказались сестры Санкт-Петербургских Евгениевской и Кауфманской общин милосердия, имевшие общее среднее образование. Врачи не имели возможности заранее узнать о поступающих к ним сестрам для оптимального распределения тех по рабочим местам, и бывало, что сиделке поручались обязанности фельдшера, а профессиональные фельдшерицы в военно-санитарных поездах занимались кормлением больных, вещевым довольствием и другими неквалифицированными занятиями.

Заметим, что в Военном ведомстве даже в начале XX века оставалось предубеждение против сестер милосердия, которых, как они считали, вообще нельзя было допускать во фронтовые госпитали или военно-санитарные транспорты ввиду их полной профессиональной недееспособности или, что еще

⁴⁰⁵ Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: Свято-Димитриевское училище сестер милосердия, 2001. С. 151. (Отчет главного уполномоченного Красного Креста П. Кауфмана.)

хуже, вероятности плохого морального влияния на личный состав — воинов-мужчин. «Не сестра милосердия та, в чьей душе много места для женщины»⁴⁰⁶, — эта выдержка из приказа ярко иллюстрирует неуважительное отношение военных чиновников к сестрам, пренебрежение их способностью отдавать тепло и заботу, столь необходимые раненым и больным.

И вновь женщинам-медикам приходилось отстаивать свое право на действенное милосердие, совершая истинные подвиги ради раненых и больных. Самая большая нагрузка выпадала на долю сестер, трудившихся в государственных военно-лечебных учреждениях Военного ведомства, которые в штатном отношении, конечно, уступали частно финансируемым учреждениям РОКК. Так, в плавучем лазарете РОКК «Монголия» 200 раненых обслуживались пятью врачами, 11 сестрами и 50 санитарями, а на госпитальном пароходе «Казань» Военного ведомства на 1 000 больных приходилось лишь две сестры из Евгениевской и Касперовской общин милосердия⁴⁰⁷. Именно о таких сестрах милосердия писал участник Русско-японской войны граф (а впоследствии советский генерал-лейтенант) А. А. Игнатьев, надолго сохранивший благодарную память о сестре, которая ухаживала за ним в санитарном поезде — русской женщине, вкладывающей всю свою душу в служение страждущим воинам⁴⁰⁸. Всего в Русско-японскую войну около двух тысяч женщин трудились в военно-лечебных учреждениях.

Важно отметить, что, в отличие от Крымской (1853–1856 гг.) и даже Русско-турецкой (1877–1878 гг.) войн, никаких религиозных требований и ограничений на сестер не возлагалось, что породило в Русско-японскую войну кризис сестринского движения. Некоторые вольнонаемные сестры милосердия принимали участие в митингах в связи с революционными событиями. В городах, где располагались тыловые госпитали, начались беспорядки. Не подготовленные к испытаниям в миру, не укрепленные духовно сестры стали небрежно относиться к своему делу помощи раненым и больным воинам⁴⁰⁹.

⁴⁰⁶ Там же. С. 149.

⁴⁰⁷ Там же. С. 149–150.

⁴⁰⁸ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Том 1. Кн. 2. М.: Гослитиздат, 1959. С. 261.

⁴⁰⁹ Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия, 2001. С. 164. (Из воспоминаний сестры милосердия А.М. Григоровой.)

Начиная с 1887 года Япония активно участвовала в деятельности международного общества Красного Креста. Если, например, Турция в течение Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) не всегда соблюдала нормы международного права и не оказывала помощь раненым пленным, то японский Красный Крест организовывал медицинскую помощь и подготовку сестер милосердия. В общины сестер милосердия принимали незамужних обеспеченных женщин в возрасте от 17 до 30 лет, ростом не ниже 1 м 37 см. Их специальная подготовка длилась три года, после присяги сестры давали обязательство служить Красному Кресту в течение 15 лет. Уход за больными в Японии не требовал определенных религиозных воззрений: буддийские монахини, в частности, никогда этим не занимались.

В годы Русско-японской войны около 3 тыс. сестер милосердия из японских общин оказали помощь около 6,5 тыс. русских пленных. В частности, при спешном отступлении российских войск из Мукдена в феврале 1905 года «за недостатком перевозочных средств и при большом наплыве раненых, около тысячи раненых, находившихся в Крестовоздвиженском, Лифляндском и графини Шуваловой лазаретах и в военном госпитале, не могли быть вывезены ... и были захвачены японцами. С ними осталась часть медицинского персонала»⁴¹⁰.

В Московском военном госпитале, как уже отмечалось в Главе 1, во время всех войн лечились пленные. В медицинском музее Госпиталя хранится редкий экспонат — эполет японского генерала, попавшего в российский плен и доставленного в Госпиталь на лечение. Спасти его жизнь не удалось, и он был похоронен на Семёновском военном кладбище. Забота о военнопленных также ложилась на плечи медицинского персонала и священнослужителя.

Из вышеизложенного следует, что в годы Русско-японской войны военные пастыри Русской Православной Церкви и сестры милосердия внесли весомый вклад в обеспечение духовной и социальной помощи военным служащим Российской армии, медицинскому персоналу, раненым и больным воинам.

⁴¹⁰ Павлов Е. В. На Дальнем Востоке в 1905 году: Из наблюдений во время войны с Японией. СПб, 1907. С. 371. (Воспоминания лейб-хирурга, участника Русско-японской войны.)

Своими стараниями они облегчали тяжелый труд военных врачей, которые скромно, честно и с глубоким сознанием служебного долга несли свою службу⁴¹¹. В полной мере это справедливо и в отношении всего персонала Госпиталя – врачей, фельдшеров, сестер милосердия, гражданских чинов и их духовных наставников – военных священников, которых окормлял штатный священник Госпиталя благочинный московских военно-неподвижных церквей протоиерей Арсений Копецкий.

2.2. Пастырское и социальное служение в деятельности Московского военного госпиталя с 1914 по 1917 год

У русского народа Первая мировая война (1914–1917 гг.) (далее по тексту – Первая мировая война) получила название «германской», а в советской исторической науке – «империалистической». После объявления Германией войны России наша страна была ввергнута в адскую пучину мирового кровопролития. В тяжелейших условиях нехватки вооружения, разгара в тылу революционных событий солдаты и офицеры русской армии, мужественно шедшие навстречу врагу, подвергались осуждению и насмешкам. Всего Россия потеряла в Первой мировой войне более миллиона жизней. Это вновь было сражение за Родину, ее независимость и суверенитет; борьба за существование братского сербского народа, а следовательно – за Православие! Те, кто жизни свои положил на алтарь Отечества, не несут вины, что Родина не дошла до победы⁴¹².

К 1914 году выросла угроза мирового противостояния между двумя империалистическими блоками – Антантой (Англия, Франция, Россия) и Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) – за ресурсы и рынки

⁴¹¹ Санитарно-статистический отчет «Война с Японией 1904–1905 гг.» (1914). См.: Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1946. Т. 1. Стб. 1023–1026.

⁴¹² *Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл*. Слово после заупокойного богослужения о упокоении героев Первой мировой войны литии, отслуженной им в Мемориально-парковом комплексе героев Первой мировой войны, расположенном на месте московского Братского кладбища / URL: pravoslavie.ru/72713.html

сбыта. В этом глобальном противостоянии Россия выступала в качестве сдерживающей силы против экспансионистских устремлений Германии, Австро-Венгрии и Турции. Англия и Франция, союзники России в рамках Антанты, пытались пропагандировать либерально-демократическую идеологию для установления «нового мирового порядка» путем уничтожения альтернативной русской цивилизации. Они стремились к столкновению и ослаблению трех главных консервативных монархий – России, Германии и Австро-Венгрии.

Главной целью внешней политики России перед началом Первой мировой войны было обеспечение свободного доступа к Средиземному морю. В отличие от других стран, Россия не стремилась к войне и не имела агрессивных планов захвата.

Поводом к началу войны – острой обстановки на Балканах – стало событие, когда 28 июня (10 июля) 1914 года боснийский студент Гаврила Принцип убил наследника австро-венгерского трона эрцгерцога Франца Фердинанда в городе Сараево. Австро-Венгрия объявила войну православной Сербии 28 июля (9 августа) 1914 года и начала бомбардировку Белграда. 30 (11) июля 1914 года Россия объявила всеобщую мобилизацию, а 1 (13) августа Германия объявила войну России. Спустя два дня Германия объявила войну Франции, а через день после этого Великобритания вступила в войну. Так началась Первая мировая война. Впоследствии Италия переходит на сторону Антанты, а Турция (1914) и Болгария (1915) присоединяются к союзу Германии и Австро-Венгрии. Так Болгария, освобожденная русскими войсками в 1878 году и подарившая ей независимость от турецкого ига, отплатила России черной неблагодарностью (что повторится еще не раз в XX – начале XXI в.). В войне принимали участие 38 государств с населением в полтора миллиарда человек, что составило 67% населения земного шара. Было убито 10 миллионов и искалечено до 20 миллионов человек.

Работы военных историков единодушно свидетельствуют, что император Николай II до последнего стремился избежать военного столкновения^{413 414}.

⁴¹³ Император Николай II как военный деятель России в период Первой мировой войны. Часть 1 // Военное обозрение. 17 апреля 2017. URL: <https://topwar.ru/113354-imperator-nikolay-ii-kak-voennyy-deyatel-rossii-v-period-pervoy-mirovoy-voyny-chast-1.html?ysclid=m0benj0w3275172971>

⁴¹⁴ См., например: *Мультипли П. В.* Император Николай II: трагедия непонятого самодержца. М., 2018.; *Фирсов С. Л.* Николай II. М., 2010.

Российская армия находилась к 1914 году в процессе реорганизации. Готовясь к войне, правительство наметило «Большую военную программу» перевооружения и увеличения российских сухопутных и военно-морских сил, которая была рассчитана на несколько лет и должна была завершиться к 1917 г. Главной целью этой программы было численное увеличение пехоты, артиллерии и стрелкового вооружения. В мирное время российская армия достигала численности до 1,4 миллиона человек, и с августа 1914 года, с начала войны, была развернута до 5,5 миллиона. Из-за продолжительности и исключительных масштабов военных действий все планы генерального штаба России о завершении военных операций к декабрю 1914 года оказались непригодными. Армия столкнулась с серьезным дефицитом оружия и материального обеспечения.

В «Высочайшем манифесте» Николая II от 26 июля (7 августа) 1914 года прозвучал призыв о спасении Отечества. В нем подчеркивался чуждый захватническим помыслам дух российской армии – защитницы достоинства и безопасности государства, – преданность Богу и государю⁴¹⁵. Последние строки Манифеста «И да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце. Соединитесь все, со крестом в сердце и с оружием в руках, и никакие силы человеческие вас не одолеют!»⁴¹⁶ – из обращения императора Александра I к народам России в 1812 году.

Как и в былые времена, сражение с сильным врагом начиналось с благословения Русской Православной Церкви. За победу русского оружия над силами зла, как и сотни лет назад, молился весь христианский и славянский мир. Да и сама война воспринималась русским народом как праведная война за Веру Православную, Матерь Святую Церковь и Отечество. В первые же дни войны Святейший Синод обратился с посланием к верным чадам Православной Церкви, где молитвенно укреплял их и призывал встать на битву за государя, за честь и величие Отчизны. Николай II, обращаясь в Николаевском зале Зимнего дворца к представителям армии, флота, гвардии и духовенства, подчеркнул сакральный

⁴¹⁵ Манифест Николая II от 26 июля 1914 г. // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. С. 126.

⁴¹⁶ Военная галерея Зимнего дворца: Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Т. 1. СПб., 1845. С. 11.

характер участия России в войне как защитницы Православия в братских странах. Православная Церковь с первых дней войны непрестанно возносила молитвы ко Господу о сохранении русского воинства и даровании венца Вечного Царствия павшим в честном бою⁴¹⁷.

На начало 1914 года в ведомстве протопресвитера было не менее 840 храмов при 766 священниках и 121 диаконе⁴¹⁸. К осени 1917 года их число достигло 5 тыс. при численности вооруженных сил 5 460 955 человек.

Военно-духовное ведомство было переведено на штат военного времени. Святейший Синод обратился с призывом к монастырям, церквам и всей православной пастве оказать помощь раненым и больным воинам, солдатским семьям. Во всех подходящих помещениях в духовных учреждениях организовывались лазареты; в монастырях началась подготовка сиделок для ухода за ранеными.

Деятельность Военного духовенства с 1911 года возглавлял протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Иванович Шавельский, имевший богатый опыт пастырской деятельности в годы Русско-японской войны. Вступив в должность, он стал активно изменять и реформировать институт военного духовенства⁴¹⁹. Перед началом Первой мировой войны, в период с 1 (13) по 10 (22) июля 1914 года, прошел первый Съезд военного и морского духовенства, организованный по инициативе Г. И. Шавельского. Работа съезда внесла изменения в «Положении об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств», которые включали в себя создание новых должностей окружных главных священников, корпусных и местных благочинных военного и морского ведомств. В период военных действий была создана полевая канцелярия при протопресвитере с целью оперативного руководства и координации деятельности духовенства армии и флота. Он должен был входить в состав штаба верховного главнокомандующего, имел право присутствовать на военном совете и

⁴¹⁷ «Русь православная». 1914. № 68. / URL: http://wwi.rhga.ru/sobi/1914/detail.php?ELEMENT_ID=1932.

⁴¹⁸ Капков В. Г. Памятная книга военного и морского духовенства XIX – начала XX вв. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. С. 105.

⁴¹⁹ Кострюков А. А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны // Журнал Московской Патриархии. Июль 2014. №7. С. 66–71.

представлять особо важные вопросы напрямую верховному главнокомандующему. Ближайшими помощниками протопресвитера являлись главные священники фронтов, избравшиеся протопресвитером и назначавшиеся Святым Синодом⁴²⁰. Как подчеркивал Г. И. Шавельский, во время военных действий роль военного пастыря становится еще важнее, ответственней и плодотворней.

Благочинные, избравшиеся духовенством корпуса или района из протоиереев или священников того же корпуса (района) на срок 5 лет и утверждавшиеся на должности протопресвитером, делились на корпусных и местных. Корпусные благочинные обеспечивали контроль над церквями всех частей корпуса, их духовенством, а также ктиторами и церковными старостами. Местный благочинный отвечал за подвижные военно-морские церкви своего района и их клир⁴²¹. Дивизионные благочинные выполняли функции вспомогательных органов управления военным духовенством, обеспечивая связь между высшей военно-духовной властью и подчиненным военным духовенством. Они следили за состоянием церквей дивизии, организовывали обучение Священному писанию в учебных отрядах и рассматривали жалобы от военных и гражданских лиц.

Во время войны в тылу, в особенности в городах, оказалось скопление различных воинских частей, учреждений, священники которых не имели надзора благочинных, не были объединены в работе, что создавало много трудностей даже для военного начальства. Для таких населенных пунктов протопресвитером были учреждены должности гарнизонных благочинных, которые отвечали за работу священников этого гарнизона перед духовным и военным начальством⁴²². Остальная часть военного духовенства состояла из полковых священников, которые назначались протопресвитером и подчинялись благочинным, в их духовном управлении находился полк.

⁴²⁰ Утигенова А. Р. Военное духовенство на фронтах Первой мировой войны. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervoj-mirovoj-vojny>.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же.

По причине падения дисциплины в армии в 1916 году была введена новая должность «военные священники-проповедники», назначавшиеся в каждую армию. Их задачей являлось чтение проповедей нижним чинам. На эту должность назначались наиболее талантливые пастыри, самые выдающиеся священники со всей России⁴²³.

Участниками съезда был принят очень важный и необходимый документ – инструкция-памятка для военного духовенства, определявшая обязанности каждого пастыря на театре военных действий. На второй день после начала войны она была разослана в войска. Наряду с общеизвестными обязанностями на священника были возложены и другие обязанности. Полковые и бригадно-артиллерийские священники обязаны были во время боевых действий находиться на передовом перевязочном пункте – месте первичного скопления раненых, при необходимости, пастырь должен был идти «в окопы и даже за окопы, если этого требует дело»⁴²⁴.

Военные священники занимались уборкой с поля боя убитых и раненных и уведомлением родственников погибших воинов. Несмотря на опасность вражеского огня, они спасали и эвакуировали раненых с полей сражений. «Всех священников... оставляющих во время боя убитых без погребения, умирающих без напутствия... – всех таких священников буду считать не желающими выполнять свой священный долг, преступниками перед Богом и Родиной»⁴²⁵, – указывалось в директиве протопресвитера Г. И. Шавельского № 558, изданной в октябре 1914 года.

При отсутствии действующего храма в месте дислокации военной части одной из задач военных священников являлось строительство подвижной церкви⁴²⁶.

Несмотря на то, что с каждым столетием число военных священников неуклонно увеличивалось, а после начала Первой мировой войны произошло

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Там же.

значительное увеличение числа священников при полках (в 1800 году было примерно 140 священников, в 1913 году их количество достигло 766, а к концу 1915 года – около 2 000), российская армия постоянно испытывала нехватку священнослужителей, особенно в саперных и железнодорожных батальонах, артиллерийских бригадах, некоторых санитарных отрядах и даже госпиталях – там не было своих военных священников. К осени 1917 года отсутствовала половина из штатных проповедников при штабах армий. Всего за годы Первой мировой войны в армии отслужило от 4 до 5 тыс. православных пастырей.

По вышеуказанным причинам для совершения треб в военно-лечебные заведения, запасные и некоторые другие воинские формирования приглашались епархиальные священники. Число диаконов и псаломщиков в армии было незначительным, они числились иногда в штатах военных лечебных заведений⁴²⁷.

В период Первой мировой войны многие духовные лица выражали готовность добровольно служить в армии с оружием в руках. Но в 1915 году Святейший Синод принял решение запретить священникам службу в армии вне духовных обязанностей. Пастыри выполняли свои обязанности, воодушевляя воинов святым крестом, работая в госпиталях, лазаретах, окопах и на передовой. Они оказывали помощь, выносили раненых и увечных, утешали умирающих и молились за жертвы, отдавшие свою жизнь за Отечество⁴²⁸.

Сотни священников были награждены боевыми орденами и медалями за проявленные героизм и самоотверженность на полях сражений Первой мировой войны. Многие из них погибли, многие были ранены или получили контузии. «Вестник военного и морского духовенства» публиковал списки священнослужителей, пострадавших на фронте. На самом деле пострадавших было значительно больше: не все ранения фиксировались, многие священники скончались от ран по возвращении домой.

⁴²⁷ Капков К. Г. Памятная книга военного и морского духовенства XIX – начала XX вв. Справочные материалы. М.: «Летопись», 2008. С. 37–39.

⁴²⁸ Утигенова А. Р. Военное духовенство на фронтах Первой мировой войны. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervoj-mirovoj-vojny>.

«Мои доблестные воины! Сердцем и мыслью я с вами в боях и окопах, призывая помощь Всевышнего на ваши труды, доблесть и мужество. Без победы не может быть и не будет мира. Каких бы трудов и жертв нам не стоило это, мы должны дать Родине победу. Я твердо верю в милость Божию, в духовную мощь и непоколебимую твердость и верность всего русского народа и в военную доблесть моих армий и флота»⁴²⁹, – говорилось в приказе Николая II от 31 декабря 1915 г. (12 января 1916 г.).

Исключительное мужество и упорство русской армии в сражениях Первой мировой войны, сдерживающие наступление германской армии, создали благоприятные условия для союзников России – Англии и Франции, дав полностью развернуть свои вооруженные силы и отлично наладить военное производство. Согласно своим традициям, Россия еще раз жертвует собой для защиты истинной свободы мира.

Одной из главных причин «великого отступления» весной-летом 1915 года стало значительное превосходство противника в современном вооружении, что заставило русские войска покинуть Галицию, Литву и Польшу. Союзники России не оказали помощь уставшей русской армии, сосредотачиваясь исключительно на укреплении своей обороны.

Благодаря огромным усилиям русской армии был сорван германский план полного разгрома вооруженных сил России с целью вынудить ее выйти из войны; наши войска в Польше избежали окружения и в марте 1916 года вновь пришли на помощь, уже спасая французскую крепость Верден. И вновь российское мужество принесло пользу одним только неблагодарным союзникам, которые оплатят его очередным предательством – отсутствием помощи свергнутому государю Николаю II (март 1917 года), признанием на мировом уровне Временного правительства и военной интервенцией России (1918–1922) со стороны более 10 государств. Так в очередной, но далеко не в последний раз сбылись слова предупреждения

⁴²⁹ Там же.

Александра III об отсутствии у России верных союзников, кроме собственных армии и флота⁴³⁰.

Документы времен Первой мировой войны, многочисленные письменные воспоминания ее участников свидетельствуют: во всех испытаниях российские православные военные священники сохранили верность Государю и Отечеству, воспитывая воинов «в духе непоколебимой преданности вере», исполняя свои обязанности по укреплению боевой дисциплины⁴³¹. И это несмотря на то, что работа военного духовенства становилась с каждым днем войны все опаснее. Проникающие в среду солдат антигосударственные идеи способствовали моральному разложению армии. До последнего времени было не принято освещать вопросы нарастающей глубины нравственного развращения солдат на фронтах, проявлявшегося в различных формах неповиновения военным пастырям. Общее неуважение к духовенству, внедряемое в предреволюционные годы, началось с постепенного внедрения недопустимой фамильярности, когда даже в офицерской среде стало привычным обращение к священнику: “батя”, “батька”, “поп”. В войсках распространялись ничем порой не подкрепленные мнения о некомпетентности священников, низком общеобразовательном и слабом проповедническом уровнях. По множеству воспоминаний военных священников, унижительное отношение к военному духовенству постепенно стало массовым⁴³². Так, сам протопресвитер Г. И. Шавельский после Февральского переворота много раз чудом избегал гибели на фронте от обезумевшей толпы солдат, не желавших идти в бой и настроенных агрессивно по отношению к военному пастырю, над которым они готовы были совершить самосуд. Лишь сохранившийся еще авторитет старых унтер-офицеров спас ему жизнь⁴³³.

Военные священнослужители отдавали все свои силы для поддержания духа армии, работая в жесточайших условиях. Русская Армия, состоявшая большей частью из нижних чинов – вчерашних крестьян, – сыграла колоссальную роль в

⁴³⁰ Великий князь Александр Михайлович. «Книга воспоминаний». М. 1991, С.152

⁴³¹ Утигенова А. Р. Военное духовенство на фронтах Первой мировой войны. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervoj-mirovoj-vojny>.

⁴³² Там же.

⁴³³ Там же.

исторической судьбе страны. Разочаровавшись в старом государственном строе, представители которого, предав Бога, его помазанника – императора Николая II – и саму идею служения Отечеству, заботясь лишь о собственном благоденствии, изнуренные войной простые люди в отчаянии стали обращаться к атеистическим и антигосударственным воззрениям.

Своим героическим служением военные священники пытались на фронтах до последнего затормозить и переломить этот лавинообразный процесс. Даже находясь в тяжелых условиях плена, более 100 православных священнослужителей не переставали исполнять свой пастырский долг, разделяя с воинами в лагерях все тяготы и горести. Немецко-австрийское командование старалось назначить священников из своих стран для заботы о русских военнопленных, но из-за их нехватки эту обязанность выполняли пленные русские священники. Формально не возражая против проведения служб, руководство лагерей на деле часто препятствовало священникам выполнять свои обязанности⁴³⁴. И все же пастырям удавалось добиваться и совершения богослужений, и даже произнесения проповедей. В некоторых лагерях, где было несколько священников, службы проходили ежедневно⁴³⁵.

А войсковые и общественные медицинские организации с первого дня войны продолжали свою святую, воистину титаническую работу: прием и транспортировка раненых, поступающих во время ожесточенных боев, а также их дальнейшее лечение в госпиталях и лазаретах в тылу, дезинфекция окопов,

⁴³⁴ Иерей Антоний Жукович, например, писал, что немцы разрешили ему совершить богослужение лишь через месяц после его настойчивых требований. Однако разрешение на проведение служб еще не значило, что они будут проходить беспрепятственно. «Местное лагерное начальство, – вспоминал пастырь, – в лице командиров, унтер-офицеров и даже нижних чинов всевозможными мерами всегда препятствовало свободному и спокойному отправлению богослужения <...> Бывали и такие случаи, что наружные часовые лагеря не давали мне и конвоиру пропуска в лагерь, выдерживали меня у лагеря по несколько часов, и я ни с чем возвращался в свое помещение – в городские казармы».

⁴³⁵ В некоторых лагерях священникам позволялось произносить проповеди, которые были необходимы не только для духовной поддержки воинов, но и для предотвращения отпадения в секты, ибо среди русских пленных активно велась пропаганда штундо-баптизма. В некоторых лагерях запрещалась не только проповедь, но даже разговоры с военнопленными; недоверие к священникам со стороны немцев было порой настолько велико, что даже напутствовать умирающих разрешалось в исключительных случаях, например, когда они были фактически без сознания. См.: Утигенова А. Р. Военное духовенство на фронтах Первой мировой войны. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervoj-mirovoj-vojny>.

санитарная обработка целых полков⁴³⁶. На поле боя первая помощь раненым оказывалась совместно санитарями и фельдшерами. Медицинский персонал, работавший на передовых (1,5–2 км от линии фронта) и в мобильных медицинских бригадах общественных организаций, осуществлял первичное лечение, наложение неподвижных повязок и организацию эвакуации раненых. После оказания первичной помощи раненым выписывалось «перевязочное свидетельство» (свидетельство о ранении)⁴³⁷ и они направлялись (пешком, на носилках или на повозках) в главный перевязочный пункт или в передвижной госпиталь, дивизионный лазарет или лазарет, открывшийся под эгидой общественных организаций, которые были установлены на безопасном расстоянии от возможных боевых действий. Здесь раненых разделяли на отдельные группы; в некоторых случаях производились сложные операции. В этот момент не эвакуировали умирающих, серьезно раненых, инфекционных больных, а также получивших легкие травмы и слабо больных, которые вскоре после короткого лечения возвращались в строй. Все раненые солдаты, которых планировали эвакуировать, направлялись (пешком, используя продовольственные транспорты, на лошадях военно-санитарных служб или санитарных автомобилях) к ближайшей железнодорожной станции.

Между главным перевязочным пунктом (также другими медицинскими учреждениями, развернутыми в войсковом тылу) и железнодорожной станцией для погрузки раненых примерно каждые 10 километров располагались точки питания. На длинных грунтовых дорогах обычно развертывались два полевых госпиталя – один для тяжелораненых, другой для тысячи легкораненых солдат. Инфекционные больные направлялись в «заразные» отделения, организованные общественными организациями. Иногда на головных станциях погрузки раненые и больные сталкивались с ужасными условиями из-за недостатка помещений, нехватки медицинского персонала, продуктов питания и антисанитарии. На таких станциях работали временные военно-санитарные поезда и «поездные» (санитарные)

⁴³⁶ Гладких П. Ф., Корнюшко И. Г., Локтев А. Е. Медицинская служба Русской армии в Первой мировой войне. 1914–1918 гг. (К 95-летию начала войны) // Воен.-мед. журн. Том 330, № 8 (2009). (Цитата П. И. Тимофеевского).

⁴³⁷ Там же. С.79

бригады, которые без сортировки доставляли раненых к головным эвакуационным пунктам на крупных железнодорожных станциях. Здесь производилась сортировка раненых и больных и были развернуты специализированные хирургические (для тяжелораненых), инфекционные госпитали и психиатрические приемники общественных организаций – всего на 3–4 тыс. коек. Специализация военных госпиталей, начало которой было положено в годы Русско-японской войны, полностью оправдала себя в Первую мировую войну и получила широкое распространение⁴³⁸. Солдаты с ранениями и заболеваниями, требующими лечения более месяца, направлялись на тыловой эвакуационный пункт, который находился в крупном городе. Во время перевозки к этому пункту пациенты проходили через изоляционные пункты, где обнаруживали людей с инфекционными заболеваниями и на спецпоездах отправляли в особые «заразные городки». В тыловом эвакуационном пункте оставались те пациенты, у которых срок лечения не превышал шести недель, а также жители местности, где происходила сортировка. Раненые и больные, требующие длительного лечения и не способные вернуться к военной службе, направлялись на тыловые военно-санитарные поезда, в распределительные эвакуационные пункты, затем – в окружные эвакуационные пункты, оттуда – в государственные лечебные учреждения военного ведомства и частные (РОКК, прочих общественных организаций, содержащиеся на средства частных лиц)⁴³⁹.

Переполнение таких лечебных учреждений в начале войны было предельным: военное ведомство не создавало новые лечебные заведения в тылу, все эвакуируемые направлялись только в уже функционирующие военные госпитали, государственные гражданские больницы, лечебные заведения РОКК.

По причине явно плохой подготовленности Главного военно-санитарного управления к большой войне РОКК, обладая значительными средствами, организовало целую систему медицинского обслуживания раненых и больных на фронте и в тылу в помощь Военно-санитарному управлению. К январю 1917 года

⁴³⁸ Там же. С. 80.

⁴³⁹ Там же. С. 80.

на фронте оказывалась медицинская помощь в 626 учреждениях РОКК на 57 600 коек, и внутри страны раненых принимали 937 учреждений на 25 700 коек. Раненых и больных обслуживали различные медицинские и санитарные группы, включая перевязочно-питательные отряды и пункты, передвижные хирургические, глазные, зубные и рентгенологические бригады, а также психиатрические пункты, санитарно-эпидемиологические и дезинфекционные отряды, бактериологические лаборатории, санитарно-транспортные группы, санитарные поезда и другие. Также РОКК организовало справочную службу по раненым и больным военнопленным⁴⁴⁰.

Московский военный госпиталь перед Первой мировой войной был развернут на 1 545 штатных коек, 30 врачей, 48 фельдшеров, 33 сестры милосердия, 345 фельдшерских учеников и 7 фармацевтов и являлся единственным государственным лечебным учреждением на весь Московский военный округ (МВО), размещавшийся на территории 15 центральных губерний. Уже в июле-августе 1914 года в Госпитале ежедневно пребывало около 5 тыс. человек, что превышало количество коек более чем в два раза⁴⁴¹.

С момента объявления войны 1 (13) августа 1914 года практически все врачи Госпиталя были отправлены согласно плану мобилизации. До прибытия врачей, призванных из запаса на смену штатным врачам, Госпиталь оставался почти без докторов. К тому времени уже стали поступать раненые, которых некому было обслуживать. Когда прибыл первый призванный из запаса врач-хирург (фамилия его, к сожалению, не установлена), ему пришлось в течение 4 суток без отдыха работать, пока не пришло подкрепление⁴⁴².

Во время войны штатное число работавших в Госпитале врачей достигало 80, а среднего медицинского персонала, санитаров и писарей – 1 600. Количество

⁴⁴⁰ Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1948. Т. 3. Стб. 90.

⁴⁴¹ Невский Н. М. Госпиталь в начале XX столетия (1901–1917) // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 48.

⁴⁴² Макаренко А. И. Очерк работы хирургических отделений Московского Коммунистического военного госпиталя с 1907 по 1942 год // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь. – М., 1943. – С. 159

развернутых коек колебалось между 2 000 и 3 160, фактически в Госпитале иногда лечилось одновременно до 7–10 тыс. человек^{443 444}.

Как подчеркивалось в докладе командующему МВО окружного военно-санитарного инспектора В. П. Миртова, в Первую мировую войну из всех военных лечебных учреждений в самых тяжелых условиях находился Московский военный госпиталь⁴⁴⁵. Госпиталь должен был принимать всех раненых с пропускаемых транзитом через Москву военно-санитарных поездов и поэтому был переполнен, причем наиболее тяжелыми больными. В связи с военными действиями и отходом русской армии в Москву эвакуировались госпитали с запада, и Госпиталь принимал их, при этом персонал и часть необходимого оборудования этих госпиталей усиливали Госпиталь, входя в его состав. Медицинский персонал Госпиталя столкнулся в те годы с огромной нагрузкой, которую несколько смягчило открытие новых временных военных госпиталей и лазаретов в Москве. Они были организованы на небольшом числе коек и в основном предназначались для легкораненых офицеров.

Все усилия врачебного и среднего медицинского персонала, состоявшего из штатных сестер милосердия и их помощниц – вольнонаемных сестер, а также многочисленной команды нижних чинов, были направлены для облегчения страдания пациентов. В этом милосердном деле им помогали многочисленные добровольцы. Раненых к Госпиталю подвозили на санитарных трамваях и на носилках доставляли на территорию⁴⁴⁶. Классик русской литературы Константин Георгиевич Паустовский, будучи студентом, комиссованным по здоровью, осенью 1914 года работал кондуктором именно такого санитарного трамвая.

⁴⁴³ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 11. Д. 390.

⁴⁴⁴ Злобин А. Р. Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь. М., 1943. С. 23–46.

⁴⁴⁵ Невский Н. М. Госпиталь в начале XX столетия (1901–1917) // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 49.

⁴⁴⁶ «По ночам к полутемным перронам крадучись подходили длинные пахнущие йодоформом санитарные поезда, и начиналась выгрузка раненых. Каждую ночь, ...мы, трамвайщики, подавали к Брестскому вокзалу белые санитарные вагоны. Внутри вагонов были устроены подвесные пружинные койки. ...Раненых вносили в вагоны, и начинался ...рейс через ночную Москву. Вожатые вели вагоны медленно и осторожно. Чаще всего мы возили раненых в Главный военный госпиталь в Лефортово». См.: Паустовский К. Г. Беспокойная юность // Паустовский К. Г. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М., 1968. С. 306–309.

Старинные каменные корпуса были переполнены, и в Большом госпитальном саду спешно выстроили деревянные хирургические бараки на 120–150 коек. Этого не хватало, огромное число раненых и больных нижних чинов размещалось в отделениях на полу, на разостланной соломе, покрытой простынями. Именно помогая раненым воинам в Госпитале среди «непоправимого несчастья» войны молодой студент Паустовский «впервые ощутил себя русским до последней прожилки» и навсегда уверовал в то, что «нет ничего омерзительнее, чем равнодушие человека к своей стране, ее прошлому, настоящему и будущему, к ее ... людям»⁴⁴⁷.

Тысячи историй болезни периода 1914–1917 годов, сохранившихся в Российском государственном военном архиве, позволяют оценить сложность диагнозов пациентов, находившихся на лечении. С перегрузкой работали хирургические отделения, в которых производились самые современные по тому времени операции по поводу тяжелых ранений и травм. Отделения терапии и инфекционные палаты были переполнены военнослужащими и офицерами, доставленными с фронта, страдающими от легочных заболеваний, туберкулеза, сыпного и брюшного тифа, а также венерических заболеваний. Как и во время Русско-японской войны, Московский госпиталь принял на себя основной поток раненых и больных с психиатрическими заболеваниями, зачастую в состоянии шока; отделение для душевнобольных, расположенное в «церковном» корпусе, пришлось расширить до 200 коек⁴⁴⁸.

Как и в прежние времена, военные пастыри оставались верными помощниками медицинского персонала. Они укрепляли дух раненых воинов, поддерживали, помогали забыть ужасы войны и найти силы жить. В госпитальных храмах шло непрерывное усиленное служение о российском воинстве. Богослужения, как и в предыдущие кампании, проводились поочередно в трех госпитальных храмах. Конкретный храм и время начала служб, как и

⁴⁴⁷ «В Лефортове мы помогали санитарам переносить тяжелораненых в палаты и бараки, разбросанные в саду, вдалеке от главного корпуса. Переносили раненых мы медленно и потому зачастую простаивали в Лефортове до рассвета». См.: Там же. С. 306–309.

⁴⁴⁸ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 11. Д. 390.

прежде, устанавливалось приказами по Госпиталю за подписью главного врача. Сохранившиеся в РГВИА документы свидетельствуют, что наряду с ежедневными службами проводились и особые благодарственные молебствия: в память чудесного избавления семьи императора Александра III от смертельной опасности во время крушения императорского поезда 17 (29) октября 1888 года⁴⁴⁹; в память дня кончины императора Александра III⁴⁵⁰; по случаю празднования дня восшествия на Всероссийский Престол императора Николая II и т. д.⁴⁵¹.

Последним штатным священником Госпиталя (с 1895 по 1919 гг.) стал протоиерей Арсений Андреевич Копецкий. Наряду с исполнением своих обязанностей в Госпитале 17 (29) декабря 1914 года протоиерей Арсений Копецкий был назначен гарнизонным благочинным г. Москвы и исполнял эту должность до 25 ноября (7 декабря) 1915 года. В 1917 году он вновь заступил на эту должность, будучи избран общим собранием Московского военного духовенства и утвержден протопресвитером военного и морского духовенства, и оставался на ней до начала 1920-х годов⁴⁵².

Протоиерей Арсений совершал богослужения в госпитальных храмах и требы, посещая госпитальные палаты с лежащими пациентами, ободрял павших духом, утешал, помогал пациентам писать письма на родину, оповещал родственников об умерших раненых и больных. В круг госпитальных обязанностей входила подготовка пациентов и личного состава к исповеди и причащению в дни Великого поста или в иное время; по соглашению с командованием Госпиталя – проведение духовных бесед. Также ему приходилось поддерживать документацию по госпитальным храмам, инвентаризации церковных ценностей, спискам клира, финансовые отчёты, записи об исповедях, метрические книги, документацию о браках и другое.

Важной областью пастырской деятельности протоиерея Арсения была воспитательная работа. Как в помещениях госпитальных храмов, так и в

⁴⁴⁹ РГВИА. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 91. Л. 278 об.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 290.

⁴⁵¹ Там же. Л. 292 об.

⁴⁵² Там же. Д. 6. Л. 162 об.

отделениях госпиталя (для лежащих пациентов) он проводил катехизические беседы, поучая воинов основам православной веры и благочестия, преподавал закон Божий в московской военно-фельдшерской школе. С целью просвещения, как правило, малограмотных раненых и больных из нижних чинов, а также нижних чинов госпитальной команды (хозяйственного подразделения Госпиталя) отец Арсений организовал библиотеку духовной и просветительской литературы, читал лекции, демонстрировал с помощью фильмоскопа «живые картины» на духовные и исторические темы. Как уже говорилось выше, протоиерей Арсений Копецкий являлся также благочинным военно-неподвижных церквей, а затем гарнизонным благочинным. За самоотверженное пастырское служение в Госпитале в период Первой мировой войны протоиерей он был награжден 6 (18) мая 1915 года орденом святого Владимира 3 степени. 6 (18) июня 1917 года он избирается общим собранием московского военного духовенства в качестве делегата на Всероссийский съезд духовенства. Дяконом госпитальных храмов с 1914 по 1918 годы являлся Петр Долгов⁴⁵³.

Госпитальный священник по традиции был ответственным за достойное отпевание умершего раненого или больного пациента-воина и дальнейшее его захоронение. Все солдаты, скончавшиеся в Госпитале, захоранивались бесплатно, за счет государства, в 7-м разряде Семёновского военного кладбища, и только иноверцев, если было желание родственников, хоронили в другом месте. Офицеров хоронили на Семёновском кладбище также при согласии родственников. Госпитальный священник обязан был погребать воинов с возможной торжественностью, с обязательным отданием воинских почестей, а также заботиться о благоукрашении военного кладбища. Обращая внимание на значение воинского некрополя Семёновского кладбища и особенно военного Семёновского кладбища, необходимо отметить, что Семёновское военное кладбище стало первым военным некрополем Первой мировой войны в Москве – местом, где были захоронены защитники Отечества, погибшие от ран и болезней в Московском

⁴⁵³ ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 307. Л. 67; Там же. Д. 310; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 231. Л. 4 об.

генеральном военном госпитале^{454 455}. Чтобы представить масштаб захоронений, обратим внимание на метрические книги. В них содержатся записи о воинах, умерших в отделениях Московского госпиталя от последствий ран и болезней. Но не только. За один только 1914 г. книга заполнена *тысячами* записей: «доставлен в госпиталь трупом»⁴⁵⁶. Такого солдата, погибшего во время тяжкого длительного пути эвакуации, также отпевали в госпитальной часовне с соблюдением воинских почестей и, как и умерших пациентов госпиталя, хоронили на военном Семёновском кладбище. И еще архивная запись, свидетельствующая о количестве погребаемых. «Израсходованные для погребения умерших в январе и феврале мес. с/г холст, количеством 3 472 аршина предписываю исключить по книге материалов и книге Комиссара Куприянова» (приказ по Московскому госпиталю от 9 (21) марта 1917 г. № 68)⁴⁵⁷.

Захоронению по религиозным обрядам подлежали не только люди, но и части их тел – настолько серьезно относились в прежние времена к вопросам захоронений, вплоть до захоронений ампутированных конечностей. В обращении окружного военного инспектора к главному врачу Госпиталя от 30 января (11 февраля) 1917 года был отмечен факт выговора прикомандированному к Госпиталю доктору Ивенсену за то, что он допустил выброс в мешке ампутированной им руки пациента вместо захоронения ее должным образом. Ампутированная конечность была обнаружена во время переборки использованного лазаретного материала при Охтинском пороховом заводе⁴⁵⁸.

⁴⁵⁴ Историк А. Т. Саладин, будучи свидетелем этих событий, писал о военном Семёновском кладбище, что «рать наскоро сколоченных солдатской же рукой четырехконечных крестов со скатными кровельками растет с каждым годом, в особенности – в Первую мировую войну, со второй половины 1914 года, могилы роются одна за другою в последовательном порядке, почему даты на крестах получают хронологически правильными. Эта наглядная картограмма нарисована уже почти до конца кладбищенской черты, и скоро придется искать нового места». См.: Саладин А. Т. Очерки истории московских кладбищ. М.: Изд. «Книжный сад», 1916. 343 с.

⁴⁵⁵ Поскольку Семёновское военное кладбище было переполнено и на нем были в основном захоронения 7-го солдатского разряда, благодаря ходатайству к Московской городской Думе великой княгини Елизаветы Феодоровны в Москве, на Соколе, организовали новое Братское военное кладбище для захоронения офицеров и сестер милосердия всех национальностей и вероисповеданий – участников Первой мировой войны.

⁴⁵⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 1639. Оп.1. Дд. 309, 310.

⁴⁵⁷ РГВИА. Ф. 1714. Оп.1. Д. 99. Л. 22.

⁴⁵⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д.1021. Л. 1–2 об.

О строгом ведении церковной отчетности свидетельствуют сохранившиеся в РГВИА помесечные ведомости о приходе, расходе и остатке денежных сумм по церквям Госпиталя за 1916 и 1917 годы⁴⁵⁹. На них стоит подпись ктитора госпитальных храмов штабс-капитана Ильина Андрея Александровича, чья биография отражает тысячи трагических судеб россиян, сохранивших, вопреки тюрьмам, ссылкам, лагерям, верность Господу и своей Родине. С 1908 года по февраль 1917 года он занимал в Госпитале должность комиссара (так назывался в начале XX века хозяйственный руководитель, отвечавший за вещевое и продовольственное снабжение военного лечебного учреждения). Проживал в Москве, в годы советской власти трудился на различных руководящих хозяйственных должностях. Арестован 4 сентября 1937 года, расстрелян 15 декабря того же года. Захоронен на полигоне в деревне Бутово (в настоящее время Ленинский городской округ, Московская обл.) в братской могиле. Реабилитирован 13 июля 1989 года⁴⁶⁰. Имя А. А. Ильина высечено на памятных досках Мемориального комплекса на Бутовском полигоне.

Для совершения треб для инославных воинов российской армии – пациентов Госпиталя приглашались приходящие инославные священники. Оплату за свой труд они получали из финансовых средств Московского госпиталя⁴⁶¹. Также в течение всех лет Первой мировой войны к раненым пленным германской армии, находившимся на лечении в Госпитале, по мере необходимости приглашались инославные священники. Умершие от ран пленные – православные христиане – похоронены на Семёновском военном кладбище, католики и лютеране – в братской могиле на Введенском (Немецком) кладбище напротив Госпиталя⁴⁶².

Как и в мирное время, в годы войны особыми церковными службами отмечались православные праздники, что зафиксировано в приказах по Госпиталю, например праздник во имя Всемиловейшего Спаса в госпитальной

⁴⁵⁹ РГВИА. Ф.1714. Оп.1. Д. 92.

⁴⁶⁰ ГАРФ. Ф. 20806. Том II. С. 171.

⁴⁶¹ РГВИА. Ф. 1714. Оп. 1. Дд. 78, 81, 83, 90.

⁴⁶² Овчинникова М. Б. Мемориал памяти Отечественной войны 1812 года в Лефортово. М., 2013. С. 54–63.

команде⁴⁶³; праздник Рождества Христова⁴⁶⁴ и другие. Военнослужащие срочной службы, участвовавшие в богослужениях, не переводились в другие места, пока не находилась надлежащая замена для них. В документах Госпиталя сохранился приказ относительно псаломщиков Алексея Красновского и Павла Гортинского, а также органиста, обслуживавшего католическую часовню для отпевания иноверцев, по имени Бронислав Левандовский⁴⁶⁵.

Изучая опыт Русско-японской войны, РОКК провела подготовку тысяч сестер милосердия на двухмесячных курсах. В 1912 году в общинах было 3 442 сестры милосердия, а уже в 1914 году в обществе Российского общества Красного Креста успешно функционировало 150 школ, в которых было подготовлено более 10 тысяч сестер милосердия. В ходе Первой мировой войны раненым помогало более 25 тысяч сестер милосердия от РОКК⁴⁶⁶.

В Госпиталь также поступала помощь от главного управления Красного Креста. Так, приказ от 8 (20) августа 1915 г. № 220 (запись в ведомости движения денежных сумм) свидетельствует о том, что в адрес госпиталя «поступило 11 посылок по линии РОКК»⁴⁶⁷.

В течение всех лет Первой мировой войны в огромном госпитальном хозяйстве сестры милосердия, как и в прежние годы, успешно справлялись со всеми своими обязанностями, помогая врачам сконцентрировать силы на лечении больных: уход за больными, дежурства по кухне и раздача пищи, и, конечно, сердечная молитва о даровании здоровья российским воинам. Известны фамилии штатных сестер милосердия, трудившихся в Госпитале в тот период⁴⁶⁸. Помощь в Госпитале оказывали также нештатные сестры из различных московских общин милосердия.

⁴⁶³ РГВИА. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 91. Л. 44.

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Там же. Д. 70. Л. 329.

⁴⁶⁶ Учебник для сестер милосердия и пастырей, несущих служение в больницах / Под общ. ред. священника Сергия Филимонова. Санкт-Петербург: О-во свт. Василия Великого, 2000. 619, [1] с.

⁴⁶⁷ РГВИА. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 91.

⁴⁶⁸ Там же. Д. 92.

В 1914 году больничные корпуса общины «Утоли моя печали» были преобразованы в госпиталь⁴⁶⁹. Здания, построенные в XIX – начале XX века, в том числе прекрасный отдельно стоящий больничный храм Воскресения Словущего, сохранились по сей день, как уже было сказано выше, став ныне частью комплекса Московской городской клинической больницы № 29 имени Н. Э. Баумана (Госпитальная площадь, д. 2).

Сестры епархиальной Владычно-Покровской общины милосердия продолжали работать в госпитале в период с 1907 по 1917 год. В 1913 году на территории общины был построен собственный госпиталь, который принимал на лечение участников Первой мировой войны. Позднее в его помещениях была размещена Городская гинекологическая больница № 1 (ул. Гастелло, д. 42)⁴⁷⁰.

До 1918 года работали в Госпитале сестры милосердия из Иверской общины, находившейся под патронажем великой княгини Елизаветы Федоровны⁴⁷¹.

«Комитет Христианской помощи раненым и больным воинам», действовавший по призыву Госпиталя, продолжал свою работу при РОКК. Его руководство с 1904 года осуществляла фрейлина императрицы Е. Ф. Джунковская, которая уже имела опыт благотворительных действий под руководством великой княгини Елизаветы Федоровны к тому времени. Настоятельница Александринской общины сестра милосердия Е. Ф. Кудрявцева до этого назначения получила большой опыт работы в должности старшей сестры Иверской общины милосердия РОКК.

А в первые годы советской власти в Госпитале работали сестры милосердия из 1-го и 2-го госпиталей Российского общества Красного Креста. После Февральской революции 1917 г. в связи с упразднением института военных фельдшеров к сестрам милосердия перешли все их обязанности.

На состоявшемся в Москве (27 августа (8 сентября) 1917 года) I Всероссийском съезде сестер милосердия было учреждено Всероссийское

⁴⁶⁹ Миклашевская Е. П. «Утоли моя печали». Милосердные традиции Лефортово. М., 2002. 128 с.

⁴⁷⁰ Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. С. 240.

⁴⁷¹ РГВИА. Ф. 1714. Оп.1. Дд. 83, 86, 90, 91, 92.

общество сестер милосердия. К концу 1917 года Главное управлению РОКК руководило практически всеми центрами подготовки сестер милосердия.

В тяжелые военные годы Госпиталь не оставляли своим вниманием его царственные покровители – члены императорского дома Романовых, множество благотворительных организаций, частные жертвователи, которые оказывали большую материальную помощь и моральную поддержку раненым и больным воинам⁴⁷².

С первых дней войны члены императорского дома Романовых сосредоточили все силы на организации помощи раненым воинам. Императрица Александра Феодоровна, и ранее широко занимавшаяся попечением о раненых воинах и возглавлявшая с 1890 года Женское патриотическое общество, стала председательницей Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых. Императрица «была чутка, отзывчива на людское горе и сердобольна, в устройении разных благотворительных учреждений изобретательна и настойчива. Множество новых, весьма крупных благотворительных учреждений возникло по ее инициативе, благодаря ее заботам и поддержке⁴⁷³. Вдовствующая императрица Мария Феодоровна, опекала до 1917 года наряду с ведомствами учреждений императрицы Марии также Российское общество Красного Креста. В течение всех военных лет она организовывала военно-санитарные поезда и госпитали, заботилась о вдовах погибших воинов и военнопленных. В 1914 году были организованы «Комитет ее Императорского высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий» и «Особый Петроградский комитет Великой Княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну» (Татьянинский и Ольгинский комитеты).

⁴⁷² По воспоминаниям штатной сестры милосердия О. Р. Азанкиной-Богодист, трудившейся в Госпитале с 1914 года. См.: Злобин А. Р. Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707-1942 // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь. М., 1943. С. 24.

⁴⁷³ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера армии и флота: в 2-х т. Т. 2. Изд-во им. Чехова, 1954. С.313

С начала Первой мировой войны императрица вместе со старшими дочерьми, Великими княжнами Ольгой и Татьяной, прошли обучение на программе «сестра милосердия военного времени» и начали работать наравне с опытными сестрами милосердия в операционных и палатах госпиталя в Царском Селе. Их примеру последовали многие женщины России разных слоев общества и вероисповеданий.

Судьбы госпитальных сестер милосердия, порой трагические и сложные, отражают все противоречия и ключевые события исторической эпохи первой четверти XX века, а также важные моменты российского сестринского движения⁴⁷⁴. Например, об этом встречаем рукописные воспоминания Ольги Максимилиановны Мануйловой – дочери главного врача Ташкентского и Самаркандского военных госпиталей (1907–1914 гг.) М. П. Тихомирова, ставшей в годы советской власти известным скульптором, народной художницей Киргизии⁴⁷⁵. По разрешению главного врача госпиталя Н. И. Лобасова, бывшего сослуживцем ее отца, О. М. Мануйлова была принята в Госпиталь нештатной «сестрой милосердия военного времени». Госпиталь был переполнен, во всех коридорах стояли койки, кое-где больные лежали просто на полу. О. М. Мануйлова просила определять ее к самым тяжелым больным, так как им больше всего нужна была помощь⁴⁷⁶. Отметим, что О. М. Мануйлова рассказывает о

⁴⁷⁴ Об этом свидетельствует даже краткое изложение жизненного пути вольнонаемной сестры милосердия Варвары Александровны Левицкой, трудившейся с первых дней войны по велению сердца в Госпитале помощницей штатных сестер милосердия. С фронта на побывку к родителям приехал сын главного врача Госпиталя Н. О. Лобасова Николай. Молодые люди познакомились и вскоре обвенчались. Молодой супруг-офицер уехал на фронт, главного врача госпиталя Н. О. Лобасова переводят на Северный флот, а В. А. Левицкая-Лобасова остается в Госпитале с годовалым младенцем на руках, где и встретит трагические события осени 1917 года. Спасаясь от гибели, она вместе с дочерью устраивается на военно-санитарный поезд «красной сестрой милосердия» и все годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) пытается найти своего мужа, который имел смелость остаться в России и тоже разыскивал семью. Как белый офицер, он год находился в заключении, чудом был спасен и отыскал в Сибири находившихся там после расформирования военно-санитарного поезда своих супругу и дочь. По воспоминаниям В. А. Левицкой, только крепкая Вера и упование на Помощь Божию помогли им сохранить надежду и выстоять – морально и физически.

⁴⁷⁵ В годы Первой мировой войны в Училище живописи, ваяния и зодчества, где училась О. М. Мануйлова, были сформированы санитарные дружины, в составе которых студентки работали «сестрами милосердия военного времени» на вокзалах, куда прибывали эшелоны с больными и ранеными, и в лазаретах. На вокзалах были устроены душевые, перевязочные, санпропускники. Работать приходилось и днем, и ночью по телефонным вызовам, в плохо приспособленных помещениях, где не всегда хватало медикаментов, бинтов и транспорта. При Художественном училище в большом светлом выставочном зале княгиней П. И. Щербатовой был основан частный аристократический лазарет, куда попадали большей частью легко раненные офицеры. Ухаживали за ними сестры из высокопоставленных кругов, по вечерам знакомые артисты давали концерты. Настоящей работы там было мало. См.: *Мануйлова О. М.* Воспоминания о работе в Генеральном госпитале в Лефортово // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. 1955. С.7

⁴⁷⁶ «Больные были самых разнообразных возрастов и национальностей – крестьяне из Польши и Белоруссии, потерявшие свои семьи, лихие казаки из Приамурья, грузины, русские. С больными у сестер милосердия завязывались дружеские отношения – они рассказывали им свои горести, под их диктовку сестры писали им

своей физической и эмоциональной помощи раненым, а о духовной, религиозной поддержке, которую всегда оказывали сестры милосердия и за которую их впоследствии, после 1917 года, увольняли из Госпиталя, – ни одного слова. В ее поведении уже слышны грозные ноты новой эпохи, неумолимо надвигающейся на Россию. Всеми способами молодая сестра стремилась нарушать запреты госпитального руководства, раздавала раненым и больным запрещенную литературу (антигосударственного, революционного содержания). Вскоре О. М. Мануйловой сделали замечание: газет, кроме правительственного вестника, не приносить. Замечание произвело на нее обратное действие – газет она стала носить еще больше, прихватывая и «Русское слово», «но раздавала их осторожней, оглядываясь»⁴⁷⁷. Вскоре О. М. Мануйлова за дисциплинарное неподчинение была из Госпиталя уволена.

Как и в предыдущие войны, Госпиталь оказывал медицинскую помощь военнопленным. В 1917 году госпитальная «Приемная книга военнопленных» отражала пребывание на лечении 1 102 военнопленных – в основном из австрийской и германской армий^{478 479}. По выздоровлении военнопленные поступали в госпитальную хозяйственную команду на усиление обслуживающего персонала Госпиталя, составляя значительную его часть. Проживали военнопленные в казарме команды обслуживания, находясь в подчинении начальника команды⁴⁸⁰.

К. Г. Паустовский подтверждает в своих произведениях, что пребывали также военнопленные из германской армии в Госпиталь в Лефортово, отмечает, что

письма на родину или читали ответные, заканчивающиеся обычно: «...и буду ждать ответа, как соловей лета!» См.: Там же. С.8.

⁴⁷⁷ Там же. С. 8.

⁴⁷⁸ РГВИА. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 33.

⁴⁷⁹ «Проникла я и к пленным австрийцам. Почти все они болели дизентерией или туберкулезом. Они кашляли, тихо стонали. ...Были среди пленных чехи, словаки, венгры, румыны, поляки. Грустными глазами провожали они меня и просили принести табак или папирос. Попала я и к немцам – у них было лучше – больше порядка и бодрости. Пленные немцы действовали сплоченной массой – ухаживали за своими более слабыми товарищами, сами отапливали палаты, делились посылками». См.: Мануйлова О. М. Воспоминания о работе в Генеральном госпитале в Лефортово // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. 1955. С. 9.

⁴⁸⁰ Пуце Ж. Ф. Дни великого октября в Московском Генеральном военном госпитале имени Петра Великого ныне Главный военный госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. Воспоминания бывш. писарского ученика канцелярии госпиталя // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. 1966. 7 с.

пленные представляли различные национальности: чехи, немцы, итальянцы, тирольцы, поляки, босняки, сербы, хорваты, черногорцы, венгры, цыгане, герцеговинцы, гуцулы, словаки и многие другие народности. Один из военнопленных был в очень тяжелом состоянии, но перед смертью он успел сказать санитарам, что он – славянин, их брат⁴⁸¹.

К началу 1916 года эвакуация раненых и больных в Москву увеличилась. В январе с фронта поступило 141 532 человека, в феврале – 105 587, в марте – 204 209⁴⁸². В московских госпиталях, включая Московский военный госпиталь, увеличили количество коек до 3160, при этом ежемесячно в них поступало 10-12 тысяч человек. После осмотра часть из них переводили в другие медицинские учреждения. Самые тяжелые раненые и больные оставались в Госпитале. Например, по данным на 22 мая (3 июня) 1917 года, в госпитале находилось более 4 тыс. пациентов, позже их число достигало 8 тыс.⁴⁸³. За 1914–1917 годы в его стенах была оказана помощь 376 тыс. больных и раненых воинов.

Постоянная перегрузка больными и ранеными не давала возможности производить ремонт госпитальных помещений. Поступление вещевого имущества было нерегулярным. Остро ощущалась нехватка топлива. Тяжелую работу персонала Московского госпиталя еще более усугубляли многочисленные проверки, производимые строевыми генералами из инспекции⁴⁸⁴.

«Наши предки называли Первую мировую войну великой войной, но она была незаслуженно забыта, фактически ... вычеркнута из нашей исторической памяти и из истории. Боевой дух вооруженных сил между тем держится на традициях, на живой связи с историей, на примерах мужества и

⁴⁸¹ К. Г. Паустовский нашел солдатский медальон умершего военнопленного, где было выгравировано имя солдата, его номер и адрес родных, написал родным о смерти Иованна Петрича и послал в Боснию, в селение Веселый Дубняк. См.: *Паустовский К. Г. Беспокойная юность* // Паустовский К. Г. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М., 1968. С. 306–309.

⁴⁸² *Невский Н. М.* Госпиталь в начале XX столетия (1901–1917) // В кн.: *Главный военный госпиталь* / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 51.

⁴⁸³ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 11. Д. 390.

⁴⁸⁴ Приведем некоторые выдержки из выводов инспекторов: «На кухне дневальный не умел отвечать на приветствие. Никто не знал, сколько, каких продуктов вложено в котел. Приказал арестовать зав. продовольствием и дежурного по кухне офицера»; «госпитальная команда 1 595 нижних чинов. Плохая выправка, не умеют приветствовать начальство»; «больные плохо приветствуют»; «истории болезней ординаторы ведут так, что ничего нельзя разобрать»; «главному врачу Ильину объявлен выговор». Главному врачу приходилось давать объяснения. В одном из них он пишет, что на долю каждого из штатных врачей госпиталя в тот момент приходится по 100 больных. См.: РГВА. Ф. 19032. Оп. 1. Д. 330. Л. 22.

самопожертвования героев»⁴⁸⁵, – подчеркнул президент РФ В. В. Путин в своем послании Федеральному собранию. Как призывает всех нас Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, будем творить постоянную молитву о упокоении душ усопших воинов – безвестных героев Первой мировой войны, жизнь свою за веру, царя и Отечество положивших⁴⁸⁶.

Почти 5 миллионов пострадавших в сражениях Первой мировой войны воинов прошли через лечебные учреждения фронта и тыла. Остается только преклонить голову перед стойкостью военных священников, военных медиков и, в частности, коллектива Госпиталя, вынесших все испытания, посвятивших жизнь милосердной помощи раненым и больным. Генеральный (Московский военный) госпиталь представлял из себя настоящую семью, где каждый нес тяготы ближнего, и это единение всего персонала помогало ему сплоченно, честно и верно трудиться на благо Родины и болящих воинов⁴⁸⁷.

2.3. Политические перевороты 1917 г. и их отражение на пастырской и социальной деятельности в Московском военном госпитале

Во всех испытаниях российские военные пастыри свято хранили верность проверенным столетиями служения Отечеству и Русской Православной Церкви традициям армейского и флотского духовенства. Как отмечалось выше, престиж военных священнослужителей стал резко понижаться в последние годы Первой мировой войны и достиг после Февральского переворота 1917 года бедственного состояния. Поддавшись влиянию разрушительных сил революционного периода, делегаты Всероссийского съезда военного и морского духовенства, который прошел в Москве 1 (13) июля 1917 года, единогласно приняли резолюцию, одобряя

⁴⁸⁵ Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102162754>

⁴⁸⁶ *Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл*. Слово после заупокойного богослужения о упокоении героев Первой мировой войны // URL: pravoslavie.ru/72713.html.

⁴⁸⁷ РГВИА. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 83.

государственный переворот и видя в нем значимый поворот в истории, который открывал перед русским народом новые возможности для политической и церковно-общественной жизни, основанной на принципах свободы, любви, равенства и братства, вытекающих из библейских учений. Съезд предложил Церкви вступить в политические партии и поддержать политиков, борющихся за осуществление христианских принципов и идеалов народного правления⁴⁸⁸.

Пророчески предвидя, какие ужасные катаклизмы принесет российскому народу забвение заповедей Господних, еще в середине XIX века святитель Филарет, митрополит Московский, предупреждал, что соблазн и беззаконие открывают себе широкие пути. Массовый террор 1917 года, еще до Октябрьских событий, когда на улицах возгреваемые либеральными политиками толпы вершили самосуд и убивали на месте тысячи офицеров, городских, представителей власти, быстро показал заигравшимся в революцию гражданам, что происходит с государством, оставшимся без главы – православного монарха. Об этом с болью писал и великий молитвенник за Россию святой праведный Иоанн Кронштадтский: если не будет покаяния у русского народа – конец близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами⁴⁸⁹.

Тысячи военных пастырей, хранимые Богом на поле сражения, были приговорены к смертной казни новой властью. Свою верность Христу они засвидетельствовали пролитой кровью после катастрофы 1917 года.

Госпиталь также вступал в новый тяжкий период своей долгой жизни. Крепость и духовные силы большой госпитальной семье, безусловно, придавали госпитальный священник и причт церквей Госпиталя, не покинувшие коллектив, несмотря на все признаки приближающегося кризиса.

Экономическая слабость России в условиях затянувшейся войны сказывалась все сильнее. В 1917 году стали проявляться грозные признаки

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ *Праведный Иоанн Кронштадтский*. Полное собрание сочинений настоятеля Кронштадтского Андреевского собора Протоіерея о. Иоанна Ильича Сергіева. Новыя слова, произнесенныя въ 1905 году. Изданіе первое, подъ редакціей автора. Кронштадтъ: Типографія газеты «Котлинь», 1906.

нарастающей разрухи. Резко сократилась добыча топлива. Со второй половины года все более тягостными становились перебои на транспорте. Они влекли за собой проблемы с подвозом продовольствия, недостаток которого, и в первую очередь хлеба, сказывался все острее. Все это не могло не отразиться и на деятельности Госпиталя. Вещевое хозяйство его не обновлялось и не пополнялось. Квартирное хозяйство постепенно разрушалось. Катастрофически не хватало топлива для поддержания нормальной температуры в палатах, продуктов для кормления больных⁴⁹⁰.

14 (26) марта 1917 года в госпитальной церкви во имя «Всех Скорбящих Радость» протоиереем церковью госпиталя Арсением Копецким был прочитан Акт об отречении от престола Николая II и об отказе великого князя Михаила Александровича от императорского трона⁴⁹¹. 19 (31) марта 1917 года в госпитальной домово́й церкви в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» весь медицинский, хозяйственный персонал Госпиталя, сестры милосердия были приведены к присяге на верность Временному правительству Российского государства (Приказ по Госпиталю от 18 (30) марта 1917 года № 77)⁴⁹². 23 марта (4 апреля) 1917 года в этом же госпитальном храме была отслужена панихида по случаю похорон в городе Петрограде жертв революции (Приказ по Московскому госпиталю от 23 марта (4 апреля) 1917 года № 82)⁴⁹³.

Госпиталь в очередной раз за время своего существования сменил название, из которого были изъяты слова «императора Петра I»: он стал именоваться «Московский Генеральный военный госпиталь».

Пройдет совсем немного времени, и Московский госпиталь окажется в эпицентре трагических Октябрьских событий 1917 года, изменивших весь ход истории Российского государства. В страшные дни октября 1917 года в Госпитале оказывалась помощь всем: и солдатам, поступавшим с фронтов, и тяжелораненым

⁴⁹⁰ Злобин А. Р. Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь / Под ред. А. М. Крупчицкого. М., 1943. С. 23–46.; Невский Н. М. Госпиталь в начале XX столетия (1901–1917) // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 52.

⁴⁹¹ РГВИА. Ф.1714. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

⁴⁹² Там же. Л. 10 об.

⁴⁹³ Там же. Л. 20.

красноармейцам, и кадетам из разрушенных большевиками Лефортовских кадетских корпусов...

25 (6 ноября) октября 1917 года власть в Госпитале захватили нижние чины – солдаты госпитальной хозяйственной команды обслуживания, при полном отсутствии сопротивления со стороны командования и офицеров⁴⁹⁴. По молитвам духовенства Госпиталя все служившие здесь офицеры были уволены, а не расстреляны и никаких убийств персонала не произошло, тогда как бои вокруг здания госпиталя были тяжелейшие⁴⁹⁵.

Только Милостью Божией жизни настоятеля госпитальных храмов протоиерея Арсения Копецкого с семейством и причта госпитальных храмов сохранились. Они были уволены новым командованием из штата и выселены из служебных квартир на территории Госпиталя. Вторым домом и укрытием стал им на первое время расположенный рядом с Госпиталем храм во имя Святых

⁴⁹⁴ «После октябрьского переворота ...хозяйственный комитет госпиталя перестал функционировать: в ноябре 1917 ода. на его заседании было постановлено, ввиду захвата всех дел и денежного ящика военно-революционным комитетом, считать себя устраненными. <...> Далее идет кошмарное управление госпиталем. <...> Из имеющегося в госпитале делопроизводства не видно, чтобы главные врачи боролись против узурпации их функций политическими комиссарами, подписывавшими приказы и представлявшими главному врачу право подписывать наряды на дежурства; не видно, чтобы они протестовали против образования в лечебном заведении незаконного военно-революционного комитета или чтобы энергично реагировали на грандиозные беспорядки и хищения, приведшие в конце концов госпиталь в антисанитарное, а в хозяйственном отношении – в хаотичное состояние. Восстановление хозяйственного комитета последовало только в апреле 1918 г., причем постановления его утверждались председателем незаконно составленного госпитального совета Телятниковым, человеком с уголовным прошлым, впоследствии уличенным в хищениях и арестованным». См.: Отчет Ликвидационной комиссии Московского Генерального военного госпиталя. М.: Типография Московского Генерального военного госпиталя, 1918. С.21

⁴⁹⁵ Как пишет в своих воспоминаниях дочь смотрителя госпиталя (в настоящее время это должность заместителя начальника госпиталя по МТО) Ф. В. Буржинского, проживавшего с семьей на казенной квартире во флигеле на территории госпиталя, в один из октябрьских дней 1917 г. за воротами госпиталя началась сильная стрельба. Из окон их квартиры, выходящей на Госпитальную площадь, они увидели толпы юношей, одетых в форму юнкеров и кадетов, и девушек в форменных коричневых платьях. Молодые люди бежали к госпиталю со стороны кадетских корпусов, надеясь укрыться за его стенами. Стреляли и в них, и в тех, кто оказывался рядом. Смотритель Буржинский взобрался на крышу госпиталя и вывесил белый флаг с красным крестом, после чего выстрелы с улицы прекратились. Семьи госпитальных сотрудников заперли двери квартир и боялись выйти на лестницу: там было шумно. Двое мужчин ходили, стучали в двери и кричали: «Кто за Ленина – оставайтесь здесь, а кто за Керенского – выходите вон!» Юнкера и кадеты пытались укрыться на койках в госпитальных палатах, но большевики, занявшие территорию госпиталя, находили их и убивали на месте. Убивали сестер милосердия. Долго не затихали выстрелы. Тех, кто не погиб сразу, закололи штыками на глазах у раненых и больных. Трупы потом подбирали солдаты госпитальной команды и складывали в овощном амбаре (в настоящее время – овощной склад госпиталя). Видеть все это, да еще и принимать участие, было крайне тяжело. Ф. В. Буржинский вскоре скончался во сне от разрыва сердца, оставив вдову с четырьмя детьми. Вскоре их, как и семьи других сотрудников, с территории госпиталя выселили. См.: *Буржинская С.* Воспоминания о событиях октября 1917 г. в Лефортовском госпитале // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. 1962. 5 с.

первоверховных апостолов Петра и Павла в Лефортово. В 1921 году протоиерея Арсения Копецкого удалось включить в штат этого храма.

Приказом Народного комиссариата по военным делам от 16 января 1918 года институт Военного и морского духовенства в российской армии был ликвидирован, было уволено из армии 3 700 штатных священников и церковнослужителей.

История последних месяцев существования и закрытия госпитальных храмов и распределения храмового имущества отразилась в документах РГВА⁴⁹⁶, исследованных М. В. Поддубным и М. Б. Овчинниковой, а также в документах ЦГАМО⁴⁹⁷. Сохранилась опись утвари госпитальных церквей, составленная в октябре 1918 года, подписанная настоятелем протоиереем Арсением Копецким и диаконом Петром Долговым, направленная в Административно-юридический отдел Басманного Совета рабочих депутатов в ответ на поступившее требование. В ней отмечены 7 Евангелий, 6 напрестольных крестов, 8 наименований священнослужебных сосудов с принадлежностями, 3 дарохранильницы, 4 кадила, облачения и прочие предметы из тканевых материалов (в частности, отмечен один обветшалый комплект архиерейских облачений, пожертвованный при освящении храма Петра и Павла в 1801 году), блюда, чайники, сосуды для освящения хлебов и водоосвящения. Во всех трех церквях – иконостасы деревянные, одноярусные, не имеющие особой ценности. В каждой из церквей имеется по одному семисвечнику и по две хоругви, имеется также потребное количество подсвечников перед иконостасами. Было отмечено, что никакого имущества, приносящего какие-либо доходы церкви, как то: домов, земель, фабрик, капиталов и проч. – у госпитальных храмов не имелось. Церковных сумм к 1 октября состояло: наличными 1 574 рублей 7 копеек, билетами (процентными бумагами) – 7 800 рублей. Все церковные суммы хранились в денежном ящике Госпиталя. Особым пунктом был отмечен церковный делопроизводственный архив: «1. Метрические книги о родившихся, браком сочетавшихся и умерших хранятся с 1828 года по настоящий год; 2. Исповедные ведомости – с 1830 по настоящий год; 3. Книги и записки брачных обысков – с 1831

⁴⁹⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.19032. Оп.1. Д. 60. Л. 287; Д. 330. Л. 22.

⁴⁹⁷ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 231. Л. 2-98.

по настоящий год; 4. Документы к брачному обыску – с 1827 по настоящий год; 5. Приходно-расходные книги – с 1830 по настоящий год за исключением книг с 1874 года по 14 сентября 1890 года, сгоревших во время пожара в квартире священника Иоанна Смоленского⁴⁹⁸.

В декабре 1918 года Госпиталь получил новое именование – «Первый Красноармейский Коммунистический бывший Генеральный военный госпиталь». Одновременно с переименованием было прекращено служение во всех госпитальных домовых церквях, с куполов сняты кресты. Тот факт, что храмы Московского военного госпиталя были домовыми, а ведомство, при котором они находились, с самых первых лет советской власти попало под пристальное внимание Красной Армии, способствовал тому, что они были закрыты одними из первых в Москве, заметно раньше времени массового закрытия московских приходских храмов.

В 1919 году положение госпитальных храмов было уже неблагоприятным. До середины лета 1919 года поступило ходатайство об оставлении храма, которое подписали 230 человек. Всего сотрудников на тот момент в госпитале числилось 1 064 человека. 21 июня 1919 года копия списка лиц, желавших оставления храма, была препровождена главным врачом госпиталя В. Д. Коноплянкиным начальнику окружного военно-санитарного управления. Юридический отдел Московского окркомиссариата по военным делам в письме от 30 июня 1919 года разъяснил, что если церковь помещается в отдельном специально для этой цели приспособленном здании, то последнее может быть предоставлено Военным ведомством коллективу верующих при условии, что храм будет предварительно зарегистрирован местным советом. Резолюцией от 4 июля 1919 года главный врач решил судьбу госпитального храма, постановив, что, так как отдельного помещения специально

⁴⁹⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 231. Л. 2–7 об. (в 3-х экз.); Опись датируется по сопроводительной записке (Там же. Л. 1). Лл. 10, 10а, 10б. – сведения о %% бумагах госпитальной церкви (в 3-х экз.); Лл. 11–13 – сведения о состоянии кассы госпитальной церкви. Лл. 14–19 – сведения о приходе, расходе и остатке денежных сумм и капиталов по госпитальным церквям за 1917 г. (в 3-х экз.); Лл. 20–23 – сведения о приходе, расходе и остатке денежных сумм и капиталов по госпитальным церквям за первую половину 1918 г. (в 2-х экз.); Лл. 24–26. – справка о сдаче %% бумаг церковных сумм госпиталя от 25 июля 1920 г., подписанная бухгалтером госпиталя. Ранее было обращено внимание на это дело и были использованы сведения из него. См.: Москва Православная [июнь]: Церковный календарь; История города в его святынях; Благодетельные обычаи / авт.-сост. М. И. Вострышев, В. Ф. Козлов, А. К. Светозарский. М., Б.г. С. 481–482.

для церкви в госпитале нет, оставление церкви невозможно⁴⁹⁹. При этом из трех госпитальных храмов только два было домовыми, а третий – в память Московских Святителей – находился в отдельно стоящем здании и вполне мог использоваться для богослужений. Очевидно, новое советское руководство Госпиталя просто не хотело брать на себя ответственность по сохранению богослужения в Госпитале, в том числе и за основной его территорией.

О четкой антирелигиозной установке советской власти и, в частности, негативном отношении к госпитальным храмам, свидетельствует секретная агентурная сводка особого отдела при Московской чрезвычайной комиссии от 27 июля 1919 года. В ней, в частности, говорится, что в 1-м Красноармейском коммунистическом госпитале находится на лечении до 2 000 человек больных и раненых красноармейцев. Штат сотрудников – около тысячи человек, большинство из которых – царские чиновники – живут и чувствуют себя как в старое доброе время. Комиссар и ячейка работают усиленно, но зачастую их работа разбивается о саботаж администрации. Например, у ячейки отняли помещение, предназначенное для клуба и библиотеки, в то время как в госпитале имеются две домовые церкви. Некоторые из врачей и мелких служащих ведут себя явно антисоветски, но раненые красноармейцы возмущаются этим, и те притихают. Администрация вообще враждебно относится к начинаниям культурно-просветительной деятельности ячейки. На кухне замечаются злоупотребления администрации. Имеется мнение о том, что на бюрократов-чиновников 1-го Красноармейского Коммунистического госпиталя нужно обратить серьезное внимание⁵⁰⁰.

Этот документ, как и письмо об оставлении действующего храма, содержащее многочисленные подписи свидетельствуют о смелости персонала Госпиталя, старавшегося сохранить верность своим убеждениям (и это несмотря на

⁴⁹⁹ Поддубный М. В. Госпиталь в период гражданской войны // В кн.: Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. М., 2006. Т. I. С. 187.; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 231. Л. 9.

⁵⁰⁰ Документ подписан заведующим Особым отделом при МЧК Т. П. Самсоновым, заведующим Активным отделением К. Зоновым и информатором П. Грязновым. См.: Православная Москва в 1917–1921 гг. Сб. док-тов и материалов / Авт.-сост. А. Н. Казакевич, В. В. Марковчин, Т. С. Тугова, А. М. Шарипов. М., 2004. С. 445–446. № 90.

то, что в летние месяцы 1918 года состоялась значительная кадровая реорганизация штата персонала).

Имеются документы, свидетельствующие о том, что, несмотря на резолюцию главврача от июля 1919 года, указывающую на невозможность оставления госпитального храма, богослужения в храмах на территории Госпиталя продолжались и позднее, до ноября 1920 года. Инициатором закрытия больничных церквей Москвы выступало Военно-санитарное управление, и это поддерживалось Наркоматом юстиции. Так, 19 октября 1920 года помощник по политчасти начальника Главного военно-санитарного управления (Главсанупра) (подпись неразборчива. – *И. Т.*) отправил в Наркомат юстиции отношение, в котором докладывалось, что в некоторых московских госпиталях имеются церкви, которые посещаются как больными красноармейцами, так и посторонней публикой, и отмечалось, что подобным положением вещей не исключена возможность занесения извне инфекций. Выражалась просьба от имени политической инспекции Главного военно-санитарного управления сообщить, возможно ли закрытие церквей и использование их помещений. Через 10 дней, 29 октября 1920 года, поступило уведомление заведующего VIII отделом НКЮ П. А. Красикова в Главное военно-санитарное управление о недопустимости проведения богослужений в лечебных учреждениях и ставилось в известность, что согласно соображениям санитарии и Декрету об отделении Церкви от государства, инструкции к нему и циркуляру Народного комиссариата просвещения, все домовые церкви (к коим относятся молитвенные дома при бывших казенных госпиталях, больницах, санаториях, приютах и т. д.) подлежат немедленной ликвидации. В отдельных случаях, по соглашению с администрацией, разрешается предоставлять для удовлетворения религиозных потребностей отдельные комнаты, не долженствующие носить характера постоянных молитвенных домов, без допущения на эти молитвенные собрания лиц, посторонних для данного учреждения. В документе предлагалось лиц, виновных в нарушении декрета об

отделении Церкви от государства, выразившемся в допущении культа в домовых церквях, подлежащих ликвидации, предавать народному суду⁵⁰¹.

В ЦГАМО сохранилась записка сотрудника организационно-учетного управления Юридического отдела Моссовета Александрова от 8 ноября 1920 года, уведомлявшая юридический отдел в лице заведующего организационно-учетным отделением, что последняя служба в госпитальном храме должна быть совершена в воскресенье, 7 ноября 1920 года, после чего храмы будут ликвидированы. Документ снабжен резолюцией о прикомандировании для проверки заявления товарища Александрова⁵⁰².

В том же архиве сохранилось прошение приходской общины госпитальной церкви в организационно-учетное отделение Отдела юстиции Моссовета от 12 ноября 1920 года, первым подписантом которого выступал ктитор церкви – Дмитрий Матвеевич Чаусов. Там, в частности, говорится, что в «госпитале находится на излечении более 2 000 больных красноармейцев, из которых очень многие при усилении болезни желают напутствования Св. Тайнами и другими церковными обрядами, например, Соборованием и молитвами о больных. Желаящие причаститься обыкновенно бывают ежедневно, иногда не менее 30 человек. Родные и знакомые многих умерших в Госпитале просят совершить обряд отпевания над умершими в церкви Госпиталя – просьба их доселе удовлетворялась. Сотрудников при вышеназванном госпитале около полутора тыс., из которых две трети верующих и они посещают в свободное время госпитальный храм. «Ввиду вышеизложенного мы... просим разрешить взять двухсотлетнюю церковь св. апостолов Петра и Павла на наше попечение для совершения в ней церковных обрядов». Приложен список верующих с указанием ФИО, возраста, происхождения, рода занятий, вероисповедания, места жительства и собственно расписки. Подписавшихся было уже не 230 человек, как в 1919 году, а 424. Однако их просьба не была уважена. Об этом свидетельствует помета на документе:

⁵⁰¹ Православная Москва в 1917–1921 гг. С. 213–214. №№ 270, 271.

⁵⁰² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 231. Л. 27.

«прошение это доложено было 8/XII заведующему Отделом юстиции т. Берману и последним отказано в ходатайстве ввиду того, что церковь домовая»⁵⁰³.

В ЦГАМО также сохранился акт от 26 ноября 1920 года следующего содержания: «Нижеподписавшийся сотрудник орг. учет. упр. Отдела юстиции МСРиКД Александров прибыв в генеральный госпиталь, запечатал церковь во имя Всех Скорбящих Радостей. Ценные предметы были перенесены местным священником в Петропавловскую церковь (в которой к тому времени уже были прекращены богослужения – и. А.). В этом же корпусе ключи взял». Акт был подписан Александровым и иером. Иераксом⁵⁰⁴.

В начале декабря 1920 года рабочие и служащие Бобруйского военного госпиталя, эвакуированного в Москву и занявшего летние бараки Московского военного госпиталя, возбудили ходатайство об оставлении церкви Московских Святителей при летних бараках. Специально обращалось внимание, что она представляет собой отдельное специальное храмовое здание (иными словами, не является домовою, а потому и не нуждается в ликвидации). Отдел Юстиции просил Бобруйский госпиталь уведомить, «не встречается ли препятствий со стороны Военного ведомства к оставлению означенной церкви, и, если на этот предмет имеется приказ по Военному округу, не отказать в сообщении копии этого приказа»⁵⁰⁵. В архиве сохранился типовой образец соглашения на бессрочную бесплатную аренду здания церкви Московских Святителей, подписанный рабочими, служащими и находящимися на излечении красноармейцами Бобруйского военного госпиталя в начале декабря 1920 года. Подписей представителей Юридического отдела Моссовета поставлено не было (имеется только штамп входящей регистрации от 3 декабря)⁵⁰⁶. 25 декабря 1920 года военный комиссар Бобруйского военного госпиталя отправил следующее письмо в Отдел юстиции Моссовета: «Настоящим сообщаю, что сотрудники вверенного мне госпиталя, обслуживающий таковой, расположены квартирами по разным районам

⁵⁰³ Там же. Лл. 28, 29–46. (Списки верующих, подписавших прошение.)

⁵⁰⁴ Там же. Л. 48.

⁵⁰⁵ Там же. Лл. 50, 54.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 55–58.

гор. и при госпитале проживает незначительная часть, а кроме того как среди первых, так и среди последних наблюдается известный процент других религий, для же удовлетворения религиозных чувств требуется как для первых, так и для последних та или другая обстановка. А по сему, исходя из нижеследующих соображений, открытие церкви для проведения службы при вверенном мне госпитале считаю невозможным так как госпиталь, во первых является заразным и что церковь как таковая может явиться источником заразы, а главное что в госпитале имеется не одна группа больных и что обслуживающий персонал по научным медицинским данным не должен соприкасаться между собою. Существующая церковь ранее предназначалась исключительно для воинских лиц, находящихся на излечении в госпиталях, да и то только в не заразных, а в данное время госпиталь, как указано выше, госпиталь является острозаразным, а по сему согласие на открытие госпитальной церкви для службы является недопустимым исходя из других же дополняющих соображений первое, что сотрудники могут пользоваться церквями по месту их расположенных в районах квартирования. По вопросу же проживающих не значительной части при госпитале, то таковые могут пользоваться ближайшими церквями расположенных в районе, а так как таковые имеются в нескольких десятках саженей, а по сему с своей стороны согласие на открытие церкви при вверенном мне госпитале не даю. По вопросу же приказа то при обнаружении такового в госпитале и вообще будет Вам препровожден»⁵⁰⁷. Это мнение было уважено. 4 января следующего 1921 года на документе была проставлена резолюция: «Церковь не открывать»⁵⁰⁸

Сохранилось письмо военного комиссара госпиталя в Юридический отдел штаба округа от первых чисел декабря 1920 года, в котором он просил срочного распоряжения о передаче всего церковного имущества госпитальных церквей в одну из ближайших приходских церквей⁵⁰⁹.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 66. (Синтаксис и несогласованность фраз в предложении приводятся в соответствии с цитируемым документом).

⁵⁰⁸ Там же. Л. 66.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 53.

В другом письме, уже от середины месяца, также направленном в Юридический отдел, он просил разрешения вскрыть церковь при госпитале с условием, что церковное имущество будет принято Комиссией и сложено в соответствующее помещение. Комиссар заявлял о готовности принять имущество под личную ответственность, а также о необходимости переоборудовать церковь под клуб для больных и раненых красноармейцев⁵¹⁰.

Сохранился акт об осмотре имущества госпитальной церкви, производившемся сотрудниками церковной группы подсекции по охране памятников искусства и старины художественного подотдела Моссовета Л. Ф. Вишневым и И. Я. Тюлиным в присутствии представителя Юридического отдела А. К. Абрамова, заведующего имуществом госпиталя В. З. Захарова и иеромонаха Иеракса от 13 декабря 1920 года, фиксирующий наиболее интересные предметы убранства госпитальной церкви с указанием дат, в ряде случаев размеров, и содержащий пометы о том, куда эти вещи были направлены⁵¹¹. Спустя две недели, 28 декабря 1920 года, на тот же предмет была осмотрена церковь Всех Скорбящих Радости, однако, как констатировали специалисты, при осмотре предметов, подлежащих охране и учету со стороны подсекции, не оказалось⁵¹².

Как свидетельствуют архивные документы, художественный подотдел отдела народного просвещения московского совдепа просил передать ему «церковные книги, имеющие историческое значение из церкви Петра и Павла при бывшем Генеральном Военном госпитале в Лефортове», ранее вывезенные Лефортовским совдепом. Эта просьба 27 декабря 1920 года была поддержана Организационно-учетным отделением Отдела юстиции московского совдепа⁵¹³.

Архивные документы содержат сведения (возможно, неполные) о том, куда передавались церковные предметы после закрытия госпитальных храмов.

⁵¹⁰ Там же. Л. 53, 59–59 об.

⁵¹¹ В. З. Захаров был среди подписавших ходатайство об оставлении церкви от ноября 1920 г., причем поставил свою подпись четвертым после Д. М. Чаусова, Е. С. Чаусовой и В. Д. Чаусовой – вероятно, супруги и дочери ктитора. Как видно из другого документа дела, 13 декабря 1920 г. были осмотрены две госпитальные церкви – Петра и Павла и Московских святителей. См.: Там же. Л. 63, 72–73. Дается в приложении к настоящей работе.

⁵¹² Там же. Л. 74.

⁵¹³ Там же. Лл. 69, 70.

25 мая 1920 года поступило прошение от священника и прихожан Никольской церкви с. Федоровского Коломенского уезда Московской губернии в организационно-учетное отделение Юридического отдела Моссовета о пожертвовании некоторых церковных предметов. 22 июня последовала одобрительная резолюция⁵¹⁴. В феврале 1921 года 13 предметов церковного имущества госпитального храма (гл. обр. облачения) были переданы Отделом юстиции Московского совдепа прихожанам церкви Св. Николая с. Федоровского Коломенского уезда Московской губернии⁵¹⁵.

20 ноября 1920 года поступило ходатайство прихожан, проживавших в деревнях Неверово, Коськово, Галкино и Копкино Дарской волости Старицкого уезда Тверской губернии начальнику московского районного распределительного эвакуопункта с просьбой передать церковную утварь из закрытых госпитальных храмов в церковь с. Неверова⁵¹⁶. В 1921 году значительная часть предметов госпитальной Петропавловской церкви (около 200, в т. ч. и иконостас) была передана Отделом юстиции Моссовета в церковь с. Неверова Дарской волости Старицкого уезда Тверской губернии⁵¹⁷.

15 октября 1920 года приходской совет церкви Св. Николая при с. Кармолине Ивановской волости Богородского уезда Московской губернии обратился в организационно-учетное отделение Отдела юстиции Моссовета с просьбой выдать ряд богослужебных предметов. 22 октября на документ была наложена резолюция: «Выдать через два месяца если таковыя окажутся из предметов»⁵¹⁸. Спустя два месяца, 28 декабря 1920 года, на документе была проставлена помета, разрешавшая, согласно распоряжению тов. Бермана, выдать имущество из бывшего Генерального госпиталя⁵¹⁹. Часть имущества (около 150 предметов) в 1921 году поступила в с. Кормолино Ивановской волости Богородского уезда Московской губернии⁵²⁰.

⁵¹⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 231. Л. 76.

⁵¹⁵ Там же. Лл. 79, 80.

⁵¹⁶ Там же. Л. 84–85.

⁵¹⁷ Там же. Лл. 82; список на Лл. 86–89 об. 2 экз.

⁵¹⁸ Там же. Л. 94.

⁵¹⁹ Там же. Л. 94.

⁵²⁰ Там же. Л. 97–98.

В архиве сохранились приходные кассовые ордера о получении денег от всех трех приходских общин (от каждой по 50 руб.)⁵²¹. Это наводит на мысль, что передача отделом юстиции Моссовета предметов из закрытых госпитальных храмов в другие храмы была не безвозмездной.

В каменном корпусе, обращенном к реке Яузе, где находился старейший госпитальный храм, с осени 1918 года было устроено нервное отделение, а с 1924 года – и физиотерапевтическое отделение (последнее существовало там до 1941 года). Пространство, ранее занимавшееся Петропавловским храмом, теперь стало использоваться в утилитарных целях. В конце 1920-х – начале 1930-х годов было решено создать дополнительное пространство в помещении бывшей церкви путем устройства новых полов. На этой дополнительной площади была создана светлая и просторная комната отдыха, а также оборудован кабинет механотерапии. Согласно планам и их пояснениям, комната отдыха располагалась в алтарной части, в то время как кабинет механотерапии – в западной части⁵²².

До 1941 года помещения домового храма, посвященного иконе Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», находившиеся на первом этаже основного здания Госпиталя, были преобразованы в клуб с кинозалом. В 1941 году в этом крыле было создано новое физиотерапевтическое отделение Госпиталя и помещение храма было переоборудовано в зал отдыха и ожидания для пациентов⁵²³⁵²⁴. Несмотря на кардинальное изменение интерьера, стены, своды, основные конструкции, а также фасадная декорация изменений практически не претерпели. На втором этаже разместили, после того как положили перекрытия, службы рентгеновского отделения (ныне – центр лучевой диагностики Госпиталя).

Храм Московских святителей при летних бараках был разобран. Некоторое внимание было уделено каменной и деревянной часовням, а также колокольне

⁵²¹ Там же. Лл. 78, 81, 93.

⁵²² *Лаврентьев Н. И.* К истории развития психоневрологической помощи в Московском Коммунистическом военном госпитале // Краткая история Московского коммунистического военного госпиталя. М., 1943. Сс. 183, 186; *Ковтурман Н. С.* История физиотерапии в Московском Коммунистическом военном госпитале // Там же. Сс. 100, 103.

⁵²³ *Ковтурман Н. С.* История физиотерапии в Московском Коммунистическом военном госпитале // Там же. С. 103.

⁵²⁴ *Иерей Илья Тягин, Овчинникова М. Б.* Традиции милосердия. Путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко. М: Эко-Пресс., 2021. С. 44-45.

Петропавловского храма на госпитальной территории, что зафиксировано в акте осмотра этих объектов, произведенного сотрудниками Главнауки НКП, МОНО и собственно госпиталя 14 июля 1928 года⁵²⁵.

В 1958–1959 годах имел место капитальный ремонт главного корпуса, в ходе которого многоместные палаты были заменены меньшими по размеру. Подобные работы произведены и в старейшем «церковном» корпусе⁵²⁶, в результате был принципиально переделан интерьер бывшего литургического пространства⁵²⁷. Перекрытиями помещение храма было разделено на первый и второй этажи. Настенная живопись госпитального Петропавловского храма была скрыта, заштукатурена, причем, возможно, это происходило в несколько этапов. По воспоминаниям санитарки психиатрического центра Госпиталя Анны Михайловны Хохловой, трудившейся в 1950-е годы в госпитальной службе материально-технического обеспечения маляршей, в 1958–1959 годах здание корпуса ремонтировалось и она принимала участие в ремонте алтарного свода на втором этаже бывшего домового храма Святых апостолов Петра и Павла – ярко-синего, с золотыми звездами. На следующий день все с удивлением увидели, что штукатурка облетела и вновь сиял неземной красоты лазоревый свод. Пришлось начальству

⁵²⁵ Приведем его текст, касающийся интересующих нас сооружений: «1. Каменная часовня расположена по линии ограды в сев. зап. углу госпитального каре, все деревянные части пришли в полную ветхость, потолок разрушен, купол наполовину обвалился, пола нет, четыре каменные стены целы, частично обвалилась штукатурка. Представители Главнауки и МОНО считают, что здание представляет незаурядную архитектурную ценность как хорошо выдержанная постройка в стиле «ампир» XIX века, однотипная с обработкой северной части главного корпуса. Ввиду этого ими высказывается пожелание сохранения данного здания с использованием для любой цели, причем ввиду сильной обветшалости деревянных частей можно допустить замену купола простой четырехскатной крышей; в крайнем случае, при полной финансовой невозможности, надлежит сохранить стену, включенную в ограду в качестве декоративного портала, в случае производства указанных работ необходимо предварительно заменить и зафотографировать постройку. 2. Отдельно стоящая колокольня на 4-х столбах близ нервного корпуса (речь идет об отдельно стоящей колокольне вблизи алтаря Петропавловского госпитального храма, в нижних частях сохранившейся по сей день – и. А.) исторического художественного значения не имеет, и за ненужностью может быть устранена. 3. Деревянная часовня на территории поликлиники исторического художественного значения не имеет и за ненужностью и обветшанием может быть устранена». См.: ЦГА г. Москвы. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 315. Л. 3.

⁵²⁶ Ю. К. Мировторцев. Госпиталь в начале XX столетия (1901–1917) // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. М., 1985. С. 60.

⁵²⁷ Филатов С. В., Чепурной А. С. Отчет о натурном исследовании интерьера храма св. Первопрестольных Петра и Павла на территории Главного военного клинического госпиталя им. академика Н. Н. Бурденко // Межобластное научно-реставрационное художественное управление Министерства культуры РФ. М., 2007. 29 с.

вызывать каких-то специалистов, и только после обработки стен чудесные росписи скрылись⁵²⁸.

Многие сестры милосердия, работавшие в госпитале до 1917 года, решили остаться там и после революции. О дальнейших событиях в их жизни можно судить по сдержанным записям в архивных документах. Так, дело, хранящееся в РГВА⁵²⁹, повествует о том, что санитарка Михайлова Агриппина Михайловна приказом заведующего хозяйством Московского госпиталя от 19 июня 1919 года была уволена по обвинению в контрреволюционной деятельности.

В феврале 1919 года Наркомздрав утвердил план обучения и программы школ сестер милосердия, которые были составлены медицинским отделом РОКК. Школы должны были готовить ухаживающий у постели больных персонал, умелый, добросовестный, правильно понимающий свою роль в жизни лечебного заведения⁵³⁰.

Постановлением Реввоенсовета и Наркомздрава от 27 декабря 1919 года были утверждены документы «О курсах красных сестер (помощниц сестер милосердия)» и «О курсах красных санитарок». В этих документах отмечалась необходимость открытия нового типа учебных заведений для сестер, которые отличались от обычных сестринских школ. В нормативном акте о курсах красных сестер говорилось о том, что такие курсы были созданы с целью назначения сестер милосердия, разделяющих идеологию Красной Армии, для оказания помощи больным и раненым красногвардейцам и одновременно пропаганды коммунистических идей в их жизни⁵³¹.

В 1920 году общины сестер милосердия расформированы. Вскоре лишь одна из прежних сестер милосердия, сестра Ольга Романовна Азанкина (Богадист),

⁵²⁸ Иерей Илья Тягин, Овчинникова М. Б. Традиции милосердия. Путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко. М: Эко-Пресс., 2021. С. 45–46.

⁵²⁹ РГВА. Ф.19032. Оп.1. Д. 60. Л. 287.

⁵³⁰ Горелова Л. Е., Кудря Д. П. История подготовки медицинских сестер в СССР // Мед. сестра. 1988. № 3. С.48–51.

⁵³¹ Приказ Революционного военного совета республик и Народного комиссариата здравоохранения. № 2263. 27 декабря 1919 года // Систематизированный сборник приказов и распоряжений центральных учреждений Военного ведомства. Вып. 3 (1–15 февраля 1920 г.). М., 1920. С. 263–266.

осталась работать в Госпитале. Она впоследствии стала старшей сестрой отделения и проработала в учреждении более 40 лет (с 1913 года)⁵³².

Слово «милосердие» было исключено из названия сестринских учебных заведений на долгий срок. 6 июня 1925 года было принято новое «Положение об обществе Красного Креста», которое предписывало учреждениям Красного Креста создавать школы и курсы для обучения медицинских работников. С 1926 года сестер милосердия в нашей стране стали называть медицинскими сестрами. В дальнейшем и понятие «медицинская сестра» показалось устаревшим, и ряд должностных лиц предлагали заменить его на «помврача», «замврача», «медицинский техник» и т. д., мотивируя это тем, что само слово «сестра», тем более «сестра милосердия» как понятие, включающее в себя нечто религиозное, монашеское, не соответствует задачам советского здравоохранения и типу медработника, который нам нужен⁵³³.

В новых исторических условиях появлялись новые образцы женственности, однако самое важное, что остается неизменным у женщин, посвятивших себя медицинской профессии, – это их сердечность и готовность отдавать всю себя своей деятельности. Не случайно в России для обозначения этого важного занятия, несмотря на изменения, по-прежнему используется теплое и уважительное слово «сестра», хотя с добавлением «медицинская». «Сестра, сестричка» – так обращались к медицинскому персоналу ранеными солдатами во время Гражданской (1918–1922 гг.) и Великой отечественной (1941–1945 гг.) войн, и именно так сегодня называют их пациенты в военных госпиталях и больницах.

Таким образом, изучая подлинные документы и печатные труды по истории старейшего российского государственного лечебного учреждения, содержащие воспоминания руководителей Госпиталя, начальников подразделений, рядовых сотрудников, мы можем воссоздать правдивую картину пастырского служения

⁵³² Овчинникова М. Б. Милосердные сестры. Верность традициям // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. Т. 1. Становление военной медицины в России. Кн. 4. Избранные страницы истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко в XX – начале XXI вв. (Готовится к изданию.)

⁵³³ Учебник для сестер милосердия и пастырей, несущих служение в больницах / Под общ. ред. священника Сергея Филимонова. СПб, 2000. 440 с.

духовенства и милосердное служение коллектива Московского военного госпиталя – вспомнить всех, кто спасал души раненых воинов, кто, не поддавшись искушениям нового времени, в самых тяжелых условиях до конца исполнил свой долг перед Богом и ближними.

Краткие итоги главы

В результате анализа динамики развития пастырского и социального служения на примере Московского военного госпиталя и важности участия Церкви в жизни государства в условиях Русско-японской и Первой мировой войн, а также в эпоху государственных переворотов 1917 года можно сделать следующие выводы:

- Возрастание роли милосердия в военное время: исследование показало, что опыт сестринского движения XIX века значительно усилил вовлеченность различных слоев общества в процессы помощи раненым и больным воинам. Это произошло на фоне Русско-японской и Первой мировой войн, что подчеркивает важность формирования системы милосердного служения. Пастырская деятельность и служение мирян сыграли значительную и активную роль в поддержке военнослужащих, что подтвердило их важность как духовной основы российского общества. Духовенство, вопреки распространенным предвзятым мнениям, проявило высокую степень самоотверженности, оказывая моральную и практическую помощь, что стало критически важным в условиях войны. В контексте больших человеческих страданий военные пастыри, как и сестры милосердия, обеспечивали не только физическое, но и духовное сопровождение раненых. Их действия помогали сгладить тяжелые условия войны и поддерживали моральный дух пациентов, что в условиях нехватки медицинских ресурсов становилось особенно важным.
- Синергия духовенства и медицины: пастырское и социальное служение в Московском военном госпитале в 1914–1917 годах продемонстрировало критическую необходимость взаимодействия между духовенством и

медицинским персоналом. Это сотрудничество обеспечивало более комплексный подход к лечению воинов, сочетая физическую помощь с духовной поддержкой, что было особенно важно в условиях войны. Пастырское служение и активность медицинского персонала в Московском военном госпитале сыграли решающую роль в организации помощи раненым и больным воинам. Духовенство и сестры милосердия не только оказывали духовную поддержку, но и активно участвовали в лечебных процессах, что способствовало улучшению морального состояния пациентов. Создание условий для регулярных богослужений и духовных бесед помогало поддерживать дух пациентов и моральный климат в сложные военные времена.

- Влияние политических изменений на социальное служение: политические перевороты 1917 года оказали значительное влияние на дальнейшую деятельность Московского военного госпиталя. Изменение отношения государства к церковным институтам и к роли духовенства в обществе вызвало необходимость адаптации пастырских инициатив и милосердной помощи к новым реалиям. В условиях новых политических вызовов наблюдается изменение отношения государственной власти к церковной деятельности и духовенству. Если раньше Церковь была тесно вовлечена в жизнь Госпиталя, в новых условиях эта связь прервалась, что отразилось на возможности священников осуществлять пастырское попечение. При всех обстоятельствах Госпиталь оставался важным институтом в деле оказания помощи нуждающимся. Работа медиков и сестер милосердия не только среди пациентов, но и в обществе в целом стала ключевым аспектом социального служения, что позволило сохранить некоторые традиции милосердия даже в условиях политической нестабильности.
- Стойкость и самоотверженность: стойкость и патриотизм как духовенства, так и медицинского персонала Московского военного госпиталя обеспечили непрерывность медицинской и социальной помощи, несмотря на меняющиеся политические и экономические условия. Это подчеркивает

важность Русской Православной Церкви в качестве основного института милосердия в тяжелые для страны времена, особенно во время войн. Церковь сыграла значительную и активную роль в поддержке военнослужащих, что подтвердило её важность как духовной основы российского общества.

Таким образом, работа Московского военного госпиталя в начале XX века стала ярким примером интеграции духовного и медицинского аспектов социальной помощи, что способствовало поддержке защитников Отечества в кризисные моменты истории. Подводя итог, можно также отметить, что пастырское служение и социальная деятельность в военной медицине в условиях Русско-японской и Первой мировой войн подчеркивают важность связи между духовностью и медициной, а также значимость в деле милосердия организованной помощи, что остается актуальным и в современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня нам предоставлена уникальная возможность: пользуясь вновь открытыми архивными данными, стараться уменьшить число «белых пятен» в жизни нашего государства и Русской Православной Церкви, глубже понять закономерности их развития в тот или иной исторический период. «У людей, не имеющих исторической памяти развития своего государства, не помнящих своего родства, забывших Бога, разлюбивших Отечество, развивается порок нравственной памяти, ведущий к оскудению умов, к деградации общества», – подчеркивал митрополит Иоанн (Снычев).

Исторические сведения, представленные в данном исследовании, касаются истории Московского военного госпиталя, судеб представителей военного духовенства, судеб обычных людей: государственных деятелей, военных врачей, сестер милосердия.

Именно благодаря этим людям – хранителям святынь – никогда не угасал в Госпитале огонек веры. И хотя официально госпитальные храмы в XX веке были закрыты, по свидетельству ветеранов Госпиталя, молебны о здравии Защитников Отечества в «церковном» корпусе проводились и в 1930-е годы, и в годы Великой Отечественной войны, когда в Госпитале, ставшем в 1944 году Главным военным госпиталем Красной Армии, проходили лечение свыше 74 тысяч раненых и больных защитников Отечества.

За три века своей работы Первенец российской медицины ни разу не изменил своему первоначальному предназначению – оказанию медицинской помощи самым сложным и тяжелым больным и раненым. В течение веков совершенствовались и преумножались талантом и трудом поколений врачей Госпиталя лучшие традиции, главным содержанием стала верность принципам

отечественной клинической и военной медицины, наращивался лечебный и научный потенциал. Изменялись медицинское оборудование и техника, лекарственные препараты и методики лечения, но оставались неизменными готовность к служению Родине и высокий профессионализм врачей, медицинских сестер, фельдшеров, лаборантов, проявляемый ими в борьбе за здоровье российских воинов. Поэтому, какие бы вызовы ни приготовило будущее, готовность Главного военного госпиталя к оказанию качественной медицинской помощи должна быть постоянной. Это красноречиво подтвердили реалии сегодняшнего дня, проверившие на прочность коллектив госпиталя во время борьбы с коронавирусной инфекцией и героический труд военных медиков в период СВО.

И всегда впереди, принимая на себя самый сложный, духовный бой, была и находится Русская Православная Церковь, её пастыри. Благодаря совместным усилиям православных пастырей и военных медиков, союзу молитвы и высокого медицинского искусства и самоотверженности, российская военная медицина из службы призрения за пораженными в боях и больными в прошлых войнах превратилась в один из основных источников пополнения действующей армии опытными в боевом отношении солдатами и офицерами, возвращенными в строй после лечения.

С самого начала акцент работы сделан на духе милосердного труда, а также на постоянном развитии, что стало неотъемлемой составляющей деятельности Московского военного госпиталя и его школы.

В ходе исследования, посвященного опыту пастырского и социального служения больным и раненым в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков на примере Московского военного госпиталя, были достигнуты заявленные цели и выполнены поставленные задачи. Работа выявила значительные закономерности и изменения в пастырском и социальном служении, которые оказали влияние на формирование системы военно-медицинского обслуживания в указанный период.

Цель работы состояла в выявлении закономерностей пастырского и социального служений и их развития в Российской империи на примере деятельности Московского военного госпиталя в один из наиболее сложных периодов его существования, в один из самых сложных и переломных периодов истории России.

В ходе подготовки текста диссертации было поставлено пять задач, которые успешно выполнены:

1. Роль Церкви и христианского вероучения в формировании социального движения.

В первой главе исследования было показано, что христианское учение активно способствовало формированию социального движения среди духовенства и мирян, побуждая их к помощи нуждающимся. Церковь стала важным инициатором социального служения, основанного на принципах любви и милосердия, что на протяжении всего исследуемого периода создавало основу для активного участия верующих в помощи больным и раненым.

2. Изменения в социальном служении во второй половине XIX века.

Изучая деятельность Московского военного госпиталя в контексте Крымской и Русско-турецкой войн, удалось выявить, что этот опыт оказался ключевым для формирования современных подходов к социальному служению. Изменения отношения врачей к помощи женщин в госпиталях, произошедшие в середине XIX века, привели к интеграции сестер милосердия в систему военной медицины, что открыло новые возможности для милосердной помощи. Во второй половине XIX века произошли законодательные изменения, определившие статус духовенства в госпиталях. Это способствовало переходу в штат военных лечебных учреждений военного духовенства.

3. Динамика развития пастырского и социального служения в условиях войны.

Вторая глава работы освещает динамику пастырского и социального служения в условиях Русско-японской и Первой мировой войн. Выявлена важная роль взаимодействия духовенства и медицинского персонала, обеспечивающего

комплексный подход к помощи защитникам Отечества, что подчеркивает необходимость совместной работы разных структур в условиях кризиса. Опыт Московского военного госпиталя в контексте Русско-японской и Первой мировой войн продемонстрировал важную роль, которую играло сотрудничество между духовенством и медицинским персоналом. Нарастающая нагрузка на военные медучреждения в условиях войны создала необходимость интеграции духовной и лечебной помощи, что в свою очередь подтвердило значимость пастырского служения как неотъемлемого элемента военно-медицинского обслуживания.

4. Взаимодействие церковных и государственных институтов.

Исследование также показало, что, несмотря на сложности, возникавшие в результате политических изменений, Церковь и государство находили пути для взаимодействия в области социального служения. Это взаимодействие способствовало повышению эффективности милосердной помощи и укреплению связей между духовенством и обществом.

5. Влияние политических изменений 1917 года на церковную деятельность.

Наконец, анализ влияния политических изменений 1917 года на деятельность Московского военного госпиталя подтвердил, что, несмотря на революционные потрясения, духовенство и медицинский персонал продолжали неустанно служить жизням и душам раненых и больных до закрытия храмов и изгнания священнослужителей из Госпиталя. Это служение стало символом стойкости и преданности, что наглядно иллюстрирует важность роли Русской Православной Церкви в обществе, особенно во времена войны и социальных потрясений.

Таким образом, результаты данного исследования не только обобщают и структурируют имеющиеся исторические знания о пастырском и социальном служении в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., но и открывают новые перспективы для дальнейших исследований в области церковной истории, социальной работы и взаимодействия Церкви с государственными структурами в кризисные периоды и мирное время.

Работа подчеркивает важность исторического наследия, доказывая, что пастырское служение и социальная активность Церкви стали важными факторами в оказании помощи больным и поддержания устойчивости общества в сложные исторические моменты.

Результаты данной работы могут послужить улучшению организации пастырской и социальной деятельности в военно-медицинском ведомстве в настоящее время. Примеры из прошлого помогут современным учреждениям развивать традицию совместной заботы о пациентах со стороны врачей и священников.

Сегодня наша страна находится на пороге нового исторического выбора, нового этапа развития. В этот момент должно подумать над тем, как, не копируя что-либо по старым шаблонам, а возвышаясь до уровня подлинного социального творчества, прийти к новому мировоззренческому синтезу. Цель его – взять все лучшее, что было в нашем прошлом, и построить на этой основе фундамент будущего с учетом накопленного исторического опыта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации;

ГВКГ им. академика Н. Н. Бурденко – Главный военный клинический госпиталь имени академика Николая Ниловича Бурденко;

Главнаука – Главное управление научными, музейными и художественными учреждениями Наркомпроса;

НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

НИЯУ «МИФИ» – Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт»;

НКП – Народный комиссариат просвещения РСФСР;

МОНО – Московский отдел народного образования;

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи;

РАН – Российская академия наук;

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов;

РГВА – Российский государственный военный архив;

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;

РГИА – Российский государственный исторический архив;

РМАНПО – Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования;

РОДООВО – Религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования;

РОКК – Российское общество Красного Креста;

РУДН – Российский университет дружбы народов;

ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования;

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации;

ЦГА г. Москвы – Центральный государственный архив г. Москвы;

ЦГАМО МО – Центральный государственный архив Московской области;

ЦИУВ – Центральный институт усовершенствования врачей;

СВО – специальная военная операция.

СПИСОК ТЕРМИНОВ

1. **Военное духовенство:** священнослужители Русской Православной Церкви, которые на штатной или внештатной основе осуществляют пастырское окормление военнослужащих (служащих) федеральных органов государственной власти, где предусмотрена военная и правоохранительная служба.
2. **Военно-медицинская служба:** организация, занимающаяся укреплением здоровья, изучением, предупреждением и лечением заболеваний и повреждений, возникающих у человека в связи с прохождением им воинской службы, соответственно с его участием в военных (боевых) действиях или проживанием на территории, где ведутся военные (боевые) действия.
3. **Военный врач:** военнослужащий с высшим медицинским образованием, проходящий службу на врачебной должности в Вооруженных Силах (в ВМФ – врач военно-морской, в ВВС – авиационный врач) или состоящий в запасе (военный врач запаса) и имеющий необходимую для этого подготовку.
4. **Госпиталь:** (от лат. *Hospitalis* – «гостеприимный», «радушный») медицинское (лечебное) учреждение, предназначенное для оказания медицинской (стационарно-лечебной) помощи военнослужащим. В отличие от больницы, находится в ведении министерства обороны или других силовых структур.
5. **Госпитальный священник:** священнослужитель Русской Православной Церкви, который окормляет военнослужащих – пациентов госпиталя, исполняет пастырское и милосердное служения в госпитале.
6. **Ктитор (военный староста):** специальная должность в церквях военного ведомства (XIX – начала XX вв.). Выборная должность из офицеров и утвержденная военным руководством.

7. **Милосердное (социальное) служение:** одно из направлений деятельности Русской Православной Церкви, являющееся практическим исполнением вероучения с целью заботы о теле и душе человека.
8. **Пастырское служение:** служение православного священнослужителя, которое состоит в совершении Таинств Божиих, проповеди слова Божия и попечительном руководстве людей в духовной жизни.
9. **Сестра милосердия:** православная женщина, которая исполняет медицинскую деятельность по уходу за немощным, помощь медперсоналу в лечении, а также осуществление иной социальной работы, связанной с оказанием помощи больным и раненым.
10. **Фронтвой лазарет:** военное медицинское учреждение, в отличие от госпиталя непосредственно находящееся на фронте, предназначенное для оказания медицинской помощи и стационарного лечения больных и раненых военнослужащих, которые не нуждаются в продолжительном лечении и в сложных диагностических и специализированных лечебных мероприятиях.
11. **Эвакуация раненых:** система мероприятий, обеспечивающая транспортировку раненых и больных в медицинские подразделения, части и организации в целях возможно более качественного оказания им медицинской помощи и лечения, а также их медицинское обслуживание в пути следования

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Опубликованные исторические источники и архивные данные

I.

1. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 9. – Кабинет Петра I. – Отд. II. – Кн. 15. – Л. 144–146 об.
2. РГАДА. – Ф. 237. – Монастырский приказ. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 1849. – Л. 2–2 об. (*Овчинникова М. Б.* Московский госпиталь в первой половине XVIII века: начало славного пути. // Медицинский вестник ГВКГ им. Н. Н. Бурденко. – 2021. – № 3(5). – С. 4–13).

II.

1. *Буржинская С.* Воспоминания о событиях октября 1917 г. в Лефортовском госпитале // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. 1962. – 5 с. (рукописный текст).
 2. *Мануйлова О. М.* Воспоминания о работе в Генеральном госпитале в Лефортово // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. – 1955. – 7 с.
 3. *Пуце Ж. Ф.* Дни великого октября в Московском Генеральном военном госпитале имени Петра Великого ныне Главный военный госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. Воспоминания бывш. писарского ученика канцелярии госпиталя // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. – 1966. – 7 с.
- (*Иерей Илия Тягин.* Духовное служение в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. на примере Московского военного госпиталя. М.: Эко-Пресс, 2017. – 185 с).

III.

1. Центральный государственный архив г. Москвы. – Ф. 1639. – Оп. 1. – Дд. 281, 283.

(Протоиерей Сергей Волков, Овчинникова М. Б. Традиции милосердия и духовного служения в Московском военном госпитале // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины России. – Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. – М., 2010. – С. 209–218.

Иерей Илья Тягин, Трипольский В. Б., Овчинникова М. Б. История церковного служения и храмового строительства в Московском военном госпитале (ныне – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко) // Церковь и время. – 2022. – Том XCIX. – Апрель-июнь. – С. 137–170).

IV.

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1714. – Оп. 1. – Дд. 78, 83, 90.
2. РГВИА. – Ф. 546. – Оп. 1. – Д. 42.

(Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 229–242).

V.

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 545. – Оп. 1. – Ед. хр. 3.
2. РГВИА. – Ф. 1606. – Оп. 11. – Д. 390.
3. РГВИА. – Ф. 1714. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 162об.
4. *Валуева Е. Н. Воспоминания правнучки сестры милосердия Московского Генерального Петра I военного госпиталя В. А. Левицкой. – Музей истории ГВКГ им. Н. Н. Бурденко, 2017. – 7 с. (рукописный материал).*

(Костюченко О. М., Матис А. А., Бобылев В. А., Овчинникова М. Б. Из истории служения сестер милосердия в Московском военном госпитале // Воен.-мед. журн. – 2023. – № 3. – С.73–81).

VI.

1. Центральный государственный архив города Москвы. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 366. – Л. 66.
2. Там же. – Ф.16. – Оп. 7. – Д. 977. – Л. 472–488.
3. Там же. – Оп. 16. – Д. 17.
4. Там же. – Оп. 24. – Д. 1021. – Лл. 1–2 об., 4 об., 5 об., 8 об., 11 об.
5. Там же. – Ф. 54. – Оп. 14. – Д. 69. – Лл.1, 6.
6. Там же. – Оп. 21. – Д. 924. – Л. 25.
7. Там же. – Д. 934. – Л.1-1 об., 7–7 об., 8, 9, 16, 24 об. –30 об.
8. Там же. – Оп. 24. – Д. 4802. – Л. 2 об.
9. Там же. – Оп. 52. – Д. 1464. – Лл. 55 об., 82 об.
10. Там же. – Д. 1525. – Лл. 20 об., 25, 29.

(Медведев Г. А., Смирнова А. Г. Московское Семёновское кладбище – некрополь воинской славы России сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. – С. 255–268).

Неопубликованные исторические источники и архивные данные

1. Заборовский И. А. Об устройстве частных обществ для пособия раненым [Текст]: Международная конференция в Женеве. – Военный сборник. – Т. XXXVIII. – Отд. II, С. 379–396.7
2. Отчет Ликвидационной комиссии Московского Генерального военного госпиталя. – М.: Типография Московского Генерального военного госпиталя, 1918. – 21 с. (машинописная брошюра).

3. Российский государственный военный архив. – Ф.19032. – Оп.1. – Д. 60. – Л. 287.
4. Там же. – Д. 330. – Л. 22.
5. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 179. – Оп. 21. – Д. 934. – Лл. 1-1 об., 25, 26, 28–30 об.
6. Там же. – Оп. 52. – Д. 1464. – Лл. 25, 55об.
7. Там же. – Ф. 297 (Личный фонд Б. В. Адамовича. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 3-5, 7).
8. Там же. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 1. – Лл. 53-53 об., 56, 64–65.
9. Там же. – Д. 13. – Л. 1–1 об.
10. Там же. – Ф. 546. – Оп. 2. – Д. 6566. – Лл. 772–777.
11. Там же. – Ф. 879. – Оп. 2. – Д. 580.
12. Там же. – Ф. 1606. – Оп. 11. – Д. 372. – Лл. 588, 595.
13. Там же. – Д. 390.
14. Там же. – Ф. 1714. – Оп. 1. – Д. 6. – Лл. 4, 162об.
15. Там же. – Д. 33.
16. Там же. – Д. 70. – Л. 329.
17. Там же. – Дд. 81, 86, 91–92, 99.
18. Там же. – Ф. 9190. – Оп. 1636. – Св. 25. – Д. 14.
19. Центральный государственный архив г. Москвы. – Ф. 203. – Оп. 206. – Д. 48.
20. Там же. – Оп. 209. – Д. 254. – Л. 1–10.
21. Там же. – Дд. 26, 30, 32.
22. Там же. – Оп. 210. – Дд. 79, 80, 618.
23. Там же. – Оп. 745. – Дд. 12, 17, 23, 28, 32, 38, 43, 47, 53, 59, 68, 69, 75, 80, 86, 90, 95, 102, 107, 112, 118, 122, 127, 133, 138, 143, 147, 152, 157, 163, 167, 172, 177, 181, 186, 192, 197, 202, 207, 213, 219, 226, 231, 236, 241, 246, 250А, 257.
24. Там же. – Оп. 747. – Д. 873.
25. Там же. – Оп. 752. – Дд. 3913, 3940.
26. Там же. – Ф. 1639. – Оп. 1. – Д. 200.
27. Там же. – Д. 280. – Лл. 2, 77, 69.
28. Там же. – Дд. 281-310.

29. Там же. – Ф. 2303. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 129об.

30. Там же. – Лл. 119-119 об., 124, 129об.

31. Центральный государственный архив Московской области. – Ф. 66. – Оп. 18. – Д. 231. – Л. 2–98.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашин В. Г.* Госпиталь в период Отечественной войны 1812 года // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 159–166.
2. *Агафонов Н. В.* Ратные подвиги православного духовенства. – Самара : Офорт, 2017. – 350 с.
3. *Азаров В. А.* За други своя: О Часовне-памятнике гренадерам, павшим под Плевной. – М., 2002. – 90 с.
4. *Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886: в 7 т. / Т. 1: Славянский вопрос. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878. – М. : тип. М. Г. Волчанинова, 1886. – 791 с.
5. *Алексеев Г. К.* Развитие терапии // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. – М., 1985. – С. 144–213.
6. *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историею медицины в России к 200 летнему его юбилею 1707–1907 гг. – М. : Тип. Штаба Воен. окр., 1907. – 719 с.
7. *Антонова И. А., Бабинов Ю. А.* Православные священнослужители в обороне Севастополя // Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя: Материалы международной научной конференции. – Севастополь, 1994. – С. 18–20.
8. *Арапов Д. Ю.* Мусульмане в Вооруженных силах России в XIX – начале XX в. // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 9. – С. 38–40.

9. *Арапов Д. Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи: последняя треть XVIII – начало XX вв.: автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. – М, 2005. – 59 с.
10. *Ардашев В. Н., Григорьева Е. В., Овчинникова М. Б.* Милосердные сестры // В кн.: Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. – М., 2006. – Т. I. – С. 282–298.
11. *Архимандрит Алексей (Вылажанин).* История храмов Московского военного госпиталя (Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко). – Сергиев Посад, 2015. – 88 с.
12. *Архипов С. В.* Благотворительность Русской Православной Церкви во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2015. – № 3. – С. 125–133.
13. *Архипов С. В.* Русская Православная Церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.: втореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Архипов Станислав Витальевич. – М., 2016. – 26 с.
14. *Архипов С. В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в церковной периодической печати (по материалам газеты «Московские епархиальные ведомости») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2015. – № 4. – С. 86–94.
15. *Багдасарян В. Э., Толстой С. Г.* Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. – М. : Изд-во МГОУ, 2002. – 258 с.
16. *Банищikov В. М.* Научная деятельность Главного военного госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко за 175 лет: Тр. Главн. воен. госп. – М., 1949. – С. 11–70.
17. *Беляева М. В.* Российское Общество Красного Креста в истории России 1867–1921 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Беляева Марина Вячеславовна. – Ставрополь, 2002. – 211 с.

18. *Бойчак М. П.* История Киевского военного госпиталя. Диагностические и вспомогательные подразделения. Госпитальные храмы. Подготовка кадров. Кн. V. – Киев, 2009. – 557 с.
19. *Боголюбов А. А.* Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 год. – СПб. : тип. «Артиллерийского журнала», 1901. – 186 с.
20. *Боткин С. П.* Письма из Болгарии 1877 г. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – 374 с.
21. *Будко А. А., Беляков Н. А.* «Изредка исцелять, часто помогать, всегда облегчать» // Каталог МВФ. Мед. фармац. – 2004. – № 1. – С. 4–13.
22. *Будко А. А., Журавлев Д. А.* Военная медицина России к началу XVIII // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины России. – Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. – М., 2010. – С. 41–51.
23. *Будко А. А., Журавлев Д. А.* Организация лечения раненых и больных в госпиталях и лазаретах Российской империи // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 39–50.
24. *Будко А. А., Журавлев Д. А.* Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 653–668.
25. *Будко А. А., Селиванов Е. Ф.* Военная медицина в войне с Японией в 1904–1905 гг. // Воен.-ист. журн. – 2004. – № 6. – С. 57–62.
26. *Будко А. А., Селиванов Е. Ф.* Медицинское обеспечение российских войск во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной

- медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 679–698
27. Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение русской армии в ходе Крымской войны // Воен.-ист. журн. – 2006. – № 10. – С. 44–47.
28. Будко А. А., Шабунин А. В. Военная медицина России // Медицина и здравоохранение в дни войны и мира. – М., 2000. – С. 28–29.
29. Будко А. А., Шабунин А. В. Медицинское обеспечение российских войск во время Крымской (Восточной) войны 1853–1986 гг. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 329–344.
30. Василенко В. О. Офицеры в рясах (Духовенство в царской армии). – М., Л. : Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930. – 112 с.
31. Васюкевич А. Г., Овчинникова М. Б. Традиции милосердия: путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко. – 1-е изд. – М., 1998. – 16 с.
32. Васюкевич А. Г., Овчинникова М. Б. Традиции милосердия: путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко. – 2-е изд. – М., 2003. – 22 с.
33. Великий князь Сергей Александрович. Ил. биогр. очерк, 1905–1915 / Сост. д. чл. Имп. Рус. воен.-ист. о-ва подполк. А. Г. Авчинников. – Екатеринослав : тип. М. С. Копылова, 1915. – 79 с.
34. Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: Военная галерея Зимнего дворца. – Т. 1, Т. 2. – СПб : издание И. Песоцкого, 1845–1849. – 256 с, 194 с.
35. Война с Японией 1904–1905 гг. : Санитарно-статистический очерк под руководством Н. Козловского. – Петроград : Гл. воен.-сан. упр., 1914. – 307 с.
36. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – Москва-Пятигорск, 1992. – 191 с.

37. *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 200 с.
38. *Георгиевский А. С.* Крымская война // ЭСВМ. – М., 1948. – Т. 3. – Стб. 243.
39. *Георгиевский А. С., Мицов З. В.* Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг. – М., 1978. – 234 с.
40. *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 тт. – Т. 2. – М. : Наука, 1954–1966. – 516 с.
41. Главный военный госпиталь / под ред. Н. Л. Крылова. – М. : Воениздат, 1985. – 238 с.
42. *Гладких П. Ф., Корнюшко И. Г., Локтев А. Е.* Медицинская служба Русской армии в Первой мировой войне. 1914–1918 гг. (К 95-летию начала войны) // Воен.-мед. журн. – 2009. – Том 330 (№ 8). – С. 78–81.
43. *Глушков В. В.* Военное духовенство в Русско-японской войне. К 100-летию начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. [Электронный ресурс]/ Глушков Валерий Васильевич. – Режим доступа: http://www.club.ru/clubs/dvypu/articles/stat_2.
44. *Глушков В. В.* Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России : факты и комментарии / авт.-сост. В. В. Глушков, К. Е. Черевко ; Ин-т рос. истории. – Москва : ИДЭЛ, 2006. – 575 с.
45. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России собранные из достоверных источников и расположенные по годам. (в 15-ти томах) – Т. 1. – М. : Типография Н. Степанова, 1837. – 640 с.
46. *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. – М. : Воениздат, 1955. – 520 с.
47. *Горелова Л. Е.* Первая госпитальная школа России. В кн.: Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. – Кн.1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. Сб. в 2 т. – Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Ключева, И. Б. Максимова. – М. : Эко-Пресс, 2010. – С. 133–140.

48. *Горелова Л. Е., Кудря Д. П.* История подготовки медицинских сестер в СССР // *Мед. сестра.* – 1988. – № 3. – С. 48–51.
49. *Грибко Л. П., Грибко А. В.* Музы скульптора Замараева. – М. : Век-2, 2008. – 112 с.
50. *Грицаева А. Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): Опыт помощи пострадавшим от военных действий : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Грицаева Анна Николаевна – М., 2008. – 17 с.
51. *Гурьев Вакх, прот.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. – М. : Госуд. Публичн. библиотека России, 2007. – 444 с.
52. *Давыдов Д. В.* Сохранять, творить и приумножать // *Медицинский вестник ГВКГ им. Н. Н. Бурденко.* – 2021. – № 2(4). – С. 5–11.
53. *Диакон Георгий Малков.* Русь Святая. Очерк истории Православия в России. – Родное слово, 2009. – 621 с.
54. *Дробышев А. В.* Деятельность Русской Православной Церкви во время Крымской войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – Тамбов : Грамота, 2015. – № 12 (62): в 4-х ч. – Ч. II. – С. 87–89.
55. *Жукова Л. В.* Военное духовенство в России в конце XIX – начале XX века: сб. ст. / Л. В. Жукова; под ред. Д. А. Андреева, О. В. Белоусовой. – СПб. : Алетейя, 2020. – 364 с. – (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 112. Сер. II: Исторические исследования, 63).
56. *Заборовский И. А.* Об устройстве частных обществ для пособия раненым [Текст]: Международная конференция в Женеве. – Военный сборник. – Т. XXXVIII. – Отд. II. – С. 379–396.
57. *Злобин А. Р.* Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 // В кн.: *Московский Коммунистический военный госпиталь.* – М., 1943. – С. 23–46.

58. *Змеев Л. Ф.* Русские врачи писатели. – 3 т. – До 1863 г.: [Тетрадь] [1]-[2]–СПб, 1886. – 183 с.
59. *Зотов П. Д.* Дневник // Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. – М., 2001. – С. 103–104.
60. *Зуев В. Н.* Генерал Куропаткин. К 150-летию со дня рождения. – Из военной истории. [электронный ресурс] / Зуев Владимир Николаевич. // Россия и АТР. – 1998. – № 2. – С. 81–93. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/general-kuropatkin-k-150-letiyu-so-dnya-ego-rozhdeniya?ysclid=ly47u20hp376811181>.
61. *Иванова Н. М.* Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.: На материалах Петрограда. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 22 с.
62. *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. – В 2 т. – М. : Гослитиздат, 1950. – 600 с., 448 с.
63. *Иерей Илия Тягин.* Духовное служение в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. на примере Московского военного госпиталя. – М. : Эко-Пресс, 2017. – 185 с.
64. *Иерей Илия Тягин, Овчинникова М. Б.* Традиции милосердия: путь через столетия. Страницы истории Главного военного Клинического госпиталя им. акад. Н. Н. Бурденко. – 3-е изд. – М. : Эко-Пресс, 2021. – 96 с.
65. *Иерей Илия Тягин, Трипольский В. Б., Овчинникова М. Б.* История церковного служения и храмового строительства в Московском военном госпитале (ныне – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко) // Церковь и время. – 2022. – Том ХСІХ. – Апрель-Июнь. – С. 137–170.
66. *Иеромонах Филарет (Лепехин), Смирнов Н. С.* Военное духовенство в Синодальный период // Труды Саратовской Православной Духовной семинарии, № 10. – 2016. – С. 183–218.
67. *Илинский П. А.* Русская женщина в войну 1877–1878 г.: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшерниц и женщин-врачей. – СПб., 1879. – 280 с.

68. Император Николай II как военный деятель России в период Первой мировой войны. Часть 1. [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – 2017. – 17 апреля. – Режим доступа: <https://topwar.ru/113354-imperator-nikolay-ii-kak-voennyuy-deyatel-rossii-v-period-pervoy-mirovoy-voyny-chast-1.html?ysclid=ly489x1cux130474177>.
69. История развития женского ухода за больными. Сестричество в Военно-медицинской академии / Под ред. Н. Н. Рыжмана. – СПб. : Любавич, 2021. – 151 с.
70. *Исхаков С. М.* Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914-1918 годы [Электронный ресурс] / С. М. Исхаков // Татарский мир. – 2004. – № 15. – Режим доступа: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592§ion=0&heading=0>.
71. *Исхаков С. М.* Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник. – 2002: Россия и Тюркский мир. – С. 245–280.
72. *Итунин В. Ф.* Доброславины. Страницы жизни. – Дятьково, 2012. – 339 с.
73. *Капков К. Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: итоги к 1917 году. – М. : Информационный центр «Летопись», 2009. – 256 с.
74. *Капков В. Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. – М. : Информационный центр «Летопись», 2008. – 752 с.
75. *Капков К. Г.* Священники-кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия». – Москва-Белгород : Летопись, 2012. – 868 с.
76. *Карнычева Л. А.* Общины сестер милосердия и Православная церковь // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004–2005. – СПб., 2005. – С. 120–138.
77. *Кауфман П.* Красный Крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904–1905 годов. Т. 1. Сибирский район. – СПб. : Гл. упр. Рос. О-ва Красного Креста, 1909. – 407 с.
78. *Керсновский А. А.* История Русской армии. – М. : АСТ, 2023. – 1136 с.

79. *Кириллов В. В.* Архитектура Москвы на путях европеизации. От обновлений последней четверти XVII века к петровским преобразованиям. – М., 2000. – 120 с.
80. *Клименко С. В., Клименко Ю. Г.* Архитектор госпиталя Иван Еготов // В кн.: Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. – Т. I. – М., 2006. – С. 107–116.
81. *Клименко С.В., Клименко Ю.Г.* Архитектор госпиталя Иван Еготов // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины России. – Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. – М., 2010. – С. 219-226.
82. *Клюжев В. М., Журавлев Г. П.* Петр Великий: основание первого госпиталя и становление государственной медицины России // В кн.: Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. – Кн.1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII — начале XIX вв. – Сб. в 2 т. – Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. – М. : Эко-Пресс, 2010. – С. 13–20.
83. *Кованов В. В.* 125 лет со дня рождения Н. В. Склифосовского (1836–1961) // Хирургия. – 1961. – № 5. – С. 139–142.
84. *Ковтурман Н. С.* История физиотерапии в Московском Коммунистическом военном госпитале // Краткая история Московского коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского Генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 / Под ред. А. М. Крупчицкого. – М., 1943. – С. 95–106.
85. *Козловцева Е. Н.* Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2010. – 208 с.
86. *Колупаев Г. П.* Очерки истории отечественной общей и военной психиатрии. – М., 2005. – 454 с.
87. *Комаров М. В., Левин М. И.* История возникновения госпиталя / В кн.: Материалы к истории Ленинградского окружного военного госпиталя (бывшего Первого военно-сухопутного госпиталя). – Л., 1948. – 163 с.
88. *Кони А. Ф.* Федор Петрович Гааз. Биографический очерк. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1897. – 170 с.

89. *Копарев Е.* Военное духовенство на Кавказе в XVIII – начале XXI в. // Проза.ру. – М., 2009. – 34 с.
90. *Корнюшко И. Г., Гладких П. Ф., Локтев А. Е.* Медицинская служба Русской армии накануне и в ходе Первой мировой войны. 1906–1917 гг. // Очерки истории отечественной военной медицины. – Кн. 3. – Уфа, 2006. – 318 с.
91. *Косачев И. Д.* Николай Васильевич Склифосовский // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 381–404.
92. *Кострюков А. А.* Русские военные священники в немецко-австрийском плену в годы Первой мировой войны // Церковь и время. – 2006. – № 2. – С. 109–118.
93. *Кострюков А. А.* Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны // Журнал Московской патриархии. – 2014. – №7. – С. 66–71.
94. *Костюченко О. М., Матис А. А., Бобылев В. А., Овчинникова М. Б.* Из истории служения сестер милосердия в Московском военном госпитале // Воен.-мед. журн. – 2023. – № 3. – С.73–81.
95. *Котков В. М.* Военное духовенство России: Страницы истории: в 2 кн. – СПб., 2004. – 319 с; 317 с.
96. *Котков В. М.* Полковой священник – главный организатор духовного, нравственного и патриотического воспитания военнослужащих русской армии // Журн. Моск. патриархии. – 1999. – № 8. – С. 70–80.
97. *Котков В. М.* Г. И. Шавельский: «Деятельность моя как протопресвитера военного и морского духовенства связана с именем русского народа...» / В. М. Котков, Ю. В. Коткова // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 4. – С. 57–60.
98. *Кочуков С. А.* Деятельность сестер милосердия в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (по материалам визуальных источников) // XXV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2015. – С. 218–221.

99. *Кочуков С. А.* «За братьев-славян»: русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2012. – 298 с.
100. *Кочуков С. А.* Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. : 07.00.02 / Кочуков Сергей Анатольевич; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского]. – Саратов, 2012. – 49 с.
101. *Краснощеков А. А., Родионов О. В., Попов А. В., Пароваев П. П., Левкин С. В.* Медицина во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Бюллетень Волгоградского научного центра РАМН. – 2006. – № 3. – С. 47–49.
102. Краткая история Московского Коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского Генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 / Под ред. А. М. Крупчицкого. – М. : Полиграфкнига, 1943. – 232 с.
103. *Крупчицкий А. М.* Первенец русской медицины. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. – 172 с.
104. *Крюков Е. В., Костюченко О. М., Овчинникова М. Б., Бобылев В. А.* Московская госпитальная школа – родоначальница военно-медицинского образования в России // Военно-медицинский журнал. – 2016. – № 6. – С. 71–77.
105. *Лаврентьев Н. И.* К истории развития психоневрологической помощи в Московском Коммунистическом военном госпитале // Краткая история Московского коммунистического военного госпиталя, бывш. Московского Генерального военного госпиталя имени Петра I, 1707–1942 / Под ред. А. М. Крупчицкого. – М. : Полиграфкнига, 1943. – С. 182–191.
106. *Лазебник Л. Б., Беляева В. С.* Основоположник Российской терапии Матвей Яковлевич Мудров // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 200–201.
107. *Ледовских Е. А.* Православная церковь и общество во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. (на материалах Центрально-

- Черноземных губерний): дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ледовских Елена Александровна. – Тамбов, 2019. – 210 с.
108. *Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю.* Россия и Святая Земля в первой половине XIX века. Церковная политика на Православном Востоке. – М., СПб. : Нестор-История, 2015. – 775 с.
109. *Нечаев М. Г.* Помощь уральского духовенства действующей армии в годы Русско-японской войны // Вестник Пермского научного центра. – 2014. – № 4. – С. 46–61.
110. *Лукашевич К. В.* Оборона Севастополя и его славные защитники. – Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1904. – 289 с.
111. *Макаренко А. И.* Очерк работы хирургических отделений Московского Коммунистического военного госпиталя с 1907 по 1942 год // В кн.: Московский Коммунистический военный госпиталь. – М., 1943. – С. 151–167.
112. *Максимов В. И.* За Веру, Царя и Отечество. О подвиге русского народа в Первую мировую войну [Электронный ресурс] / В. И. Максимов // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность / Информационно-аналитическая служба. Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/02/20/za_veru_carya_i_otchestvo.
113. *Максимов И. Б., Овчинникова М. Б.* Московский госпиталь в XIX – начале XX века. Исторический обзор // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. – В 3 кн. – Кн.2: Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – Сб. в 2 т. – Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. – М. : Эко-Пресс, 2011. – С. 51–110.
114. *Мануйлова О. М.* Воспоминания о работе в Генеральном госпитале в Лефортово // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. – 1955. – 7 с.
115. Материалы научно-исторической конференции, посвященной 300-летию со дня открытия ГВКГ им. Н. Н. Бурденко. – М., 2007. – 201 с.

116. *Медведев Г. А., Смирнова А. Г.* Московское Семёновское кладбище – некрополь воинской славы России // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. М., 2011. – С. 255–268.
117. *Мельникова Л. В.* Военное и морское духовенство в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 12. – С. 52–58.
118. *Мельникова Л. В.* «За братьев славян!»: Церковь, общество и государственная власть Российской империи во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Александр II и его время. К 200-летию со дня рождения / Отв. ред. В. В. Яковлев. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 262–275.
119. *Мельникова Л. В.* Общины сестер милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Российская история. – 2016. – № 6. – С. 28–45.
120. *Мельникова Л. В.* Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. : дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Мельникова Любовь Владимировна. – М., 2020. – 886 с.
121. *Мельникова Л. В.* Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х – 1870-х гг. // Российская история. – 2018. – № 6. – С. 147–161.
122. *Мельникова Л. В.* Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. – М. : Изд. Сретенского монастыря, 2002. – 240 с.
123. *Мельникова Л. В.* Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. – М. : Кучково поле, 2012. – 392 с.
124. *Мельникова Л. В.* Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – М. : Изд. центр «Воевода», 2020. – 400 с.
125. *Мельникова Л. В.* Русские монастыри и монашество во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина / Отв. ред. Ю. А. Петров. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2019. – С. 181–196.

126. *Мельникова Л. В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами полкового священника Вакха Гурьева // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 12. – С. 54–58.
127. *Мельникова Л. В.* Святые места в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 61–75.
128. *Миклашевская Е. П.* «Утоли Моя Печали». Милосердные традиции Лефортово. – М., 2002. – 128 с.
129. *Миллер Л.* Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Феодоровна. – М. : Столица, 1994. – 239 с.
130. *Митрополит Иоанн (Снычев).* Одоление смуты. Слово к русскому народу [Электронный ресурс] / Митрополит Иоанн (Снычев) // Православная библиотека «Золотой корабль». – 2011. – Режим доступа: www.golden-ship.ru.2011.
131. *Митрополит Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа. – СПб: Царское дело, 1995. – 333 с.
132. *Михайлов Б. В.* Церковь Рождества Иоанна Предтечи на Пресне. [Электронный ресурс]/ Б. В. Михайлов// Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры «РусАрх». – 2007. – Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/mihailov1.htm>.
133. *Мудров М. Я.* О пользе и предметах Военной Гигиены или науки сохранять здоровье военнослужащих. – Изд. 3-е. – М., 1826. – 67 с.
134. *Мультатули П. В.* Внешняя политика Императора Николая II 1894–1917 гг.: этапы, достижения, итоги. – М. : Двухглавый орёл: Изд-во М. Б. Смолина (ФИВ), 2019. – 717 с.
135. *Мультатули П. В.* Император Николай II: трагедия непонятого самодержца. – М., 2018. – 528 с.
136. *Мухин В. Ф., Перепелкин В. С.* Выдающийся врач и ученый // Воен.-мед. журн. – 1995. – № 12. – С. 59.

137. *Невзоров Н.* Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России Николая Невзорова. – Санкт-Петербург: Тип. Ф. Г. Елеонского и А. И. Поповицкого, 1875. – 101 с.
138. *Невский Н. М.* Госпиталь в XIX столетии // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. – М., 1985. – С. 22–44.
139. *Невский Н. М.* Госпиталь в начале XX столетия (1901–1917) // В кн.: Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. – М., 1985. – С. 45–52.
140. *Немашкалов П. Г.* Становление и функционирование епархиальной системы управления русской православной церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.). : дис. ... док. ист. наук : 07.00.02 / П. Г. Немашкалов ; науч. консульт. д-р ист. наук Т. А. Булыгина. – Ставрополь, 2020. – 555 с. – Библиогр.: с. 438-473
141. *Нечаев М. Г.* Помощь уральского духовенства действующей армии в годы Русско-японской войны // Вестник Пермского научного центра. – 2014. – № 4. – С. 46–47.
142. *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 362 с.
143. *Нуждин Ю. Ф.* Выступление контр-адмирала на заседании секции «Аспекты военного образования армейского и флотского духовенства» XV Международных Рождественских образовательных чтений 31 января 2007 г. [Электронный ресурс] / Ю. Ф. Нуждин // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность / Информационно-аналитическая служба. Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/02/02/vystuplenie_zamestitelya_nachal_nika_glavnogo_upravleniya_vospitatel_noj_raboty_vooruzhennyh_sil_rossii_kontr-admirala_yu_f_nuzh.
144. *Овчинникова М. Б.* Боярин Федор Ртищев – отец русской благотворительности. – 2016. – 12 с.
145. *Овчинникова М. Б.* Мемориал памяти Отечественной войны 1812 года в Лефортово. – М. : Эко-Пресс, 2013. – 71 с.

146. *Овчинникова М. Б.* Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 229–242.
147. *Овчинникова М. Б.* Московский госпиталь в первой половине XVIII века: начало славного пути. // Медицинский вестник ГВКГ им. Н. Н. Бурденко. – 2021. – № 3(5). – С. 4–13.
148. *Оксенюк Е. В.* Деятельность Российского Общества Красного Креста в начале XX в.: 1903–1914 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Оксенюк Евгения Владимировна [Электронный ресурс] – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 132 с. Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/e-v-oksenuk/deyatelnost-rossiyskogo-obschestva-krasnogo-kresta-v-nachale-x-6654224/chitat-onlayn/>.
149. *Олешкова А. М.* Эволюция организации и деятельности Российского Общества Красного Креста во второй половине XIX в. – 1917 г.: На материалах Урала. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Олешкова Анна Михайловна. – Нижний Тагил, 2012. – 305 с.
150. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. – В 2 т. – М. : Книжный клуб Книговек, 2022. – 432 с.; 352 с.
151. *Орлик О. В.* Представители прогрессивной интеллигенции России – участники русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Вопросы истории. – 1978. – № 4. – С. 79–95.
152. Очерк 25-летней деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. – СПб.: тип. В. И. Гращанского, 1879. – 86 с.
153. *Павлов Е. В.* На Дальнем Востоке в 1905 году: Из наблюдений во время войны с Японией. – СПб, 1907. – 380 с., 107 с.
154. *Паламарчук П. Г.* Сорок сороков. В 4 Т. – 3-е изд. – М., 2004–2005. – 503 с; 743 с.; 695 с.; 663 с.

155. Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII в. (от Земляного до Камер-Коллежского вала). – М., 1998. – 424 с.
156. *Паустовский К. Г.* Беспокойная юность // Паустовский К. Г. Собр. соч. в 8 т. – Т. 4. – М., 1968. – С. 306–309.
157. *Пашутин В. В.* Краткий очерк Императорской Военно-медицинской академии за сто лет ее существования. – СПб., 1899. – 38 с.
158. Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины России. – Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. – М., 2010. – 279 с.
159. Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – 743 с.
160. *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. СПб., тип. М. М. Стасюлевича. – 1884. [Электронный ресурс] // Проект «Адъютант!». – Глава 13. – Режим доступа: adjutant.ru/Suvorov/pt13.htm.
161. *Плеханов А. А.* «Помни, что солдат Христов и Государев воин...»: Основы религиозно-нравственного воспитания в войсках Российской Империи // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 2. – С. 35–38.
162. *Поддубный М. В.* Госпиталь в период гражданской войны // В кн.: Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко. В 3-х т. – М., 2006. – Т. I. – С. 185–191.
163. *Поддубный М. В.* Московский госпиталь в XVIII — начале XIX века // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. В 3 кн. – Кн.1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. – Сб. в 2 т. – Том I: Становление военной медицины России / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. – М. : Эко-Пресс, 2010. – С. 73–86.
164. Полтора века милосердия в России. К 150-летию Российского Общества Красного Креста. Изд. Фонда содействия возрождению традиций

благотворительности и милосердия «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество». – 2017. – 14 с.

165. *Поселянин Е.* Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон. В 2 т. – М. : АНО Православный журнал «Отдых христианина», 2002. – 688 с., 704 с.

166. *Пастернак А. В.* Очерки по истории общин сестер милосердия. – М. : «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2001. – 304 с.

167. *Потираловский П. П.* Эвакуация в современную войну // Воен.-мед. журн. – 1908, апр.; 1908, май – С. 698–708; 47–69.

168. *Правдиковская Е. Н.* Общины сестер милосердия в культуре России: диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Правдиковская Евгения Николаевна – М., 2012. – 196 с.

169. Православная Москва в 1917–1921 гг. Сб. док-тов и материалов / Авт.-сост. А. Н. Казакевич, В. В. Марковчин, Т. С. Тугова, А. М. Шарипов. – № 90. – М., 2004. – С. 445–446.

170. *Преподобномученик протоиерей Митрофан Сребрянский.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. – М. : Благовест, 2023. – 560 с.

171. Призыв к женщинам доктора Ф. Гааза: Спешите делать добро! – Изд. 2-е, полностью соответств. оригиналу 1897 г. дополн. 2-й частью: *Овчинникова М. Б.* Спешите делать добро! – Эко-Пресс. – 2013. – 94 с.

172. *Протоиерей Сергей Волков, Овчинникова М. Б.* Традиции милосердия и духовного служения в Московском военном госпитале // Первый госпиталь и военная медицина в России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины России. – Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. – М., 2010. – С. 209–218.

173. *Протоиерей Сергей Волков, Овчинникова М. Б.* Духовное служение в Московском госпитале в XIX – начале XX вв. // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 243–254.

174. *Пуце Ж. Ф.* Дни великого октября в Московском Генеральном военном госпитале имени Петра Великого ныне Главный военный госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. Воспоминания бывш. писарского ученика канцелярии госпиталя // Музей истории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. – 1966. – 7 с.
175. Религиозные основы подготовки будущих офицеров Российской Империи в 1890–1917 гг. / В. Д. Кузнецов // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 12. – С. 62–64.
176. Родоначальник Российской медицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко. – Т. I. – М., 2006. – 324 с.
177. Русь и русские в 1812 году: Кн. для чтения всех возрастов / С. М. Любецкий. – М. : Современник, 1994. – 301 с.
178. «Русь православная», 1914. – № 68 // http://wwi.rhga.ru/sobi/1914/detail.php?ELEMENT_ID=1932. Послание Св. Синода // Русь православная. – 1914. – № 68. [Электронный ресурс] // «Великая война» 1914–1918. Историческая память о «великой войне» в русской словесности, художественной и духовной культуре. – Режим доступа: https://wwi.rhga.ru/sobi/1914/detail.php?ELEMENT_ID=1932.
179. *Саладин А. Т.* Очерки истории московских кладбищ. – М. : Изд. «Книжный сад», 1916. – 343 с.
180. *Самсонов А.* Миф об «отсталой России» Николая I [Электронный ресурс] / А. Самсонов // Военное обозрение. – 2016, июль. – Режим доступа: <https://topwar.ru/97775-mif-ob-otstaloy-rossii-nikolaya-i.html?ysclid=ly36uxs0vc215518646>.
181. *Свиньин П.* О скульпторе Замаараеве // Журн. Отечественные записки. – 1823. – Часть 13, № 34, 35, февраль-март. – С. 445–447.
182. *Священномученик Сергей Махаев.* Подвижницы милосердия: о подвиге русских сестер милосердия. – М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2003. – 142 с.
183. *Семека С. А.* Военно-медицинская организация вооруженных сил Российской дворянской империи XVIII века во время русско-турецкой войны 1735-

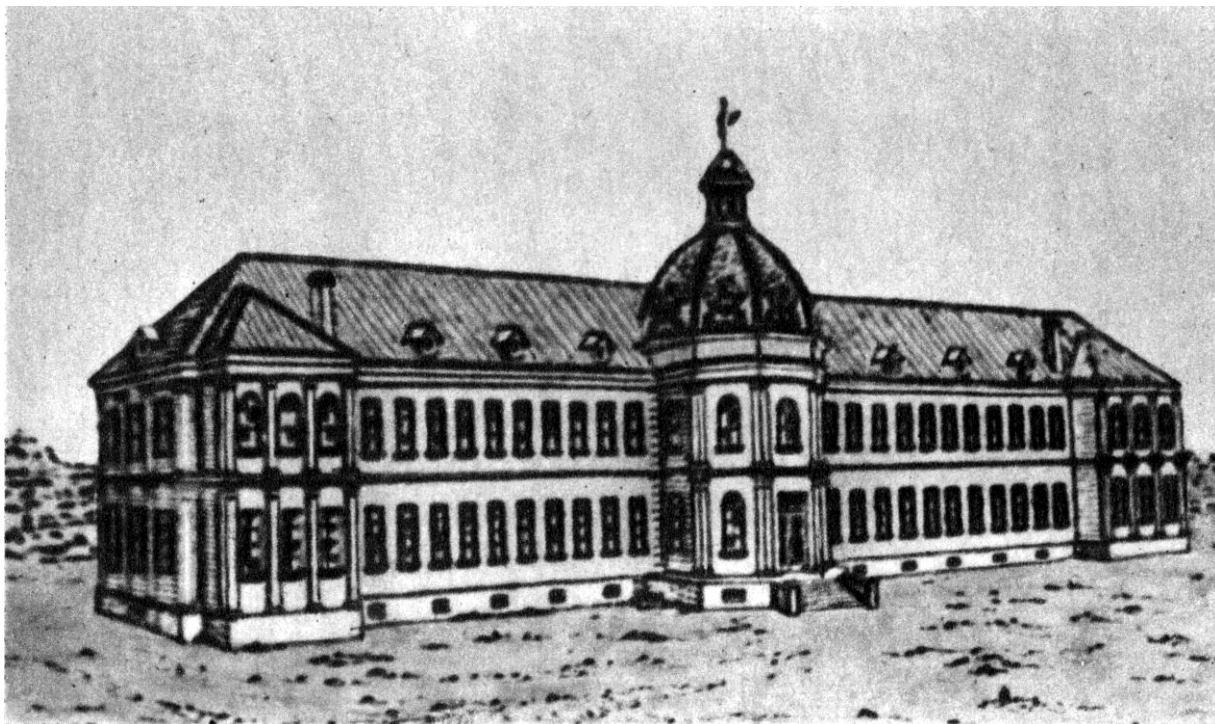
- 1739 гг / Воен. фак. при Центр. ин-те усовершенствования врачей // Курс истории отечественной военной медицины. – Вып. 5. – М., 1955. – 30 с.
184. *Семека С. А.* Медицина военная // ЭСВМ. – М., 1948. – Т. 3. – Стб. 811–812.
185. *Семичев В. В.* Военное образование при императоре Николае I // «Бомбардир». – 1995. – № 4.
186. Симфония по творения святителя Василия Великого. – М.: Даръ, 2008. – 512 с.
187. Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста / сост. Т. Н. Терещенко. – Изд.2-е – Москва: Даръ, 2008. – 574 с.
188. *Склифосовский Н. В.* В госпиталях и на перевязочных пунктах во время турецкой войны // Воен.-мед. журн. – 1878. – Ч. 132. – Кн. 7. – С. 141–192.
189. *Скурат К. Е.* Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. – 1987. – Сб. 28. – С. 120–174.
190. *Смирнов Е. И.* Фронтовое милосердие. – М. : Воениздат, 1991. – 430 с.
191. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 800 с.
192. *Снегирёв С. П.* Очерки жизни Московского Архиепископа Августина. – М. : Полицейская Типография, 1848. – 130 с.
193. *Соколов А. Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства: Начало XVIII – конец XIX века. – СПб., 2006. – 647 с.
194. *Соколов А. Р., Зимин И. В.* Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. – М., СПб. : Центрполиграф: русская тройка – СПб., 2015. – 603 с.
195. Столетие военного министерства 1802–1902. – Т. VIII: Главное военно-медицинское управление / Сост. В. С. Кручек-Голубев, Н. И. Кульбин. – СПб. : тип. М-ва вн. дел [и тип.] А. И. Вильборга, 1902. – 306 с.

196. Столетие военного министерства 1802–1902. – Т. XIII: Управление церквами и православным духовенством военного ведомства / Сост. А. А. Желобовский, Н. Каллестов, Ф. Ласкеев. – СПб. : Товарищество М. О. Вольфа, 1902. – 134 с.
197. *Субботин А.* Первый в России военный священник-буддист начал службу в соединении Минобороны в Бурятии // Вестник военного духовенства. – 2013. – 11 июня.
198. *Суворов А. В.* Наука побеждать. – М. : АСТ, 2023. – 384 с.
199. *Сучалкин Е. А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников: ерат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Сучалкин Евгений Анатольевич. – Белгород, 2013. – 26 с.
200. *Тальберг Н. Д.* Император Николай I в жизни и на пороге смерти. / Отечественная быль. Юбилейный сборник. – 1961. – 7 с.
201. *Тальберг Н. Д.* Император Николай I в свете исторической правды (1939–1942). – Jordanville : Тип. преп. Иова Почаевского/ Holy Trinity Monastery, 1961. – 7 с.
202. *Тарле Е. В.* Крымская война. – В 2-х т., М., Л., 1950. – Т. 1. – 567 с.; Т. 2. – 653 с.
203. *Тарле Е. В.* Город русской славы. Севастополь в 1854–1855 гг. – М., 1954. – 216 с.
204. *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903. – 544 с.; 752 с.
205. *Трифонов Т. П.* «По предмету, столь близкому нашему сердцу...» (Из истории Николаевской Измайловской военной богадельни) // Первый госпиталь и военная медицина России. 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины в России. – Кн. 2. Военная медицина и Московский госпиталь в XIX – начале XX вв. – М., 2011. – С. 589–602.
206. Ты нужен Богу: Слова и наставления святителя Николая Сербского/ сост. С. А. Луганская, М. И. Крапивин; пер. с сербск. С. А. Луганской. – М.: Эксмо, ПСТГУ, 2013. – 464 с.

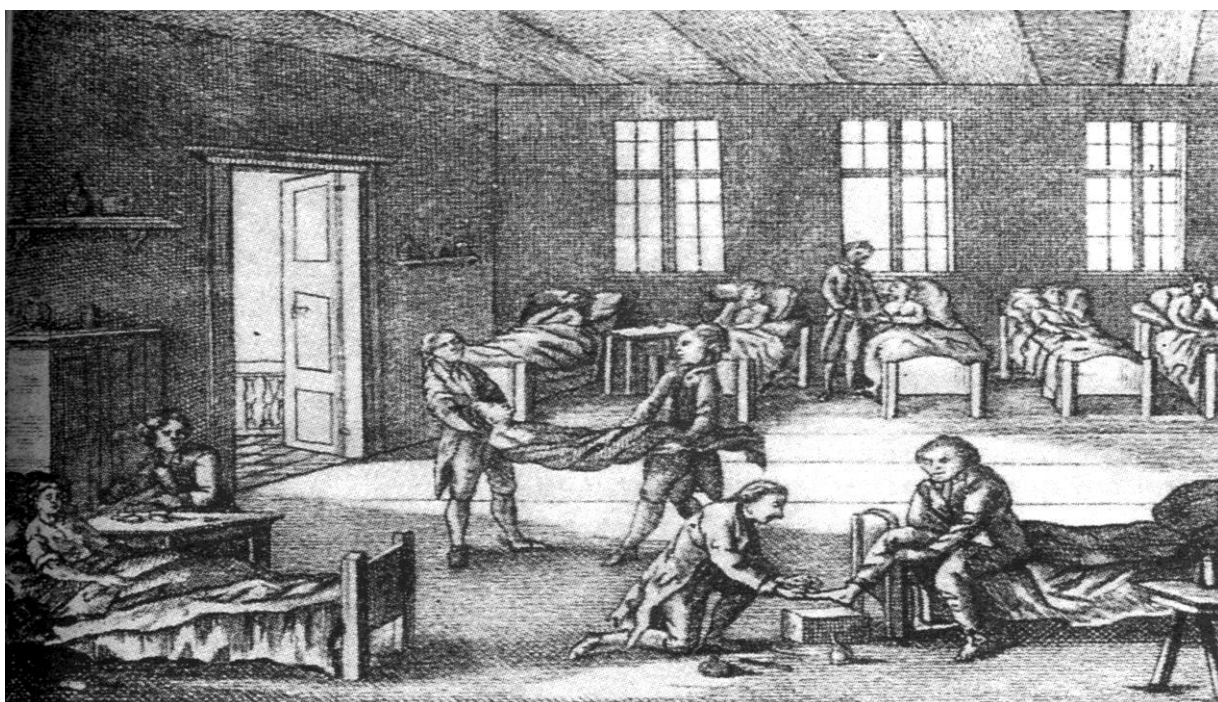
207. *Улицкий Е. Н., Фельдман Д. З.* Евреи в Москве: конец XV – начало XX в. – М., 2012. – 253 с.
208. *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. – М., 2004. – 605 с.
209. *Усачева С. В.* Художник Федор Алексеев – автор первой панорамы госпиталя // Первый военный госпиталь и военная медицина в России: 300 лет служения Отечеству. – Т. 1. Становление военной медицины России. – Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX вв. – М., 2010. – С. 229–230.
210. *Утигенова А. Р.* Военное духовенство на фронтах Первой мировой войны [Электронный ресурс] / А. Р. Утигенова // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков – молодым». – Режим доступа: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervoj-mirovoj-vojny>.
211. Учебник для сестер милосердия и пастырей, несущих служение в больницах / Под общ. ред. священника Сергея Филимонова. – СПб, 2000. – 440 с.
212. Федор Алексеев и его школа / авт.-сост. С. В. Усачева. – М., 2004. – С. 128–129.
213. *Филатов С. В., Чепурной А. С.* Отчет о натурном исследовании интерьера храма св. Первопрестольных Петра и Павла на территории Главного военного клинического госпиталя им. академика Н. Н. Бурденко // Межобластное научно-реставрационное художественное управление Министерства культуры РФ. – М, 2007. – 29 с.
214. *Фирсов С. Л.* Николай II. Пленник самодержавия. М., 2010. – 524 с.
215. *Фирсов С. Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин // Церковь и время. – 2010. – № 3. – С. 151–193.
216. *Фомин А. М.* Европейские державы в борьбе за «Святую землю»: религиозный аспект ближневосточной политики России и Франции от Крымской войны до начала XX века // Вестник Московского государственного университета. Серия «История». – 2006. – № 3. – С. 72–91.

217. *Фурсов В. Н, Ледовских Е. А.* Военное духовенство в начале XX века. – Берегиня. Сова, 2014, № 1 (20). – С. 62–65.
218. Христоролюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии (Российский военный сборник). – М. : Русский путь, 2006. – 544 с.
219. *Царевский А. А.* Значение Православия в жизни и исторической судьбе России. – Казань, 1898. – 151 с.
220. *Цитович Г. А., свящ.* Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. Описание: В 2 ч. Пятигорск : Типо-лит. А. П. Нагорова, 1913. – 520 с.
221. *Чистович Я. А.* Очерки из истории Русских медицинских учреждений XVIII столетия. – С-Пб., 1870. – 416 с.
222. *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. – СПб. : Тип. Якова Трея, 1883. – 662 с.
223. *Чистяков О. В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2009. – 159 с.
224. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера армии и флота: в 2-х т. – Изд-во им. Чехова, 1954. – 414 с; 412 с.
225. *Шафонский А. Ф.* Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений. – М. : При Императорском Университете, 1775. – 652 с.
226. *Шибков А. А.* Московский военный госпиталь в 1812 г. // Тр. ВМедА им. С. М. Кирова. – Т. 64. – С. 247–259.
227. *Шибков А. А.* Первые женщины России в медицинской школе и на войне до XX века. – Л. : Воен.-мед. ордена Ленина акад. им. С. М. Кирова, 1957. – 151 с.
228. *Яковлев П. П.* Влияние веры на военное дело в нашей и иностранных армиях: очерк. – М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900. – 68 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

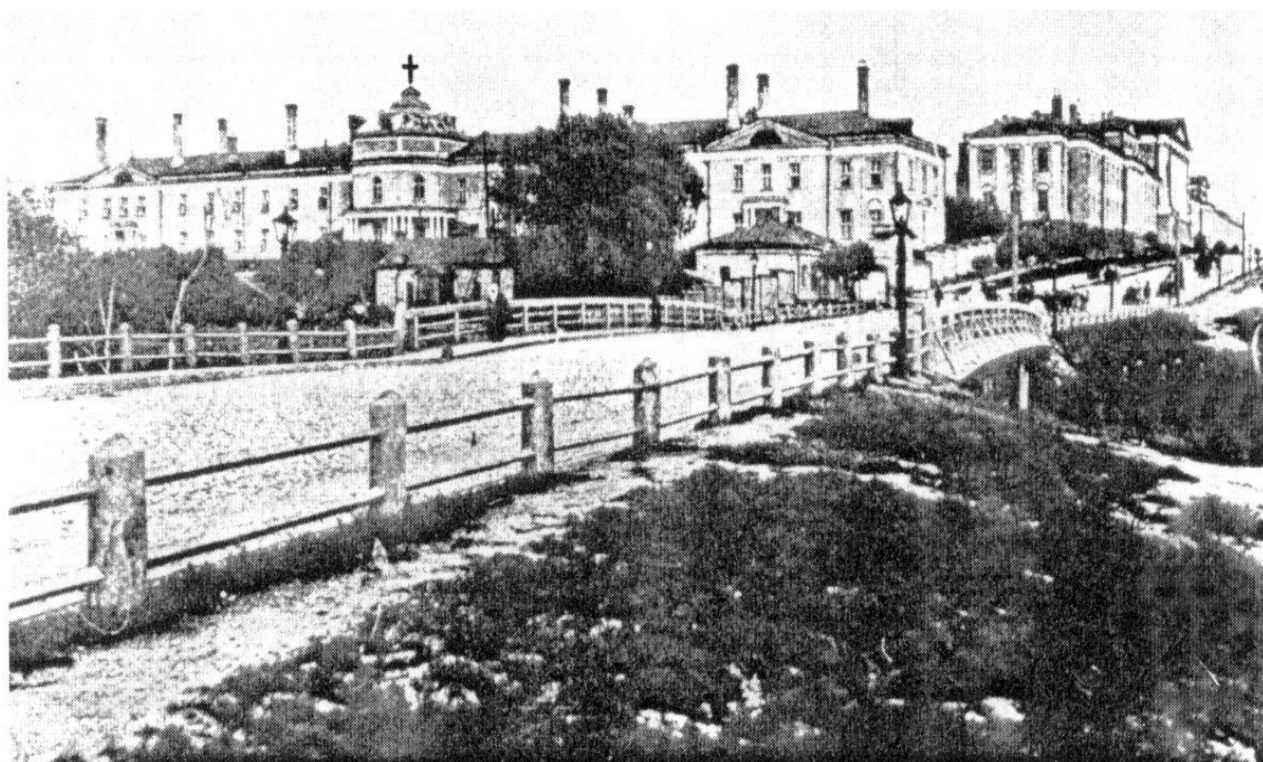
1. Московский госпиталь 1725 г.

2. Госпитальная палата. XVIII в.

3. Вид госпиталя в Лефортово. 1801 г. Ф. Я. Алексеев.

4. Церковный и главный корпуса за Яузой. XIX в.

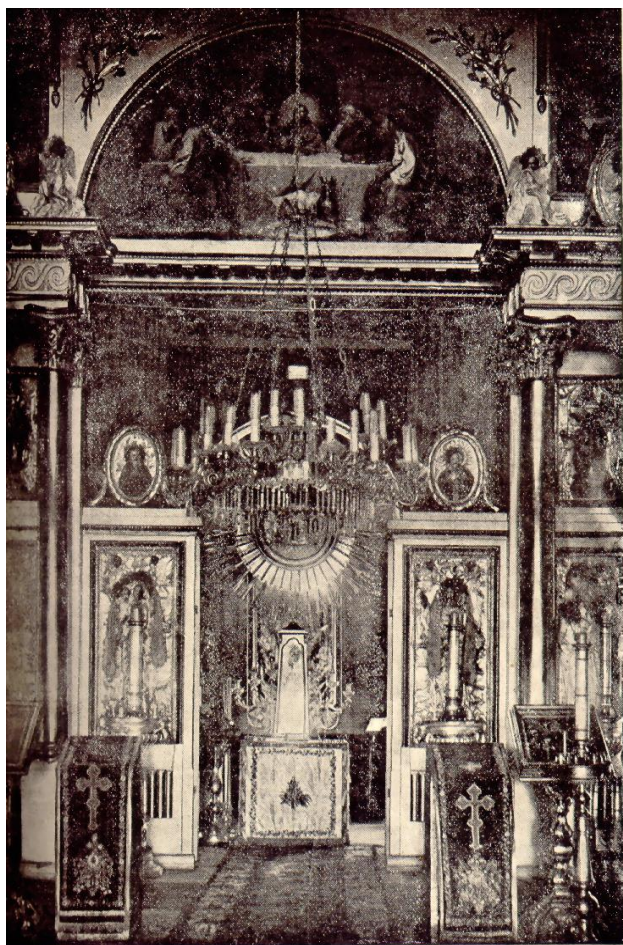
5. Вид госпиталя с Госпитальной площади. Церковь «Всех скорбящих радости». 1907 г.

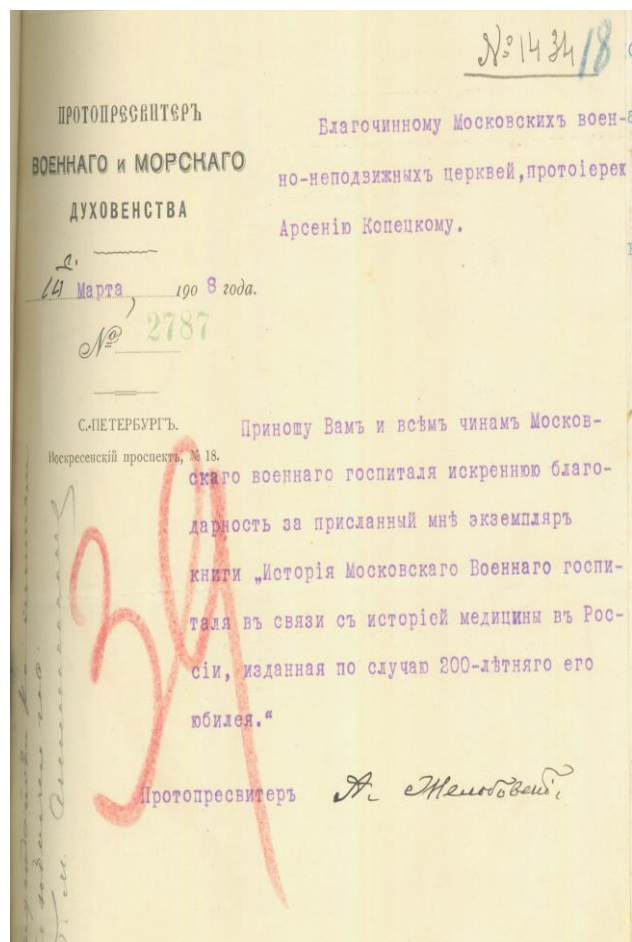
6. Командование и духовенство Московского госпиталя.
(Гл. врач Н. И. Якимов, прот. Арсений Копецкий, диак. Александр Болотов)

7. Палата солдатская. Отделение по внутренним болезням. 1907 г.

8. Вид убранства госпитальной церкви свв. апп. Петра и Павла. 1907 г.

9. Благодарность прот. Арсению Копецкому.

10. Почетный староста церквей
Московского госпиталя И. Ф. Тихомиров

11. Сестра милосердия В. А. Левицкая.
1914 г.

12. Главный врач Н. И. Якимов и сестры милосердия. 1907 г.

13. Врачи, фельдшеры и сестры милосердия Московского госпиталя. 1909 г.

14. Перевязочная Московского госпиталя. 1911 г.

15. Полковой священник среди раненных в лазарете. 1915 г.

16. Первая мировая война. Молебен перед боем.

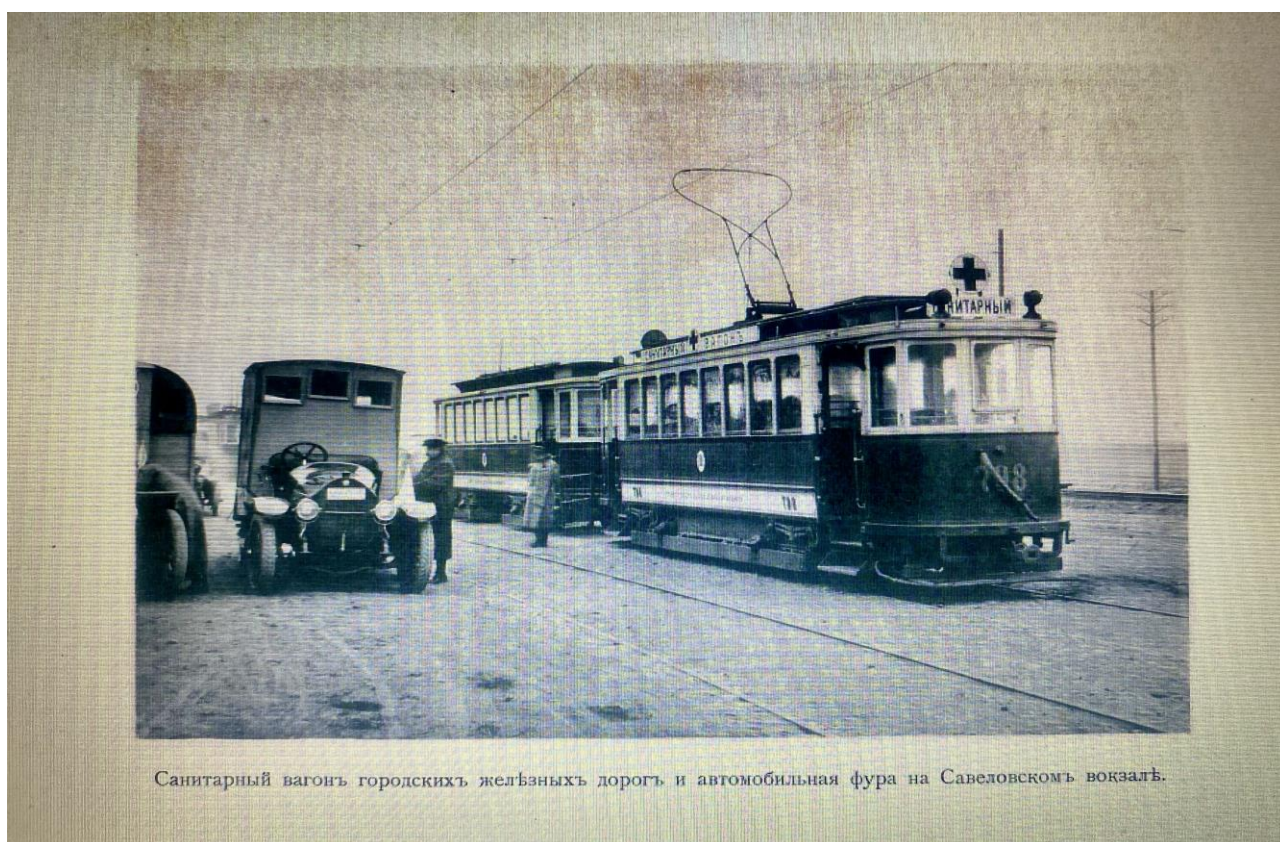
17. Отпевание. Газета «Солнце России». 1914 г. № 226-23.

18. Похороны погибших. Первая мировая война 1914-1917 гг.

19. Похороны солдата. Май 1914 г.

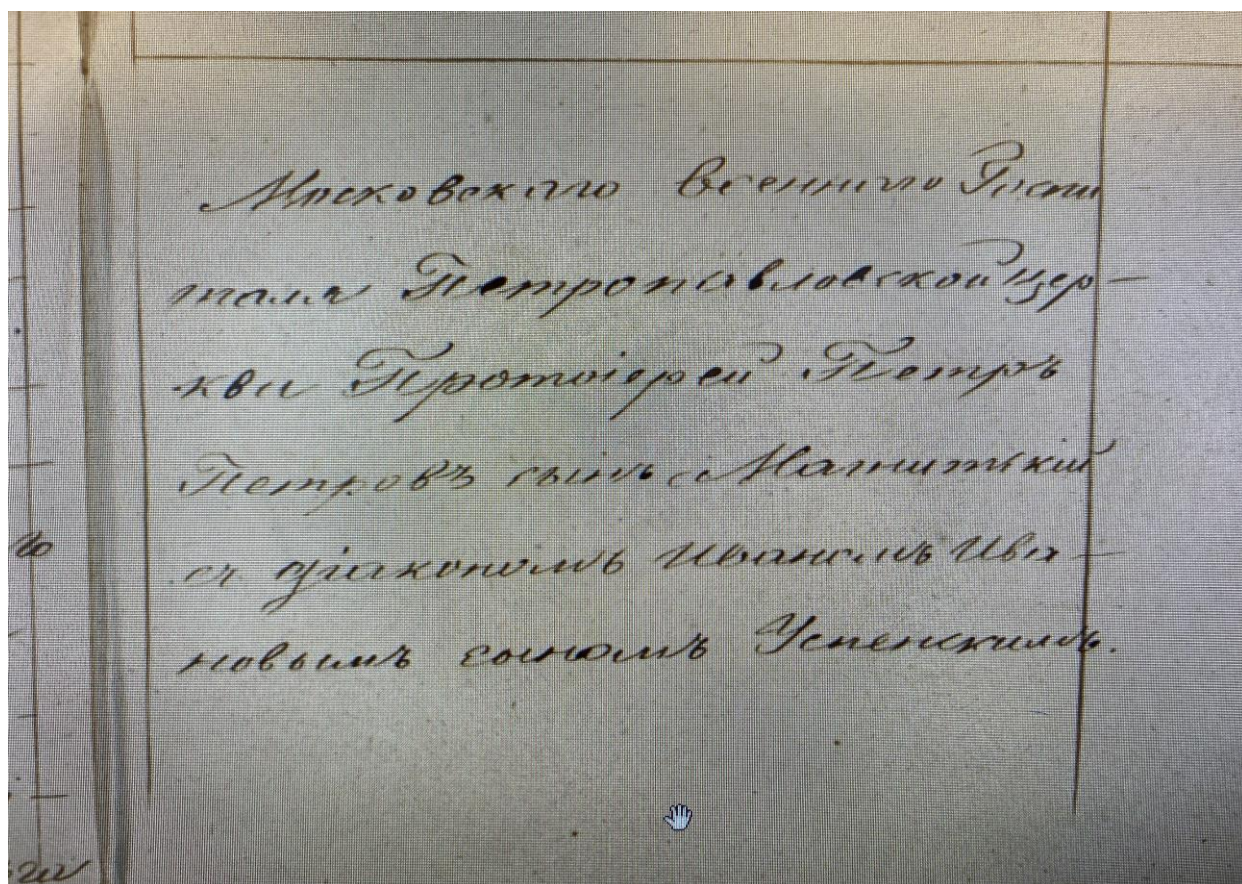

Санитарный вагонъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ и автомобильная фура на Савеловскомъ вокзалѣ.

20. Санитарный трамвай в годы Первой мировой войны.

21. Санитарная дружина. 1922 г.

22. Подпись прот. Петр Магнитский. 1851 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 289.

page =

23. Метрическая книга. Итоги за 1847 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 285.

24. Метрическая книга. Итоги за 1848 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 286.

25. Метрическая книга. Итоги за 1850 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 288.

26. Метрическая книга. Итоги за 1852 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 290.

Итого за 1853 г.

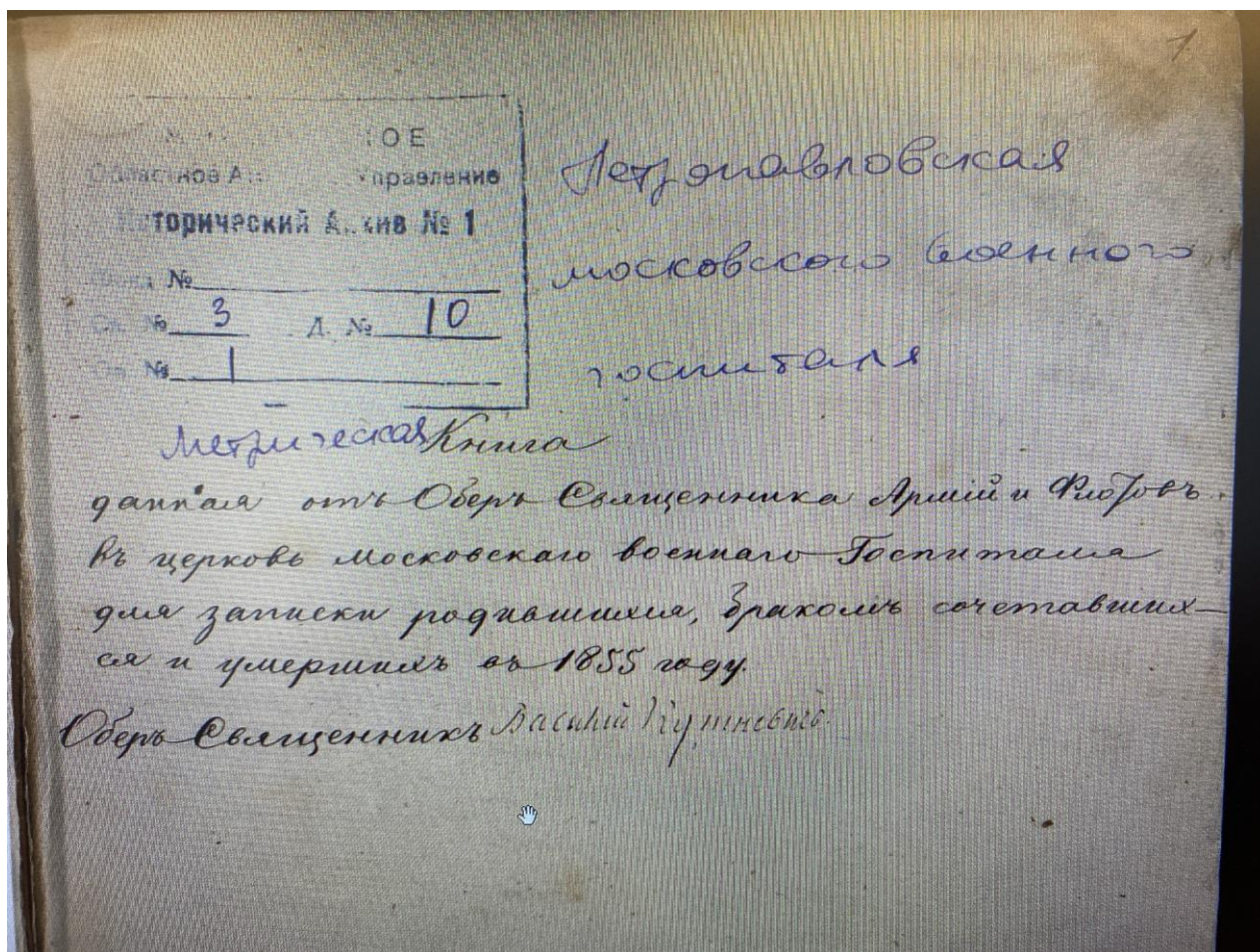
Итого за 1853 г. по всем селам и деревням

Итого за 1853 г. по всем селам и деревням

Село	Рожь			Пшеница			Овес			Ячмень			Кормовые травы			Другие культуры		
	Посев	Урожай	Всего	Посев	Урожай	Всего	Посев	Урожай	Всего	Посев	Урожай	Всего	Посев	Урожай	Всего	Посев	Урожай	Всего
При Мокшанском																		
восточной деревни																		
Деревня Покровская																		
и др.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Итого за 1853 г.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Итого за 1853 г. по всем селам и деревням

27. Метрическая книга. Итоги за 1853 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 291.

29. Подпись метрической книги для Петропавловской госпитальной церкви
обер-священником Василием Кутневичем.

Итого

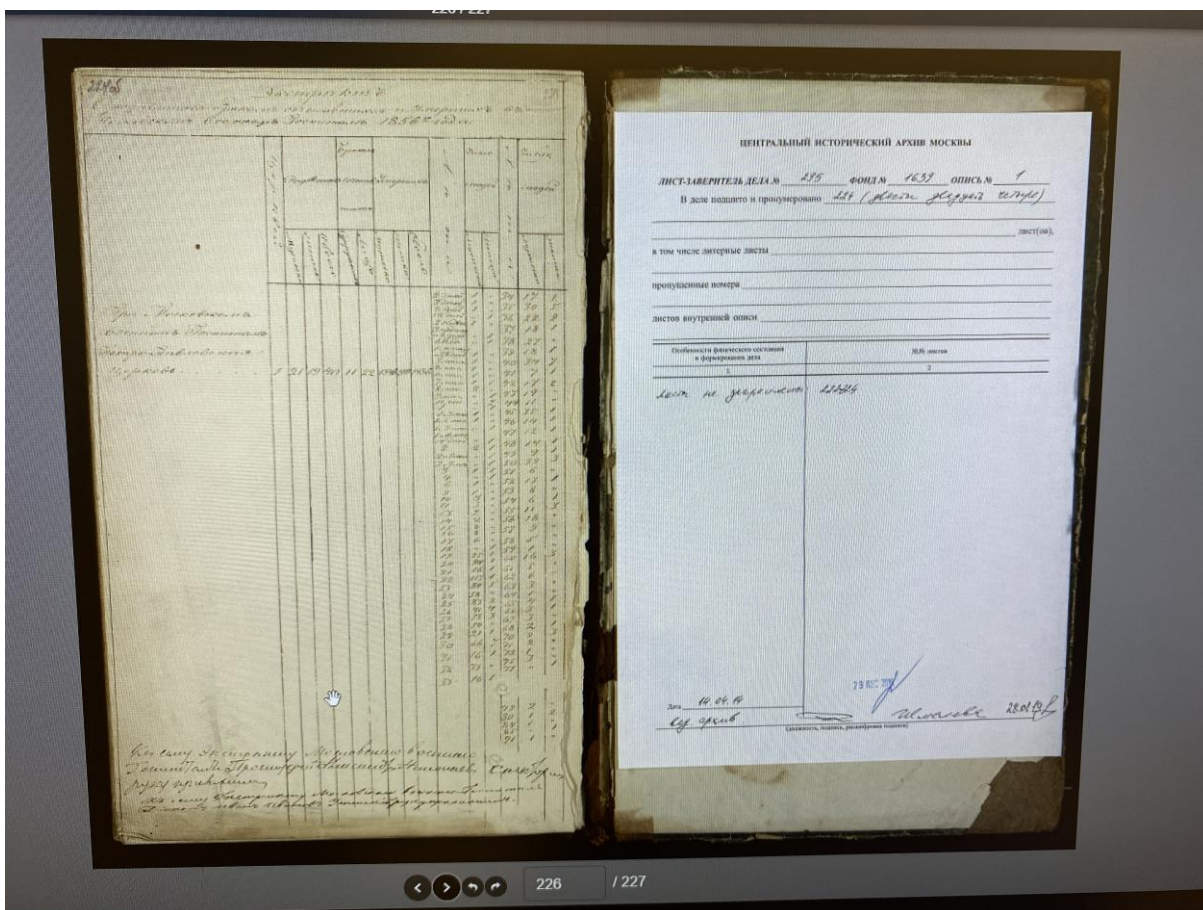
Содержащая: Брачные, Крестовые, Похоронные и другие акты

Московская губерния, 1855 г.

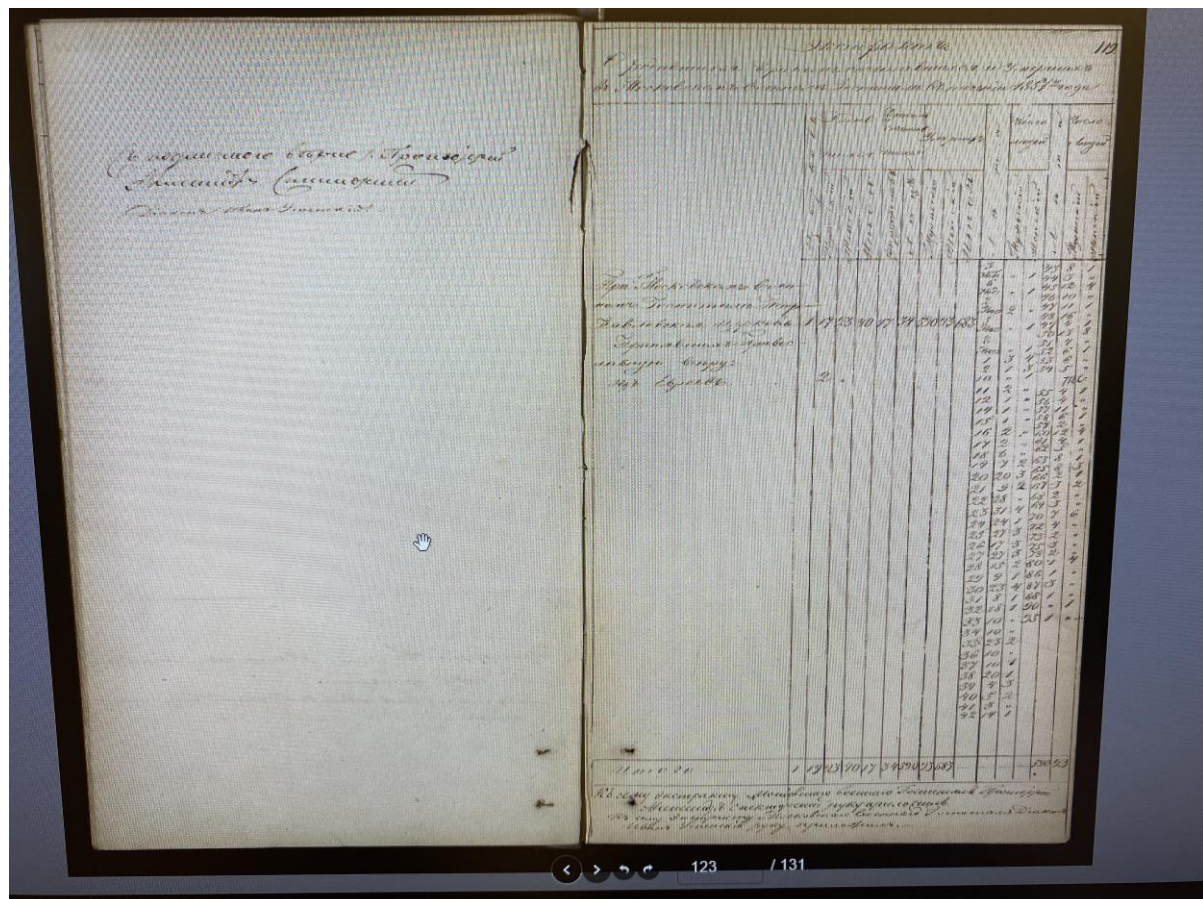
№	Брачные		Крестовые		Похоронные		Другие		Всего
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	1	1	1	1	1	1	1	1	1
3	1	1	1	1	1	1	1	1	1
4	1	1	1	1	1	1	1	1	1
5	1	1	1	1	1	1	1	1	1
6	1	1	1	1	1	1	1	1	1
7	1	1	1	1	1	1	1	1	1
8	1	1	1	1	1	1	1	1	1
9	1	1	1	1	1	1	1	1	1
10	1	1	1	1	1	1	1	1	1
11	1	1	1	1	1	1	1	1	1
12	1	1	1	1	1	1	1	1	1
13	1	1	1	1	1	1	1	1	1
14	1	1	1	1	1	1	1	1	1
15	1	1	1	1	1	1	1	1	1
16	1	1	1	1	1	1	1	1	1
17	1	1	1	1	1	1	1	1	1
18	1	1	1	1	1	1	1	1	1
19	1	1	1	1	1	1	1	1	1
20	1	1	1	1	1	1	1	1	1
21	1	1	1	1	1	1	1	1	1
22	1	1	1	1	1	1	1	1	1
23	1	1	1	1	1	1	1	1	1
24	1	1	1	1	1	1	1	1	1
25	1	1	1	1	1	1	1	1	1
26	1	1	1	1	1	1	1	1	1
27	1	1	1	1	1	1	1	1	1
28	1	1	1	1	1	1	1	1	1
29	1	1	1	1	1	1	1	1	1
30	1	1	1	1	1	1	1	1	1
31	1	1	1	1	1	1	1	1	1
32	1	1	1	1	1	1	1	1	1
33	1	1	1	1	1	1	1	1	1
34	1	1	1	1	1	1	1	1	1
35	1	1	1	1	1	1	1	1	1
36	1	1	1	1	1	1	1	1	1
37	1	1	1	1	1	1	1	1	1
38	1	1	1	1	1	1	1	1	1
39	1	1	1	1	1	1	1	1	1
40	1	1	1	1	1	1	1	1	1
41	1	1	1	1	1	1	1	1	1
42	1	1	1	1	1	1	1	1	1
43	1	1	1	1	1	1	1	1	1
44	1	1	1	1	1	1	1	1	1
45	1	1	1	1	1	1	1	1	1
46	1	1	1	1	1	1	1	1	1
47	1	1	1	1	1	1	1	1	1
48	1	1	1	1	1	1	1	1	1
49	1	1	1	1	1	1	1	1	1
50	1	1	1	1	1	1	1	1	1
51	1	1	1	1	1	1	1	1	1
52	1	1	1	1	1	1	1	1	1
53	1	1	1	1	1	1	1	1	1
54	1	1	1	1	1	1	1	1	1
55	1	1	1	1	1	1	1	1	1
56	1	1	1	1	1	1	1	1	1
57	1	1	1	1	1	1	1	1	1
58	1	1	1	1	1	1	1	1	1
59	1	1	1	1	1	1	1	1	1
60	1	1	1	1	1	1	1	1	1
61	1	1	1	1	1	1	1	1	1
62	1	1	1	1	1	1	1	1	1
63	1	1	1	1	1	1	1	1	1
64	1	1	1	1	1	1	1	1	1
65	1	1	1	1	1	1	1	1	1
66	1	1	1	1	1	1	1	1	1
67	1	1	1	1	1	1	1	1	1
68	1	1	1	1	1	1	1	1	1
69	1	1	1	1	1	1	1	1	1
70	1	1	1	1	1	1	1	1	1
71	1	1	1	1	1	1	1	1	1
72	1	1	1	1	1	1	1	1	1
73	1	1	1	1	1	1	1	1	1
74	1	1	1	1	1	1	1	1	1
75	1	1	1	1	1	1	1	1	1
76	1	1	1	1	1	1	1	1	1
77	1	1	1	1	1	1	1	1	1
78	1	1	1	1	1	1	1	1	1
79	1	1	1	1	1	1	1	1	1
80	1	1	1	1	1	1	1	1	1
81	1	1	1	1	1	1	1	1	1
82	1	1	1	1	1	1	1	1	1
83	1	1	1	1	1	1	1	1	1
84	1	1	1	1	1	1	1	1	1
85	1	1	1	1	1	1	1	1	1
86	1	1	1	1	1	1	1	1	1
87	1	1	1	1	1	1	1	1	1
88	1	1	1	1	1	1	1	1	1
89	1	1	1	1	1	1	1	1	1
90	1	1	1	1	1	1	1	1	1
91	1	1	1	1	1	1	1	1	1
92	1	1	1	1	1	1	1	1	1
93	1	1	1	1	1	1	1	1	1
94	1	1	1	1	1	1	1	1	1
95	1	1	1	1	1	1	1	1	1
96	1	1	1	1	1	1	1	1	1
97	1	1	1	1	1	1	1	1	1
98	1	1	1	1	1	1	1	1	1
99	1	1	1	1	1	1	1	1	1
100	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Сумма

30. Метрическая книга. Итоги за 1855 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 294.

31. Метрическая книга. Итоги за 1855 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 295.

32. Метрическая книга. Итоги за 1857 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 296.

[illegible]

34. Пример заполнения метрической книги. 1901 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 303.

ВѢДОМОСТЬ

о рожденных, браковахъ сочѣтавшихся и оумершихъ по *закону Московскаго Генеральнаго Губернатора*
Петра Великаго *Великаго Государя* за 1912 годъ

Званіе мѣстѣ.	рождающ.			браковъ, соч.		оумерло.			Безбрачны, въ которыхъ живутъ.	умоло дѣла.		
	Мужика мѣст.	Жениха мѣст.	Всего.	Муж.	Жен.	Мужика мѣст.	Жениха мѣст.	Всего.		Мужика мѣст.	Жениха мѣст.	Всего.
<i>Губернаторъ Московскаго Генерала</i> <i>нашъ Императора Петра</i> <i>Великаго Великаго Государя</i>	2.	5.	7.	8.		185	+	186	90 - 1 годъ " 5 - 10 " 10 - 15 " 15 - 20 " 20 - 25 " 25 - 30 " 30 - 35 " 35 - 40 " 40 - 45 " 45 - 50 " 50 - 55 " 55 - 60 " 60 - 65 " 65 - 70 " 70 - 75 " 75 - 80 " 80 - 85 " 85 - 90 " 90 - 95 " 95 - 100	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100	

Протоирей Александръ
Григорьевъ

36. Ведомость за 1912 г. Ф. 1639, О. 1, Д. 306.